

The book cover features a close-up of a woman's face on the left side, with her blue eyes looking intensely at the viewer. Her blonde hair is partially visible. The background is a dark, blurry street scene at night, with a person's silhouette in the distance and various lights. The text is overlaid on the image.

Р.Л. СТАЙН

**МЕРТВЫЙ
БОЙФРЕНД**

УЛИЦА СТРАХА

Р. Л. СТАЙН
МЕРТВЫЙ БОЙФРЕНД

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вот она я, мой дорогой дневник, собираюсь снова довериться тебе. Собираюсь излить душу, как всегда, тебе одному. Это единственное место, где я могу полностью открыться и рассказать, что я на самом деле чувствую. Сколько шариковых ручек помогли мне делиться с тобой своей историей? Сколько раз я поздней ночью дремала, склонив голову, над твоими раскрытыми страницами, все еще сжимая ручку в руке, как будто могла записывать свои мысли во сне?

Естественно, мои родители не понимают, почему я провожу столько времени, склонившись над письменным столом, царапая строчку за строчкой, обнажая свою душу, если у меня есть миллион возможностей поразвлечься. Но ты понимаешь меня, мой друг. Вздох...

Ладно. Начнем сегодня с кое-каких подробностей? Поскольку это новый дневник, я начну с начала. Меня зовут Кейтлин Доннелли. Мне семнадцать, я учусь в выпускном классе старшей школы Шейдисайда. Выгляжу я неплохо. Я бы сказала, на семерочку.

У меня волнистые светлые волосы, красиво ниспадающие на плечи. Я среднего роста и веса. У меня нормальная улыбка, хотя передние зубы немного выступают. Моя подруга Джули говорит, что мое главное достоинство — глаза, потому что они у меня большие, темные и серьезные.

Всю свою жизнь я прожила в одном и том же доме на Бэнк-Стрит, в двух кварталах от торгового центра Шейдисайда. Только я и мои родители. Дженнифер, моя старшая сестра, переехала в Лос-Анджелес, чтобы стать сценаристом.

Джен — единственный талантливый человек в нашей семье, правда, пока что она проводит большую часть своего времени, обслуживая столики в мексиканской забегаловке в Вествуде. Наверное, даже я пишу больше, чем она, но я знаю, что однажды ей повезет. Она очень утонченная и умная, и ей все очень легко дается.

Мы с Джен никогда не были особо близки, думаю, потому что она почти на шесть лет старше меня. Но с ней я могла поговорить, когда мне в голову приходили какие-нибудь мысли. То есть почти постоянно. И я очень по ней скучаю.

Раз в две-три недели мы с ней общаемся по ФейсТайму, но это не то же самое. Разговоры всегда проходят довольно неловко, наверное, потому что Джен понимает, что она в Лос-Анджелесе уже почти год и ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы кто-нибудь заинтересовался ее работами. А она из тех людей, кто терпеть не может неудачи.

Мне все равно, увидит ли вообще кто-нибудь когда-нибудь то, что я пишу, Дневник. По правде говоря, я не хочу, чтобы кто-то это видел. Думаю, я сойду с ума, если кто-нибудь прочтет мои настоящие мысли и узнает, какая я странная. Вот почему я запираю тетрадь и ношу ключ на цепочке на шее.

Личное. Руки прочь. Это тебя касается.

Вообще-то, я не считаю себя странной. Я просто не вписываюсь в свою семью. Они все такие целеустремленные, амбициозные и серьезно относятся к жизни, а я преимущественно хочу развлекаться. Еще один вздох.

Жизнь так коротка. Я поняла это на горьком опыте. Ты все об этом знаешь, Дневник. Ты один.

Больше никто не знает всей правды. Никто бы не поверил.

С тех пор, как Блэйд умер, моя жизнь — сплошная печаль. И страх.

Вряд ли я когда-нибудь снова смогу стать тем веселым, беззаботным, неунывающим человеком, которым была. Мои родители и друзья отчаянно пытаются вытащить меня из пучины уныния.

Но как они могут это сделать? Ничего не выйдет.

Мы с Блейдом были идеальной парой. Идеальной... с той самой ночи нашей встречи.

Та ночь... Это была замечательная ночь, Дневник. Той ночью я столкнулась с Диной Фиар.

Я прожила в Шейдисайде всю свою жизнь и никогда не разговаривала ни с кем из семьи Фиар. А теперь, когда я вспомнила... когда я подумала о Дине Фиар и той темноте, которую она принесла в мою жизнь, на моей ладони выступил пот, и мне стало трудно удержать ручку.

Бедный Блэйд. Мой прекрасный Блэйд. Могла ли я знать, что он будет со мной так недолго? Могла ли знать, что он умрет такой ужасной смертью?

Я вынуждена прерваться. Слезы размывают буквы. И я так крепко вцепилась в ручку... Мне хочется колоть ею... колоть... колоть...

2

Кажется, что это было очень давно, но прошло всего несколько недель, Дневник. Мы с Джули и Мирандой ютились за дальним столиком в «Лефти». Это закусочная с чизбургерами напротив школы. Еда в «Лефти» неплоха, но мы в основном ходим туда посмотреть на других. Это место тусовки. Так его называют в избитых подростковых фильмах.

Был вечер пятницы, начало десятого. Почти все столики были заняты ребятами из нашей школы. У стойки в ожидании столика стояло несколько недовольных взрослых. Наверное, им не очень нравились громкие голоса и непрекращающийся смех.

Мне кажется, взрослые вообще ненавидят подростков. Потому что завидуют. Они бы предпочли быть подростками, а не теми, кем являются.

Внезапно раздался громкий грохот, заставивший нас всех подскочить. Официантка уронила поднос со стаканами. На несколько секунд в ресторане установилась тишина. Затем все разразились аплодисментами.

Я повернулась к Джули и Миранде.

— О чем я говорила?

— О себе, конечно, — ответила Миранда. Она проныра с плохим чувством юмора.

— Моя любимая тема, — сказала я.

— Ты рассказывала нам о маленьком мальчике, уронившем свой попкорн, — вмешалась Джули.

— А, точно. Я не имела права заменять его. Рикки, менеджер, говорит не давать никому бесплатного попкорна. Но я дождалась, когда Рикки отошел от прилавка с попкорном, и

дала ребенку еще один пакет.

— Да ладно, — сказала Миранда. — Ты не могла выбрать историю получше?

Я схватила ее за запястье.

— Ты не дала мне закончить, — сказала я. — Мальчик уронил и второй пакет.

Джули засмеялась.

— Бедняга.

Миранда закатила глаза.

— Кейтлин, у тебя такая увлекательная жизнь. Мое сердце сейчас выскочит из груди.

Расскажи эту историю еще раз.

— Ладно, — сказала я, — слушать о продаже попкорна в «Синеплекс» тебе не интересно. Что же увлекательного произошло сегодня с тобой?

Миранда вздохнула.

— Верите или нет, но этот чизбургер — самое яркое событие моего сегодняшнего дня.

Она поднесла чизбургер ко рту и откусила маленький кусочек. Из булочки выскользнул помидор и плюхнулся на ее тарелку.

— Тебе стоит подтянуть навыки работы с чизбургером, — сказала Джули. Это было не особо смешно, но мы трое рассмеялись.

Мы с Джули были друзьями с девятого класса, хотя мы очень разные. Она полна сарказма, часто закатывает глаза и вставляет забавные комментарии. Но, вообще-то, я бы сказала, что у нее довольно мерзкое чувство юмора.

Я не веселый чирлидер, но стараюсь видеть светлую сторону вещей. Я легко увлекаюсь. Ничего не могу с собой поделаться. Я не сдерживаю себя. Я даже могу попытаться насладиться тем, что другие люди находят скучным, как мои вечерние смены за прилавком с попкорном.

Я импульсивная. И эмоциональная. Все время плачу над фильмами и сериалами. И не стыжусь этого.

Не думаю, что я когда-нибудь видела, чтобы плакала Миранда. Или чтобы она была чем-нибудь очень взволнована. Она всегда держится в стороне, отпуская шуточки. Она не стеснительная. Думаю, просто замкнутая.

Миранда была бы очень привлекательной, если бы немного сбросила вес и сделала что-нибудь со своими каштановыми волосами, свисающими прядями. Еще ей нужно избавиться от ее очков. С этой красной пластиковой оправой они выглядят, как очки для плавания.

Мы с Джули без конца повторяем ей, что она выглядела бы гораздо лучше с контактными линзами. Но она говорит, что не собирается совать маленькие острые штучки себе в глаза. Упрямец.

Я ни в коем случае не осуждаю ее, Дневник. Просто пытаюсь ее описать. Она хорошая подруга. Она никогда не увидит, что я здесь пишу. Никто не увидит. Но я все равно пытаюсь быть как можно более честной и точной.

Джули не ест мяса, поэтому она заказала поджаренный сэндвич с сыром, и мы взяли на двоих тарелку картошки фри. Мы с ней выглядим, как сестры. У нее такие же светлые волосы, как у меня, и у нас обеих серьезные темные глаза. Она пользуется ярко-красной помадой, из-за чего ее лицо выглядит более драматично, чем мое.

Мы ровесницы, но мне кажется, что она выглядит старше. Возможно, потому что она на пять сантиметров выше, чем я. И, вынуждена признать, она лучше одевается. Ее тетя постоянно присылает ее из Нью-Йорка чудесные дизайнерские топики и юбки.

Джули очень практичная и уравновешенная. Ее фамилия Нелло, и я называю ее Зрелая

Нелло. Она постоянно советует мне не поступать необдуманно, быть осторожной с парнями, не принимать ничего близко к сердцу и не быть такой эмоциональной.

Я всегда обвиняю ее в том, что она слишком робкая и никогда не рискует, в том, что она предсказуемая. Она, конечно, считает, что предсказуемость — хорошее качество. Может, мы и выглядим похоже, но характеры у нас абсолютно разные.

Миранда наклонилась ко мне и понюхала мои волосы.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Ты с ума сошла?

— Нет. Твои волосы пахнут попкорном, — сказала она. — Классный запах. Нужно, чтобы кто-нибудь создал духи с ароматом попкорна.

— Идея на миллион долларов, — сказала Джули. — Я бы купила. А что насчет духов с ароматом бекона? Мы могли бы заработать целое состояние.

— Я думала, ты вегетарианка, — сказала я.

Она нахмурилась.

— Я не ем бекон. Но это не значит, что я не могу им пользоваться.

Я вздохнула.

— Придя домой, я дважды мою голову. И все равно не могу избавиться от запаха попкорна.

Джули подсолила картошку.

— Ты когда-нибудь сама ела попкорн, пока ждала покупателей?

Я усмехнулась.

— Рики бы с радостью пересчитал каждое зернышко, да не может. Так что, когда он не смотрит, я беру себе горсть или две.

Миранда снова закатила глаза.

— Мы что, весь вечер будем говорить о попкорне? Никто не слышал никаких хороших сплетен?

Я легонько толкнула ее.

— Вставай. Мне нужно в уборную.

Она выкарабкалась из-за столика и встала. Я выскользнула вслед за ней.

— Не говорите ни о чем интересном, пока я не вернусь.

— Без проблем, — сказала Миранда.

В «Лефти» одна единственная уборная напротив двери в кухню. Мне пришлось ждать в очереди позади двух других девушек из моей школы. Они обсуждали концерт металлистов в «Арене» в Мартинсвилле, на котором они были. Им понравилось. Они сидели на третьем ряду, и билетеры раздавали беруши, чтобы никто не оглох.

Затем девушки начали болтать о том, что теплая весенняя погода делает с их волосами. Решением стало «больше кондиционера».

— Я каждое утро использую полбутылки.

Интересная идея.

Выйдя из уборной, я столкнулась с девушкой, у которой были длинные прямые черные волосы, темные глаза и черная помада на фоне бледной кожи. Она несла белый пакет с чизбургерами на вынос.

Когда я врезалась в нее, пакет выскользнул у нее из рук. Мы обе наклонились, чтобы поднять его, и столкнулись лбами.

— Извини, — торопливо сказала она тоненьким голоском.

«Извини». Хотя это была моя вина.

Я протянула ей пакет.

Я знала, кто она такая.

Дина Фиар.

Но я понятия не имела, что скоро моя жизнь изменится навсегда.

3

На Дине Фиар были огромные круглые очки в черной оправе. Под ними ее темные глаза казались выпученными, от чего она смахивала на сову. Несмотря на то, что вечер был теплым, на ней был черный свитер с длинными рукавами и круглым вырезом, короткая прямая черная юбка и черные колготки. Я обратила внимание на ее сережки — маленькие серебряные черепа. В носу у нее тоже был серебряный череп.

— Извини, — смущенно пробормотала я. — Я не смотрела, куда иду. Я...

— Все в порядке, Кейтлин.

Я удивилась. Не думала, что Дина знает, как меня зовут. Ее взгляд скользнул по моему запястью.

— Мне нравится твой браслет.

Она уставилась на серебряный браслет, который родители привезли мне из отпуска на Багамах.

К моему удивлению, Дина протянула руку и обхватила мое запястье вместе с браслетом. Ее ладонь была сухой и теплой. Ногти были разделены пополам: одна половина — черная, другая — белая. Она долго держала мое запястье.

— Он обладает силой?

Она говорила так тихо, что я засомневалась, что расслышала правильно.

— Силой? Браслет?

Дина кивнула. Ее прямые черные волосы упали на лоб. Она отпустила мое запястье и убрала их назад.

— Я... так не думаю, — сказала я и рассмеялась. Она пошутила?

Она переложила пакет с чизбургерами в другую руку.

— Я видела тебя в торговом центре, Кейтлин, — сказала она.

Я кивнула.

— Да. Иногда после обеда я работаю в «Синеплекс», — я повернулась и мельком заметила, что Джули и Миранда наблюдают за нами с другого конца ресторана. — Мне лучше вернуться к моим подругам. Увидимся, Дина.

Ее совиные глаза впились в мои. Я хотела отвернуться, но они словно держали меня.

— Иногда я кое-что вижу, — сказала Дина. — Иногда я узнаю кое-что о людях.

Я понятия не имела, что на это ответить. Мимо нас попыталась протиснуться официантка, несущая над головой поднос с чизбургерами. Я использовала это, как предлог, чтобы уйти. Я помахала Дине и пошла прочь. В запястье, где Дина бралась за мой браслет, я почему-то ощущала покалывание.

Миранда поднялась, чтобы я смогла сесть на свое место. Я уселась как раз вовремя, чтобы заметить, как Дина Фиар выходит из ресторана, ее длинные волосы покачивались у нее за спиной.

— Давно ты ее знаешь? — спросила Джули.

— Я ее не знаю, — ответила я. — Я в нее врезалась. Так и завязался разговор.

— Она поднимает готов на новый уровень, — сказала Миранда.

— Меня от нее в дрожь бросает, — сказала Джули.

— Она не так ужасна, — возразила я.

Миранда покачала головой.

— Просто из-за того, что она из семьи Фиар, она обязательно должна одеваться в черное, красить губы черной помадой, а ногти черным лаком и бродить кругом, словно она ведьма? Почему бы ей не взбунтоваться? Носить яркие цвета? Стать чирлидером? Выдвинуться в королевы выпускного бала?

Джули рассмеялась.

— Мне она показалась очень стеснительной, — сказала я. — Она такая неловкая. Как думаете, у нее есть друзья? Видели, чтобы она когда-нибудь с кем-нибудь общалась в школе?

— Я вообще не помню, чтобы когда-нибудь видела ее в школе, — сказала Джули.

— Она не пытается заводить друзей, — упорствовала Миранда. — Мы однажды оказались на одной вечеринке по случаю дня рождения. Я попыталась поговорить с ней. Оказалось, что она одержима призраками, сверхъестественным и ходячими мертвецами. Она без конца болтала о каких-то фильмах, о которых я никогда не слышала. По крайней мере, я думаю, что речь шла о фильмах.

— Может, у нее выбора не было, — сказала я, сама не зная, почему защищаю Дину Фиар. Наверное, мне просто нравится быть на стороне аутсайдеров. Или мне нравится спорить с Мирандой. — Она из такой семьи...

— Она абсолютно типичный представитель семьи Фиар, — встряла Джули.

Браслет все еще пощипывал мне руку, как наэлектризованный. Я съела несколько кусков картошки. Она уже остыла. Затем я повернулась к Миранде.

— Вечеринка по случаю окончания школы будет у тебя?

Она меня не услышала. Она смотрела на столик у входа в ресторан.

— У Миранды нет выбора, — сказала Джули. — У меня нельзя. Дом слишком маленький.

— Можно устроить вечеринку у тебя на заднем дворе, — сказала я. — Моих родителей

даже не будет в городе. Они на две недели уезжают в командировку в ЮАР. Можешь поверить, что они пропустят мой выпускной?

— Тогда нужно устроить вечеринку у тебя дома, — сказала Джули. — Никаких родителей. Полный отрыв.

Миранда все еще таращилась на столик у входа. Она толкнула меня в плечо.

— Что это там за парень пялится на тебя? Ты его знаешь?

Я попыталась проследить за его взглядом. Официантка в голубой униформе начала убирать стол, загораживая мне обзор.

— Какой парень?

— Видишь? — Миранда повернула мою голову. — Парень в красной толстовке? Он пялится на тебя, как загипнотизированный.

— Загипнотизирован твоей красотой, — сказала Джули. Я не поняла, шутит ли она.

Я наконец заметила парня, он сидел боком за маленьким квадратным столом, игнорируя свою еду. И да, смотрел он на меня. Выглядел он довольно симпатично. Из-под расстегнутой красной толстовки была видна темная футболка. На его лоб спадала волна черных волос.

— Я его не знаю, — сказала я.

— А он считает, что знает тебя, — сказала Миранда.

Я присмотрелась.

— Нет. Я никогда его не видела. Вряд ли он ходит в Шейдисайд.

— Он не мигает, — сказала Джули. — Наверное, хочет поиграть с тобой в гляделки.

— Сейчас выясню, — сказала я. — Я не из робких.

Я толкнула пухлую руку Миранды. Миранда послушно встала на ноги, выпуская меня.

Джули поднесла руку ко рту. Она часто так делает. Ее легко шокировать.

— Ты правда собираешься подойти к нему?

— И что такого? — пробормотала я, протиснувшись мимо двух девушек, сидящих за столиком рядом с нашим и направилась к мистеру Красная Толстовка.

У него были удивительные серо-зеленые глаза, когда я подошла к нему, они расширились. Я поставила руки на талию.

— Привет, — сказала я. — Что происходит?

Он пожал плечами.

— Ничего плохого.

У него была красивая улыбка и крохотная ямочка на одной щеке.

— Ты смотрел на меня? — спросила я.

Он хихикнул.

— Ты всегда думаешь, что люди смотрят на тебя?

— Отвечай на вопрос, — сказала я. — Смотрел?

Он снова пожал плечами.

— Возможно, — мне понравилось, как прищурились его невероятные серо-голубые глаза, когда он улыбнулся.

Я улыбнулась в ответ.

— Почему ты смотрел на меня?

— Потому что у тебя на подбородке прилип кусок салата.

Он потянулся, снял салат и показал его мне.

Да, да, Дневник, я ожидала чего-то более романтического. Конечно, я смутилась. Но мне

не хотелось разворачиваться и сбегать. Меня к нему что-то тянуло, и дело было не только в его привлекательности.

Я скрестила руки на груди.

— Как тебя зовут?

— Блэйд.

— Нет. Серьезно, — сказала я.

— Seriously. Блэйд. Мои родители хотели что-то поострее*.

Я засмеялась.

— Готова поспорить, ты не раз это говорил.

— Верно, — согласился он.

— А меня зовут... — начала я. Но он подал мне рукой знак замолчать.

— Позволь, я угадаю, — попросил он. — Я отлично угадываю имена. У меня талант.

Я проскользнула мимо него, вытащила стул и села напротив Блэйда, мельком взглянув на Джули и Миранду за столиком в дальней части ресторана. Они обе внимательно наблюдали за разворачивающейся сценой.

— Riskни, — согласилась я.

Он впился в меня глазами, изучая меня.

— Тебя зовут Табита, — сказал он.

Я поперхнулась.

— Табита?

Он кивнул.

— Как тебя зовут друзья? Тэбби?

Я кивнула.

— Да. Они зовут меня Тэбби. Как ты угадала? Просто удивительно. Тебе кто-то подсказал?

Его щеки порозовели.

— Ничего подобного. Я же тебе сказал, у меня талант к угадыванию имен.

Я наклонилась над столом и дразняще посмотрела на него.

— А какие еще таланты у тебя есть, Блэйд?

Он пожал плечами.

— Как тебя зовут на самом деле?

— Кейтлин.

— Я так и думал. Это было второе предположение.

Спустя пару минут явного первоклассного флирта, я попрощалась со своими подругами и вышла с ним из ресторана. Куда мы направлялись? Я понятия не имела. Я только знала, что спустя всего пару минут я абсолютно комфортно чувствовала себя рядом с ним. Более чем комфортно. Меня определенно влекло к нему, и мне хотелось проводить время с ним.

Это и есть любовь с первого взгляда?

Сложно поверить, но эта мысль действительно крутилась у меня в мозгу, когда мы ступили в теплую апрельскую ночь: мягкий прохладный бриз коснулся моих горячих щек, из «Лефти» доносился аромат чизбургеров, над нашими головами в фиолетовом небе висела яркая половина луны.

Знаю, знаю. Звучит, как глупая мелодрама. Но иногда и в жизни случается такое странное нереальное счастье, которое обычно видишь только по телевизору.

И это был определенно один из таких случаев.

По пути Блэйд положил руку мне на спину. И это казалось абсолютно естественным. Как будто мы годами гуляем вместе. Я задалась вопросом, чувствует ли он то же самое.

Мы брели вдоль Пограничной улицы мимо школы, в темных окнах которой отражался желтый лунный свет, и вдоль домов, стоящих напротив Шейдисайдского парка.

О чем мы разговаривали? Я почти не помню, Дневник. Мы говорили о школе. Семья Блэйда переехала в Шейдисайд прошлой осенью, и он учится в Академии. Это частная старшая школа на другом конце города. Он рассказал о своем старом доме в Шейкер Хайтс и как тяжело ему было оставлять там своих друзей.

Он сказал, что играет на клавишных и на гитаре, что входит в школьный джазовый квартет. Он практически уверен, что смог бы поступить в Оберлин. Но он целый семестр проболел, поэтому не сможет выпуститься в июне вместе с остальным классом.

Я рассказала ему, что меня приняли в Миддлберийский колледж в Вермонте, где училась моя сестра. Но мои родители пока не могут взять для меня студенческий заем. Рассказала, что пыталась получить стипендию за писательское искусство, но соревнование было слишком жестким. Я ее не получила.

Он посмотрел на меня своими чудесными серо-зелеными глазами.

— Тебе нравится писать?

Я как раз собиралась ответить, когда мое внимание привлекло что-то на другой стороне улицы. Я услышала громкую танцевальную музыку и увидела яркие огни в большом доме через улицу. В окне я рассмотрела толпу танцующих людей. Толпа высыпала на широкое крыльцо. Были слышны голоса и смех.

И у меня возникла идея. Я схватила Блэйда за руку.

— Эй, Блэйд, — сказала я. — Давай сделаем кое-что безумное.

4

Он прищурился.

— Насколько безумное?

— Давай ворвемся на вечеринку, — предложила я. — Потусуемся. Немного потанцуем. Вышьем, — я указала на окно. — Смотри. Там столько народу. Никто и не заметит еще двух человек.

Я затаила дыхание в ожидании ответа. Это был тест. Пройдет ли его Блэйд?

На его лице появилась улыбка.

— С удовольствием, — сказал он, схватил меня за руку и потащил на через дорогу. — Давай сделаем это. Время веселиться.

В этот момент я поняла, что мы с Блэйдом созданы друг для друга.

Мы промчались через лужайку. По обе стороны крыльца располагались клумбы с тюльпанами. От легкого ветра тюльпаны покачивались, словно приветствуя нас. Мы пробрались мимо людей на крыльце, кивая и приветствуя их, как будто мы свои.

По виду они были студенческого возраста, может, двадцать с небольшим. Одеты они были небрежно, хоть и не так небрежно, как мы с Блэйдом. И все же мы не сильно выделялись. Они пили вино из бумажных стаканчиков, болтали небольшими группами, поглядывая при этом на свои мобильные.

Сквозь входную дверь мы проскользнули в гостиную. Там было жарко из-за большого количества народу. На полную громкость была включена электронная танцевальная музыка. Комната гудела и вибрировала в такт.

Свет был приглушен. Мне понадобилось время, чтобы приспособиться. Блэйд держал меня за руку, мы пересекли комнату по направлению к столу с выпивкой. Танцевали всего три или четыре пары. Но комната была настолько переполнена, что они без конца сталкивались с людьми, столпившимися по сторонам.

Мы с Блэйдом взяли по бутылке пива. Вообще-то, я не люблю пиво. Наверное, просто пыталась произвести впечатление на Блэйда. На соседнем столе я увидела большие миски с кукурузными чипсами и соусом сальса и поднос с сосисками в тесте.

Я повернулась и осмотрела комнату, щурясь от тусклого оранжевого света. Мне не удалось никого узнать. Они определенно все были старше, чем мы с Блэйдом.

Я прижалась к уху Блэйда.

— Интересно, чья это вечеринка?

Он осмотрелся.

— Хороший вопрос.

Мы чокнулись бутылками с пивом.

— Здесь круто, — сказала я.

— Лучшая вечеринка в мире! — пошутил Блэйд.

Молодая женщина с очень короткими светлыми волосами, сбритыми с одной стороны, и бледно-голубыми глазами, одетая в выцветшие джинсы и голубую и зеленую футболки, врезалась в меня, чуть не расплескав свое вино.

— Ой, извини, — сказала она. — Совсем негде развернуться.

— Ничего страшного, — сказала я. — Классная вечеринка.

Она кивнула.

— Я тебя раньше не видела. Откуда ты знаешь Ханну и Марти?

— Просто живем рядом, — ответила я.

Она ушла. Мы с Блэйдом с наслаждением рассмеялись.

И тогда я увидела ее. Дину Фиар. У меня перехватило дыхание. Это было очень неожиданно, она казалась здесь не к месту.

Дина сидела на нижней ступеньке лестницы, ведущей вверх. Она была, как всегда, одета в черное, ее бледные ладони были крепко сжаты на подоле юбки. Ее черные волосы свободно ниспадали вокруг ее лица.

Я смотрела на нее сквозь перила. Заметила ли она меня?

Да. Ее глаза сверкнули за совиными очками. Она вскочила на ноги.

Я толкнула Блэйда локтем.

— Та девушка, что идет сюда...

Блэйд через толпу высмотрел приближающуюся Дину.

— Ты ее знаешь? Она твоя подруга?

— Нет, — ответила я. — То есть...

Дина шагнула между танцующей парочкой, чтобы добраться до нас. Ее лицо было бледнее, чем обычно, а ее губы были покрыты неоново-фиолетовой помадой. Она остановилась в нескольких сантиметрах от меня, совершенно не оставив мне личного пространства.

— Привет, Кейтлин.

Я кивнула.

— Привет, Дина.

Она одной рукой отбросила свои длинные волосы за плечи.

— Кейтлин, ты знакома с Блэйдом?

— Ну... — я колебалась. Откуда она знает имя Блэйда? Он же не ходит в нашу школу.

Я взглянула на Блэйда. Он внимательно изучал Дину, как будто она с другой планеты.

— Как дела, Блэйд? — спросила Дина.

— Неплохо, — ответил он и пристально посмотрел на нее. — Я тебя знаю?

Она ему не ответила. Вместо этого, напугав меня, схватила мое запястье, обхватив пальцами серебряный браслет, в точности как в «Лефти». Я почувствовала, как по моей руке поднимается волна тепла.

— Отличная вечеринка, правда? — она испытующе впиалась в меня взглядом. Я попыталась освободить руку, но она держала крепко.

Дина сжала мое запястье так сильно, что серебряный браслет врезался мне в кожу. Затем она приблизила свое лицо вплотную к моему. Я почувствовала на своей щеке ее горячее дыхание.

— Я первым его увидела, — прошептала она.

5

Я моргнула, у меня в голове вдруг зашумело. Я была уверена, что ослышалась. Музыка... голоса... Казалось, все стало громче, как будто я плаваю в звуке. Тону...

Я ничего не сказала. Наверное, была слишком ошеломлена, чтобы отреагировать. Я просто хотела освободить свою руку из хватки Дины, убрать ее подальше.

— Нам нужно идти, — сказал Блэйд, глядя в сторону входной двери.

Я попыталась повернуться, но Дина не отпустила меня. Она поднесла мою ладонь к лицу, сложила свои ярко-фиолетовые губы и подула на серебряный браслет. Дохнула своим горячим дыханием на браслет у меня на запястье.

Ее дыхание на запястье ощущалось влажным, почти липким. Я охнула и выдернула руку. Браслет начал пощипывать меня, затем стал обжигающе горячим.

— Эй, Дина... — позвала я.

Но она уже отвернулась от нас. Оттолкнув с дороги нескольких озадаченных людей, она вышла в дверь, напоследок качнув своими длинными спутанными волосами.

Я держалась за запястье, ожидая, когда браслет остынет.

На лице Блэйда отразилось замешательство.

— Что это было?

— Без понятия, — пробормотала я. — Seriously. Представления не имею.

— Она странная с большой буквы С, — сказал он.

— Ее зовут Дина Фиар, — сказала я, пропуская молодого человека, несущего большую коробку пиццы к столу с едой. — Она — Фиар. Ты слышал о семье Фиар?

Блэйд пожал плечами.

— Нет.

— Как-нибудь я тебе о них расскажу. Здесь, в Шейдисайде они знамениты, — я посторожилась, пропуская еще одну коробку пиццы. — Хочешь уйти?

Он ухмыльнулся.

— Так скоро? Думаю, хозяева обидятся, если мы уйдем так рано, — он положил руку мне на плечо и повел меня к столу с едой. — Я голоден. Благодаря тебе я не закончил свой чизбургер.

Блэйд взял в руку кусок пиццы и начал жадно его есть. Мы поболтали с парочкой, стоящей у стола с едой. Девушка училась на ветеринара. Парень сказал, что он блогер и ютубер. Они спросили, знаем ли мы, где в Шейдисайде можно попрыгать с парашютом.

Для тех, кто знает Шейдисайд, это довольно смешно.

Я заметила, что за мной и Блэйдом от дверей кухни наблюдает высокая рыжеволосая женщина. У нее было озадаченное выражение лица, как будто она пыталась понять, кто мы такие. Я подумала, что это, возможно, и есть Ханна, одна из хозяев.

Открылась входная дверь, прибыло еще несколько пар. Рыжеволосая женщина поспешила поприветствовать их. Было много объятий и поцелуев в щеку.

Внезапно у меня возникла идея.

Хотела ли я продемонстрировать Блэйду, какой сумасшедшей и безрассудной я могу быть? Хотела ли я посмотреть, так ли он импульсивен и безумен как я?

Возможно.

Блэйд стягивал с пальцев сыр от пиццы. Я подтащила его к себе.

— Блэйд, у меня есть еще одна идея. Что думаешь? Это будет настоящий бунт, — сказала я. — Что если мы станем в центре гостиной и начнем целоваться? Как будто реально увлеклись. Как будто полностью поглощены друг другом. словно нам пора уединиться где-нибудь в комнате.

Он кивнул. Его глаза блеснули.

— Может сработать.

— Так мы с можем отблагодарить хозяев, — ухмыляясь, продолжала я. — Немного их развлечем.

Он потащил меня в центр комнаты.

— Кейтлин, мне нравится ход твоих мыслей.

Блэйд обнял меня и прижал к себе. Он оказался сильнее, чем я думала. Он так крепко сжал меня, что у меня перехватило дыхание.

А затем он склонился ко мне и мы поцеловались. Это был долгий поцелуй. Я совсем затаила дыхание. Сначала запустила руки ему в волосы, затем опустила их ему на спину. Наши глаза были широко раскрыты, мы смотрели друг на друга, наслаждаясь нашей шуткой. Наслаждаясь поцелуем... Наслаждаясь...

Я мельком заметила, что люди вокруг нас расступаются. Парочки перестают танцевать, на их лицах появляется удивленное выражение.

Мы с Блэйдом демонстративно прижимались друг к другу губами. Вскоре я осознала,

что это перестало быть шуткой, перестало быть просто способом шокировать людей. Мы целовались по-настоящему, с реальными чувствами.

В какой момент шутки кончились и начались настоящие чувства? Не знаю. Я знала только, что у нас нет времени наслаждаться этим. Потому что гремящая танцевальная музыка внезапно оборвалась. На комнату опустилась тишина. А затем я увидела, что к нам с Блэйдом идет рыжеволосая женщина, чье лицо искажено гневом.

— Кто вы? — спросила она. — Я вас знаю? Кто вас сюда привел?

Мы с Блэйдом еще несколько секунд пообжимались. Затем отпустили друг друга и увидели, что она продолжает приближаться, сжимая руки в кулаки.

— Кто вы? Вас сюда приглашали?

— Ой, — сказала я. — Извините, — сначала я больше ничего не могла придумать, но потом добавила: — Классная вечеринка.

Затем мы с Блэйдом сорвались с места и, расталкивая ошеломленных гостей, понеслись ко входной двери. Она захлопнулась у нас за спиной.

Мы бежали по дороге, смеясь, крича, спотыкаясь. Легкомысленно, как вся моя жизнь. Была ли эта ночь лучшей в моей жизни? Наверное.

Мы держались за руки и бежали со всех ног, пока не добежали до угла. За нами никто не гнался. Я остановилась и ухватилась за фонарь, чтобы перевести дух.

Блэйд наклонился и схватился за колени, пытаясь отдышаться.

— Классная вечеринка. Классная вечеринка, — повторял он мою прощальную фразу. Затем покачал головой. — Не могу поверить, что ты это сказала. Это было шедеврально.

— Ох, — я почувствовала боль в запястье и поняла, что мой серебряный браслет все еще раскаленный. Я отпустила фонарь и поднесла руку к свету.

— Что случилось? — Блэйд выпрямился и подошел ко мне.

— Мой браслет, — сказала я. — Так странно. Он меня обжигает.

— Такними его, — сказал он.

Я потянулась пальцами другой руки к застежке. Раньше у меня никогда не было проблем с расстегиванием браслета. Сейчас же я не могла найти застежку.

Я пробежалась вдоль браслета большим и указательным пальцем. Браслет казался цельным. Цельным металлическим обручем.

— Не может быть, — пробормотала я. — Я... Я не могу найти застежку.

Блэйд взял мою руку в свои.

— Дай я попробую, — он высоко поднял мою руку, наклонил голову и стал внимательно рассматривать браслет.

— Переверни его, — посоветовала я. — Вращай, пока застежка не окажется сверху.

Блэйд попытался повернуть браслет.

— Ай! — снова вскрикнула я. Он попытался повернуть браслет в другую сторону. Мою ладонь и плечо пронзила боль.

Блэйд отпустил браслет и поднял глаза на меня.

— Кейтлин, браслет не двигается. Мне кажется... что он сросся с твоей кожей.

6

— Нет, Джули, ювелир не смог его снять. Он сказал, что у него нет подходящей пилы для серебра.

Одной рукой я держала у уха телефон, другой — толкала магазинную тележку. Тпру. Я

остановилась как раз вовремя. Я чуть не врезалась в женщину с маленькой девочкой в тележке.

— И что ты собираешься делать? — спросила Джули. — Ты же не можешь оставить браслет навсегда. Он остановит кровообращение!

— Думаешь? — с сарказмом спросила я. — Думаешь, я сама об этом не подумала? — Я повернула тележку в продуктовый отдел. Блэйд шел впереди меня, он уже был на полпути к секции замороженных продуктов. — Папа сказал, что поговорит с хирургом. С костным хирургом. С тем, кто сможет срезать браслет, не отрезав с ним мою руку.

— Я... не могу в это поверить, — запинаясь, произнесла Джули. — Ты правда думаешь, что Дина Фиар...

— Я уже не знаю, что думать, — ответила я. — Мне не показалось, что у нее есть какие-то суперспособности. Но с серебром что-то случилось. Не знаю что. Наверное, его что-то расплавил, — я вздохнула. — По крайней мере, он остыл. Больше не жжется.

— Странно, — протянула Джули.

Свободной рукой я взяла кочан салата айсберг и положила его в тележку.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Я в «Пэй-Райт». С Блэйдом.

— Прости? Кейтлин, ты покупаешься продуктами с Блэйдом? Вы что, съезжаетесь?

— Ха-ха. Очень смешно. Я пришла за покупками для родителей. Блэйд пошел со мной, потому что...

— Кейтлин, я дам тебе один непрошенный совет, — понизив голос, произнесла Джули. — Возможно, у вас с Блэйдом все развивается слишком быстро. Возможно, тебе стоит быть осторожнее. Не спешить, понимаешь?

— Ты права, — сказала я. — Я не спрашивала у тебя совета. Поговорим позже, Джули, — я отключилась и сунула телефон в сумку.

Блэйд поднял огромную замороженную пиццу с пепперони.

— Это есть в списке?

— Нет. Может, в твоем списке, но не в списке моих родителей. Положи на место.

Он развернулся и пошел в обратную сторону, вращая коробку с пиццей на одном пальце. Я еще раз сверилась со списком покупок. Мои родители собирались делать какое-то рагу для моей кухни из Мартинсвиля.

— Сельдерей... — я покатила тележку вдоль полок с продуктами. На фоне играла старая песня Битлз. На соседнем ряду навзрыд плакал маленький мальчик, потому что мама не разрешила ему взять печенье.

Блэйд был на месте раньше, чем я. Он схватил толстый пучок сельдерея и оторвал две палочки. Одну бросил мне.

— К бою! — крикнул он и пошел на меня, махая стеблем сельдерея и шлепая им меня.

Я отвернулась от тележки, и началась дуэль. Наша битва на сельдерее становилась все напряженнее. Со стеблем сельдерея в руке я стала агрессивнее. Ударяя по стеблю Блэйда, я вынудила его отступить. Вскинув руки, он врезался в гору коробок с хлопьями, и они с шумом свалились на пол.

Я слышала, как заохали вокруг люди. Со всех сторон на нас смотрели строгие, неодобряющие лица. Я увидела, что к нам, гневно размахивая руками, бежит рыжий молодой человек в длинном белом фартуке.

Мы с Блэйдом швырнули свой сельдерей в тележку. Я убрала волосы от лица, сделала глубокий вдох и приготовилась встретиться лицом к лицу с разъяренным работником

магазина.

— Что здесь происходит? — спросил он, опустив руки вдоль фартука. На его именном бейдже было написано «ЧАК В.» У него были короткие волосы, приподнятые спереди. Лицо было очень красным. Я заметила у него на лбу горошины пота.

— У нас здесь... несчастный случай, — ответила я, указывая на разбросанные по ряду коробки с хлопьями.

— Да. Несчастный случай, — повторил Блэйд. Мы оба нацепили свое самое честное выражение лица. — Нам очень жаль.

— Они просто упали, — сказала я. — Вы можете нам их собрать?

Работник злобно глянул на Блэйда, затем на меня.

— Несчастный случай?

Он опустил взгляд на стебли сельдерея в тележке. Долго на них смотрел. Казалось, он напряженно думал, как это уладить.

Наконец, он вздохнул, покачал головой и сказал:

— Я об этом позабочусь. Удачного дня, — он ушел, вытирая свой потный лоб и бормоча что-то о «подростках».

Спустя пару минут мы с Блэйдом перегружали покупки в багажник Тойоты моей мамы.

— Где ты научилась так двигаться со стеблями сельдерея? — спросил Блэйд.

— Брала занятия после школы, — ответила я. — Я хотела принять участие в фехтовании на сельдерее на Олимпийских играх. Но мои родители не могли позволить себе такие расходы на продукты.

Он поцеловал меня.

— Тебе точно надо на работу?

Я кивнула.

— Это моя обязанность. Я не хочу лишать людей их попкорна.

Между нами установились теплые, но дразнящие отношения. Прошло совсем немного времени, а мы уже так хорошо чувствовали себя, будучи вместе. Я еще раз поцеловала Блэйда, попрощалась с ним и поехала домой, чтобы выгрузить продукты.

По пути я думала о предостережении Джули. Не спешить с Блэйдом. Я хорошо понимала, что она имела в виду. Она сказала это не из ревности или из злости. Мы знакомы целую вечность, и она знает, что я иногда могу переусердствовать.

Я эмоциональна. Я уже рассказывала, что плачу на фильмами. Возможно, я слегка слишком долго обнимаю людей. Возможно, меня легче ранить, чем некоторых других людей. Одно неприятное слово может заставить меня чувствовать себя полнейшей неудачницей.

Я такая, какая есть. С этим ничего не поделаешь, Дневник. И почему бы не жить полной жизнью? Не хватать быка за рога? Не идти до конца и не жить на всю катушку?

Я могу долго продолжать. Встретив Блэйда, я стала самым настоящим философом. С тех самых пор, как влюбилась в него. Взгляни правде в глаза, Кейтлин. Ты в него влюбилась. Это была любовь с первого взгляда.

Возможно, это немного сводило меня с ума. Делало слегка взвинченной. Немного более чокнутой, чем я была до этого.

Позже этим вечером я, возможно, отреагировала слишком остро. После смены за прилавком с попкорном... самые жуткие минуты моей жизни... Может быть, я отреагировала слишком остро. Но я такая, какая есть. Что я могу поделать?

Поставив локти на прилавок и глядя на почти пустой вестибюль кинотеатра, я мечтала о Блэйде, Дневник. Перед мужским туалетом кто-то рассыпал тарелку сырных начос, и менеджер Рикки убирал беспорядок. Он был в плохом настроении. Но это не новость.

Автомат с попкорном были почти полон. Это был очень спокойный вечер. Я подумала о том, что съесть упаковку «Твиззлерс». Но решила, что, пока Рикки в таком скверном настроении, это не очень хорошая идея.

Рикки то ли двадцать четыре, то ли двадцать пять. Он долговязый блондин с веснушками, рассыпанными по носу и щекам. У него большие ладони, выглядящие карикатурно, потому что они слишком большие для его тощих рук. Он костлявый и неуклюжий. Носит слишком большие джинсы и мятые футболки-поло не по размеру.

У него почти всегда ворчливое настроение. Наверное, из-за того, что ему не нравится работать здесь менеджером. Однажды он рассказал мне, что собирался поступить в Пенсильванский и изучать бизнес. Но его не приняли, и сейчас он обучается на онлайн-курсах и все еще живет с мамой.

Мой телефон завибрировал. Я достала его из кармана. Сообщение от Блэйда: «Увидимся завтра?»

Рикки закончил уборку и подошел ко мне, держа ведро и тряпку. Я сунула телефон назад в карман джинсов.

— Кейтлин, не стой без дела, — сказал он.

— Но здесь никого нет, — заметила я, показывая рукой. — Что мне делать?

— Протри витрины, — сказал он. — Проверь автомат со льдом.

Я кивнула.

— Без проблем.

Я научилась не спорить с ним. Мне хотелось сохранить эту работу. Работа не сложная, а платят пятнадцать долларов в час (не говоря уже о попкорне, который можно стащить).

Я нашла тряпку и начала протирать стеклянную столешницу. В животе урчало. «Твиззлерс» выглядели чрезвычайно соблазнительно. Я была в дальнем конце прилавка, когда заметила, что в вестибюль кто-то вошел.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это Дина Фиар. Я смотрела, как она идет к прилавку. На ней был темно-фиолетовый свитер, короткая черная юбка и черные колготки. Ее губы были такого же фиолетового цвета, как и свитер.

Ее спутанные длинные черные волосы ниспадали ей на спину. Вокруг глаз у нее была темная тушь. Я сразу подумала о еноте.

Она меня преследует? Почему я постоянно на нее натываюсь?

От этих вопросов все мое тело напряглось. Я почувствовала, как сжались мои мышцы.

— Привет, Дина, — я попыталась выглядеть непринужденно.

Сверкнув черными ногтями, она оперлась руками на прилавок, пачкая стекло, которое я только что протерла.

— Я вспомнила, что ты здесь работаешь, — сказала она.

Я кивнула.

— Какой фильм смотришь?

Она показала на зал № 4 и ответила:

— «Школа вампиров-3».

Я должна была догадаться.

— Первые два были шикарны, — сказала она. — Изменили мою жизнь. Seriously.

— Я... не смотрела, — сказала я.

— Книжки мне тоже нравятся. У меня все есть. Лучшая серия.

Поверх ее плеча я заметила, что от дверей зала № 2 за нами наблюдает Рикки.

— Как Блэйд? — спросила Дина. Глазки енота впелись в меня.

— Отлично, — ответила я. Рикки не нравится, когда мы болтаем с посетителями. Мы должны заниматься только делом. — Хочешь попкорна или еще чего-нибудь?

Она проигнорировала мой вопрос. Ее ногти забарабанили по прилавку.

— Иногда я кое-что вижу, — сказала она, понизив голос до шепота. — Хорошее и плохое.

Я почувствовала холодок. Внезапно я вспомнила о своем браслете. Как она обхватила его рукой. Как он стал обжигающе горячим, а потом вплавился мне в кожу. Я опустила руку, скрывая браслет от ее взгляда.

— Я... не понимаю, — сказала я.

— Я хочу, чтобы ты стала мне другом, — прошептала она, не отводя взгляда и не мигая. — Не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

— Эм... спасибо, — пробормотала я.

Рикки не двигался. Он все еще наблюдал за нами с несчастным выражением лица.

— Блэйд говорил обо мне? — спросила Дина.

У меня перехватило дыхание.

— Говорил о тебе? Ну...

— Говорил? Говорил он обо мне?

— Ну... не знаю, — ответила я. — Что именно?

Дина по-прежнему не моргала. Ее глаза безотрывно смотрели на меня. Крошечный серебряный череп у нее на носу, казалось, светился.

— Нам нужно общаться, — наконец произнесла она. — Мы же можем быть друзьями, да? Можем быть друзьями и проводить вместе время, болтая о Блэйде?

Я было слишком ошарашена, чтобы скрыть свое удивление.

— Болтая о нем? В смысле?

Выражение ее лица изменилось, глаза потухли.

— Я поняла, — пробормотала она. Она сжала свои бледные руки над прилавком. — Поняла. Ты не хочешь общаться. Ясно.

— Нет, подожди, — сказала я.

Она ударила руками по стеклу. У меня за спиной вдруг затрещал автомат с попкорном, готовя новый попкорн. От этого звука я вздрогнула.

Я удивленно повернулась к автомату. Оба автомата с газировкой, стоящие позади него, начали лить содовую. От стеклянного подогревателя хот-догов начали разлетаться искры. Он гудел и коротил.

— Эй! — вскрикнула я.

На другой стороне вестибюля я увидела встревоженное лицо Рикки. Он рысцой бежал к нам, выкрикивая мое имя.

Фиолетовые губы Дины расплылись в победоносной улыбке. Ее темные глаза вспыхнули.

— Уверена, что не хочешь поговорить?

Я бросилась выключать автоматы с газировкой. Содовая уже пузырилась на полу. Мои кроссовки утонули в липкой темной жидкости.

Я заметила, что руки Дины скользнули со стеклянного прилавка. Она сделала шаг назад. Попкорн начал разлетаться в разные стороны от автомата, как лава из вулкана. Я сражалась с автоматом с газировкой. Вилка застряла в розетке. Река содовой вытекла из-за прилавка.

— Я знаю, мы еще поговорим, — сказала Дина, а затем прошептала: — Прости за браслет.

Из-за треска лопающегося попкорна и плеска льющейся на пол содовой я была не уверена, что правильно услышала ее.

— Что ты сказала?

Но она развернулась и торопливо пошагала в сторону зала № 4.

Рикки, запыхавшись, зашел за прилавок.

— Что случилось? Что здесь произошло? Зачем ты все включила?

— Это не я! — закричала я. — Я ничего не трогала.

Рикки заскочил за прилавок. Его ботинки заплюхали по содовой, разлитой по полу. Он забежал за автоматы с газировкой и вытащил вилку. Я продолжала снова и снова нажимать кнопку «Стоп» на автомате с попкорном. Наконец, он замедлился и, потрескивая и хлопая, остановился.

Мы с Рикки стояли, тяжело дыша, глядя на немыслимый беспорядок.

— Не может быть, — пробормотала я, трясая головой. — Как такой возможно? — я повернулась к Рикки. — Я ничего не трогала. Клянусь. Я разговаривала с девушкой из школы, и тут...

Рикки провел своей тощей рукой по волосам.

— Наверное, скачок напряжения, — сказал он. — Какие-то проблемы с электричеством. Из-за энергетической компании. Больше ничего не могло это вызвать.

— Да, — согласилась я. — Скачок напряжения.

Но на самом деле я в это не верила. Я знала, что это было предупреждение от Дины Фиар.

Рикки пошел в подсобку за тряпками. Я достала из-под прилавка большую мусорку и начала сгребать туда рассыпавшийся попкорн.

В тот момент я понятия не имела, что этот вечер станет еще хуже.

8

Подошвы моих кроссовок были липкими от пролитой газировки. Когда я шла по бетонной парковке торгового центра, у меня в кроссовках хлюпало — чвяк, чвяк, чвяк.

Нам с Рикки понадобился почти час, чтобы закончить уборку. Мы работали молча, но каждые пару минут Рикки бормотал:

— Как такое могло произойти?

У меня были мысли по этому поводу. Но я, конечно, не могла ими ни с кем поделиться. Кто бы мне поверил? Если бы я сказала, что у Дины Фиар есть власть над этими автоматами, меня бы заперли, как чокнутую психопатку, и у меня не было бы права жаловаться.

Теперь я поняла, что она запала на Блэйда. Наверное, я должна была понять раньше. Но что теперь? Она собирается разрушить мою жизнь дикими выходками, как с браслетом и автоматами в кинотеатре? Так она собирается заполучить Блэйда?

В этом не было вообще никакого смысла.

Я представила ее темные глаза, прожигающие меня насквозь, как будто пытаюсь проникнуть мне в мозг. Снова услышала жуткий стук ее длинных черно-белых ногтей по стеклу прилавка.

От этих безумных, нереальных мыслей у меня закружилась голова. Я сомневалась, стоит ли рассказывать Блэйду о Дине, о том, что она продолжает о нем спрашивать, спрашивать, говорит ли он о ней.

Был ли он знаком с ней до того, как мы с ним встретились? Он сказал, что нет. Я должна ему верить. Он сказал, что никогда не слышал о семье Фиар.

Блэйд живет в Шейдисайде недавно, но в это сложно поверить. Мне кажется, что когда сюда переезжают новые люди, их сразу предупреждают держаться подальше от Фиаров и Фиар-Стрит.

Я всегда думала, что это все суеверия и выдумки. Но после встреч с Диной я уже не была так уверена.

Из-за всех этих мыслей, вращающихся в голове, я прошла мимо своей машины. Я остановилась и попыталась вспомнить, где припарковалась. На уровне С. А знак передо мной говорил, что я уже на уровне D.

Соберись, Кейтлин.

Я развернулась и пошла в обратную сторону, чавкая липкими кроссовками по бетону. Наверное, из-за этих звуков я не услышала шаги у меня за спиной.

Я не осознавала, что меня преследуют, пока мужчина не оказался всего в паре шагов позади меня. Я услышала торопливое шарканье ботинок и свистящее дыхание.

У меня не было шанса убежать. У меня не было даже времени испугаться. Он грубо схватил меня и повернул к себе лицом.

Я уставилась на его красные глаза, злое, заросшее густой щетиной лицо, наполовину скрытое капюшоном темной толстовки. Я никогда его раньше не видела.

Он схватил меня за плечи и сильно потрянул, его красные глаза светились, зубы были сжаты.

— Пустите меня! — закричала я. Мой голос громко отразился от бетонных стен паркинга. Я закрутила головой. — На помощь! Кто-нибудь!

Но мы с мужчиной в капюшоне были одни.

— Давай сюда кошелек. Я могу сделать тебе больно, — его голос звучал, как грубый скрежет из глубин горла. Он так сильно сжал мои руки, что боль пронзила все мое тело.

Я попыталась восстановить дыхание.

— Пустите, — шепотом выдавила я. — Пустите меня. Пожалуйста...

9

Теперь он хрипел, по его губам текла слюна.

— Я могу сделать тебе больно, — повторил он. — Кошелек. Быстро.

Я заставила себя дышать. Мое сердце так колотилось, что в груди болело.

— Ладно, — выдавила я.

Все еще держа меня за руки, он опустил голову, приблизил ее к моему лицу так близко, что почувствовала запах его несвежего дыхания.

Я поняла, что это мой шанс, Дневник.

Я не из тех девушек, кто легко уступает, сдается без боя. Я знала, что пришел момент

извлечь пользу из занятий по самообороне, которые я посещала в прошлом году.

Я прогнула спину, как будто пытаюсь отстраниться от него. Затем подняла правую ногу и резко вскинула ее изо всех сил. Он издал испуганный булькающий звук, когда мое колено ударило его прямо в лицо.

Я услышала отвратительный хруст. Это сломался его нос.

Его ладони соскользнули с моих рук. Он схватился за лицо, из его носа полилась ярко-красная кровь. Издав от боли животный рев, он рухнул на колени и закрыл лицо обеими руками. Кровь лилась между его пальцев вниз на толстовку. Он снова заревел.

Какое-то время я просто стояла, переводя дух, наслаждаясь победой, мое сердце бешено колотилось в груди... колотилось так сильно, что я почти чувствовала каждый толчок крови.

Пару секунд я смотрела на него. Затем заставила себя уйти. Я сорвалась с места, грохоча кроссовками по бетону, добежала до своей машины и уехала.

— Ого. Тяжелый? Можно подержать? — спросила Джули.

— Ручка просто потрясающая, — сказала Миранда. — Как он открывается?

— Вот этой кнопкой, — ответила я, демонстрируя ей. — Нажимаешь ее большим пальцем, и лезвие выскальзывает. — Я помахала им вокруг. — Это нержавеющее стальное лезвие. Осторожно. Оно удивительно острое. Режет все.

Мы находились в маленькой гостиной в доме Джули, и я показывала им нож, который купила в магазин «Охотники и компания» в торговом центре, нож, который с этого момента я собиралась носить в своей сумочке.

Парень из «Охотников» все мне о нем рассказал и показал, как пользоваться. Нож называется «Складной нож Магнум Ипсилон Тэн Г-10». Ручка черная с рыжим, тяжелая, но не слишком, удобно лежит в руке. Лезвие просто потрясающее.

Я сказала продавцу, что мой папа — коллекционер и я готовлю сюрприз ему на день рождения. Думаю, он мне поверил. Сомневаюсь, что он смог прочитать по моему лицу, что я покупаю нож для самозащиты, покупаю его себе.

— Это опасно, — покачала головой Джули. — Знаю, ты прошла через что-то ужасное, Кейтлин, но...

— Нож просто на всякий случай, — сказала я. — Я не собираюсь без причины тыкать им в людей.

— Тебе нельзя приносить его в школу, — сказала Миранда. — Если тебя поймают...

— Не поймают, — возразила я. — Ты же знаешь ту большую сумку, с которой я всегда хожу. Я положу нож на самый низ, под все остальное.

Они попытались спорить со мной. Но они меня знают. Если я приняла решение, так и будет. Я знала, что никогда не использую этот нож. Но мне было легче от самого факта, что он у меня есть.

Тогда в паркинге мне повезло. Но что если бы тот псих погнался за мной? Что если бы он попытался убить меня?

От этой мысли я содрогнулась. Я не могла перестать думать об этом, все продолжала представлять его заросшее, слюнявое, красноглазое лицо, по-прежнему ощущала, как его ладони сжимают мои руки.

Запищал мой телефон. Я засунула нож в сумку и вытащила мобильный.

— Сообщение от Блэйда, — сказала я подругам. — У нас сегодня свидание, — я начала набирать ответ. — Мы переписываемся весь день. Это чудесно.

Джули и Миранда обменялись взглядами. Я знала, что последует дальше. Лекция о том, что я не должна торопиться вступать с Блэйдом в серьезные отношения.

Что ж... слишком поздно. Я была более чем серьезна и знала, что он чувствует то же самое. Но по какой-то причине мои подруги считали, что обязаны предостеречь меня.

— Ты всегда слишком торопишься, Кейтлин.

— Ты всегда такая импульсивная. На самом деле ты Блэйда совсем не знаешь. Ты должна быть осторожной и не слишком увлекаться.

Я закатила глаза.

— Я начинаю думать, что вы двое ревнуете, — сказала я. — Мне жаль, что у вас нет парней, но я же в этом не виновата.

Джули вскочила на ноги.

— Это несправедливо. Мы просто думаем о тебе, — воскликнула она.

Миранда жестом показала ей сесть обратно.

— Ладно, ладно, мы поняли, Северин. Ты не хочешь, чтобы мы вмешивались. Хорошо. Не будем.

Джули вздохнула и села.

— У нас с Блэйдом все отлично, — сказала я им. — Я знаю, что мы знакомы совсем недавно. Знаю, что все происходит слишком быстро и это полнейшее безумие. Но... мы идеально подходим друг другу. Не знаю, как еще вам объяснить.

Они обе откинулись на диванные подушки. Думаю, я наконец смогла до них достучаться.

Вскоре я ушла домой готовиться к свиданию с Блэйдом. Я долго сидела на краешке кровати, мечтая о нем. Я воображала, как он обнимает меня и крепко прижимает к себе. Я представляла взгляд этих странных серо-зеленых глаз, так глубоко проникающий в меня. Я думала о том, как мы дразним друг друга, о том, как нам легко общаться.

Я представила, как целую его... целую, пока не растворюсь полностью... пока не оказываюсь где-то в другом мире... где далеко от всего, что мне известно.

Пискнувший мобильный спугнул мои приятные грезы. Я схватила сумку и, нащупав, вытащила телефон.

Я прочла короткое текстовое сообщение на экране и охнула.

— О нет.

10

Сообщение от Блэйда было кратким: «Сегодня не получится. Пришлось задержаться».

Я перечитывала его снова и снова, как будто надеясь узнать что-то новое. Почему он не объяснил, что случилось? Почему он хотя бы не извинился?

Я попыталась убедить себя, что у него неприятности. Что он так же разочарован, как и я.

Я набрала на телефоне его номер и поднесла сотовый к уху. Моя рука дрожала. Я знала, что реагирую слишком остро, но была очень разочарована. После своих мечтаний я с ума сходила от желания увидеть его.

Сразу включилась голосовая почта. Я услышала его голос: «Это Блэйд. Вы знаете, что делать». Я не стала оставлять сообщение. Я знала, что позже мы с ним поговорим. Знала, что он все объяснит. И, возможно, позже вечером мы сможем встретиться.

Ужин с родителями, казалось, длился целую вечность. Я не особо рассказывала им о

Блэйде. Обычно я выбалтывала им все о своей жизни. Я не из тех людей, кто может удержать что-нибудь себе. Но о Блэйде я почему-то решила не распространяться.

Мои родители вообще-то отличные люди. Они не лезут мне в душу и чаще всего обращаются со мной, как со взрослой. Они мирятся с моим энтузиазмом, моими дикими скачками настроения и общей чудаковатостью. А еще они не пытаются постоянно влезать в мою жизнь.

Думаю, они бы очень хотели узнать, о чем я пишу в дневнике. Но, поверь мне, им сюда доступа нет. Как я уже говорила, я запираю его и ношу ключ на цепочке на шее.

Мой папа — крупный и здоровый мужчина. Думаю, его можно даже назвать большим. Он постоянно хвастается, что в сорок три года у него еще все волосы на месте. Мама подшучивает, что это его самое большое достижение.

Ей нравится опускать папу на землю, когда он чересчур зазнается. Говорит, это ее хобби.

Три раза в неделю папа ходит в спортзал, а еще он велосипедист. Почти каждое утро он встает в шесть часов и проезжает на своем гоночном велосипеде десять миль вдоль Ривер-Роуд.

Папа работает администратором в больнице Шейдисайда. По его словам, он целыми днями перекладывает бумажки и разбирается с проблемами персонала больницы. Вот почему перед работой он любит поупражняться и подышать свежим воздухом.

Мама могла бы быть настоящей красоткой, если бы уделяла внимание своему внешнему виду. Но ей абсолютно безразлично, что она носит, какая у нее прическа и все остальное. Она в основном ходит в мешковатых футболках и жутких мамочкиных джинсах.

Ее светлые волосы почти всегда собраны в тугий хвост, и она отказывается пользоваться косметикой. Говорит, ей нравится естественность. Хотя, использовав чуть-чуть румян и немного помады, она могла бы выглядеть лет на пять моложе.

Мама преподает деловую этику в техникуме в Мартинсвилле. А еще выступает с лекциями по этой теме в организациях. Я не особо понимаю, о чем она рассказывает, но она читает по три онлайн-газеты в день и каждую издаваемую книгу о бизнесе.

Итак, мы ужинали. Когда мы только вдвоем, мы едим в маленьком уголке для завтрака рядом с кухней. Это уютное крохотное местечко, залитое солнечным светом из окон, со столом для пикника и скамейками, где мы чаще всего принимаем пищу. Столовая предназначена для приема гостей, ее мы чаще всего используем только по праздникам.

Папа принес домой еду на вынос: жареного цыпленка и картофельное пюре с подливой. Это мое любимое блюдо, но в этот вечер у меня не было аппетита. Ты знаешь почему, Дневник.

Я сидела и смотрела на ножку и бедрышко, лежащие на моей тарелке. Мама рассказывала о каком-то иске против компании, о которой я никогда не слышала, и почему он должен быть отклонен. Папа поцокал языком и наложил себе на тарелку еще пюре.

— У тебя сегодня свидание с тем мальчиком? — мамин вопрос вырвал меня из моих мыслей.

— Э... не сегодня, — ответила я. — Думаю, я просто пойду к Миранде, посмотрим с ней фильмы.

Мама наклонилась ко мне через стол.

— Повтори, как его зовут?

— Блэйд, — сказала я. — Блэйд Хэмптон.

— Забавное имя, — пробормотала мама. — Сейчас ни у кого нет нормальных имен. Ты знаешь кого-нибудь, кого зовут Джек, Джо или Билл?

Я засмеялась.

— Нет, не знаю.

— Вы с ним уже не первый раз встречаетесь, — встрял папа. — Почему бы тебе не пригласить его к нам как-нибудь.

Я бы предпочла оставить Блэйда себе. Не то чтобы я хотела держать отношения с ним в тайне, но я не жаждала делиться им с родителями.

— Да, ладно, — сказала я. Всегда лучше согласиться и не ввязываться в спор.

Папа сменил тему и начал рассказывать, как он потянул мышцу, катаясь на велосипеде, и как напряжена его нога. Одно из лучших качеств моих родителей — это то, что они быстро теряют интерес. Они не могут обсуждать одну тему больше минуты или двух.

Я немного погрызла ножку цыпленка и заставила себя поесть картошки с салатом из капусты. В основном для того, чтобы мама с папой не начали задавать вопросов. Я не могла перестать думать о Блэиде. Задаваться вопросом, что происходит.

После ужина я переоделась в кофту с длинными рукавами. На улице похолодало, а небо затянуло тяжелыми дождевыми облаками. Я пожелала родителям спокойной ночи и поспешила к машине.

Пока я ехала к дому Миранды, на ветровое стекло упала пара дождевых капель. Миранда живет в Хезэр-Корт в Норт-Хилз, богатом районе Шейдисайда. У нее большой, уютный дом с бесчисленным количеством комнат. Ее родители коллекционируют огромные постеры к старым фильмам, поэтому у них в доме на тебя со всех стен смотрят такие величайшие звезды, как Чарли Чаплин и Хамфри Богарт.

Миранда тоже любит старые фильмы. Когда мы с Джули проводим время у Миранды, обычно все заканчивается тем, что мы смотрим по Netflix какое-нибудь старое черно-белое кино сороковых или пятидесятых. Я обожаю рассматривать странную одежду того времени — все постоянно носят шляпы, даже в помещении — и забавные автомобили.

Дождь еще только моросил, но я включила дворники. Они со скрипом начали чистить ветровое стекло. Я повернула на улицу Мишэн, огибающую улицу, где живет Миранда. Снизилась скорость. На Мишэн было много машин. Водители используют ее в качестве короткого пути к Ривер-Роуд.

Проехав знак «Стоп», я вскрикнула:

— Эй!

Это машина Блэйда там впереди? Я присмотрелась через покрытое каплями стекло.

Да, скорее всего.

Вообще-то, это машина его отца, но Блэйд часто на ней ездит. Красный «Мустанг» 95-го года. На дорогах Шейдисайда таких совсем не много. Наклонившись к рулю, я рассмотрела номерной знак. Да. Да. Машина Блэйда.

Я нажала на педаль тормоза, не желая, чтобы он меня увидел. Я не хотела подъезжать слишком близко.

Но... кто это там рядом с ним в машине?

Ярко-белые фары попутного грузовика осветили машину Блэйда, как будто подожгли ее.

И я увидела ее. Девушку. Рядом с Блэйдом. Девушку с короткими светлыми волосами. Я видела только ее затылок. Лица мне видно не было.

Его машина сорвалась со светофора и погрохотала вперед.

Мои руки судорожно сжали руль. Они вдруг стали влажными и холодными.

Я нажала на газ. Я знала, что должна делать.

Я должна ехать за ними.

11

Мои фары осветили заднюю часть красного Мустанга. Я притормозила, чтобы расстояние между нашими машинами стало больше. Внезапно у меня возникло непреодолимое желание вдавить газ в пол и въехать прямо в него. Чтобы блондинка вылетела через лобовое стекло.

Безумная мысль, и я тут же подавила ее. Каким надо быть человеком, чтобы вообразить такую жестокость?

Девушка рядом с Блэйдом, наверное, его двоюродная сестра. Или член семьи, которого нужно было подвезти. Или подруга из старой школы, которую он несколько месяцев не видел. Или... Или...

Удивительно, как работает наш мозг, когда мы расстроены или встревожены.

Дождь перестал. Я выключила скрипящие дворники. Красный Мустанг повернул на Ривер-роуд. Спустя пару секунд я повернула туда же.

Дорога огибала берег реки Конононка. Это было длинное, извилистое шоссе, взбирающееся на холмы, возвышающиеся над Шейдисайдом. Было слишком темно, чтобы разглядеть реку. Но я опустила пассажирское стекло, чтобы слышать тихий плеск воды о грязный берег.

Я думала, этот звук сможет меня успокоить. Но, конечно, это не помогло.

Свет моих фар снова скользнул по Мустангу. Я притормозила, взялась вправо и пропустила между нами еще одну машину. Я не хотела, чтобы Блэйд меня заметил. Я не хотела, чтобы он думал, что я подозреваю его или не доверяю ему.

У него явно чрезвычайная ситуация. Вот почему у него не было времени объяснить мне, что происходит.

Но... если это чрезвычайная ситуация, то почему он повернул на парковку «Пламени». «Пламя» — это танцклуб на Ривер-роуд. Это клуб для взрослых, но туда ходят многие школьники из Шейдисайда, потому что охранник клуба не особо заморачивается с проверкой удостоверений личности. Если ты не выглядишь на двенадцать, тебя впустят.

На неоновой вывеске плясали красно-желтые языки пламени. Рядом была табличка с текстом: «Лучший танцклуб Шейдисайда. Девушкам вход бесплатный».

Здание клуба было длинным, низким, красного цвета, с красными и синими огнями на плоской крыше. К навесу над входом вел красный ковер. Перед входом за низкой деревянной трибуной стоял охранник. Несмотря на то, что окна машины были закрыты, я слышала барабанные ритмы грохочущей в клубе музыки.

Когда я увидела, как красный Мустанг заезжает на ярко-освещенную стоянку с гравийным покрытием, к горлу подкатила тошнота. Сегодня вечером с Блэйдом должна была быть я. Он сказал мне, что ему пришлось «задержаться». Тогда что он делает здесь в танцклубе с этой блондинкой?

Мои предположения о семейных проблемах на глазах взрывались и исчезали. Я усилием сдержала ужин, рвущийся из моего горла. Мне пришлось бороться с приступом удушья, когда я увидела, как он припарковался и выключил фары.

Моя машина медленно катилась по гравейке, я вцепилась в руль и пристально

вглядывалась в сияние красных, синих и желтых огней над головой. Наконец я остановила машину и стала парковаться между двумя внедорожниками у входа в клуб.

Когда я оглянулась, Блэйд с девушкой уже вышли из машины. На Блэйде была красная толстовка и узкие джинсы. Девушка оказалась высокой и худой, выше, чем он, огни играли на ее бледном лице и коротких светлых волосах.

Она прильнула к Блэйду, и он обнял ее рукой за плечи. Они вместе побрели в сторону, смеясь.

Из моего горла вырвался всхлип. Я заставила себя дышать.

Я сказала ему, что люблю его. Той ночью мы сидели в его машине на Ривер Ридж. Над нами сияли звезды, внизу сверкала река. Мы обнимали друг друга, обнимали так, как будто кроме нас на земле никого нет. Мы целовались... целовались и... и...

Я схватилась за дверную ручку, собираясь выскочить из машины. Мне хотелось выскочить, пересечь парковку, схватить его, развернуть и...

Нет.

Я увидела, как они поцеловались, и сжала руль так сильно, что у меня заболели руки. Она повернулась к нему, а он обхватил ее руками за шею и притянул к себе. И они поцеловались еще раз. На них плясали красно-синие огни, из-за чего вся сцена выглядела по-карнавальному или как какой-то яркий сон.

Если бы только...

Если бы это было не взаправду, Дневник. Но это происходит, и я это вижу.

Я распахнула дверь машины. Она ударилась в стоящий рядом внедорожник. Мне было все равно. Я выскользнула и пошла вперед, прочь от машины. Я не могла сохранять равновесие. Окружающий мир вращался и плыл перед глазами.

Меня трясло, но я заставляла себя идти вперед.

Я выключила двигатель? А фары? Не помню, Дневник.

Блэйд с девушкой остановились возле охранника. Это был огромный громила с бритой головой, на нем была фиолетовая майка, обнажающая его крепкие бицепсы и татуировки, а также мешковатые серые спортивные штаны. Блэйд достал что-то из бумажника — наверное, фальшивое удостоверение — и охранник махнул им проходить.

Я открыла рот, чтобы крикнуть «Стой!», но не смогла выдать ни звука. Я сделала глубокий вдох. Мой шок быстро трансформировался в гнев.

Блэйд — лжец! Лжец и предатель!

Я не могла стереть из головы картинку, как они целуются.

Внезапно я поняла, что должна встретиться с ним лицом к лицу. Он должен узнать, что я здесь и все видела.

Из моего горла вырвался гневный вопль. Как у обозленного животного. Я рванулась вперед, пиная кроссовками гравий, на полной скорости понеслась ко входу в клуб, у меня в глазах плясали красно-синие огни, приходилось бежать слепую, моя злость и боль гнали меня вперед.

Я должна попасть туда. Я должна заставить его взглянуть мне в глаза.

Я была в нескольких метрах от охранника, когда от стены клуба отбежала темная фигура. Сначала мне показалось, что это просто тень. Но через несколько секунд я поняла, что это кто-то одетый во все черное.

Дина Фиар.

Я чуть не врезалась в нее. Она успела схватить меня двумя руками. Я задышалась, громко

сипела и была в ярости.

— Дина, что ты здесь делаешь? — выдавила я, слова царапали мое сухое горло.

— Он нам изменил! — закричала она. — Кейтлин, он нас предал!

12

Я изумленно уставилась на нее. Красные и синие огни отражались в ее очках, из-за чего ее глаза казались в огне.

— Он нас предал! — снова закричала она, крепко сжимая мою руку.

— Уйди! — крикнула я. Блэйд был в клубе с блондинкой. У меня не было времени на Дину Фиар. Мне нужно было поддерживать свой гнев. Или я никогда не смогу разобраться с ним.

— Отвали от меня! — я резко вывернулась и вырвалась из ее рук. Затем я отпихнула ее с дороги, толкнув так сильно, что она упала на гравий. Ее очки слетели у нее с лица и упали на землю.

Я обернулась, пригнула голову и пробежала мимо охранника. Я услышала, как он крикнул: «Эй, стой!» А затем он разразился ругательствами, когда я распахнула дверь и влетела внутрь.

В мигающие огни и гремящие басы, оглушительные, почти до боли. В центре помещения я видела силуэты танцующих. По бокам толпились парочки. У дальней стены возле ярко освещенного бара было много народу.

Я сделала глубокий судорожный вдох. Потом еще один. Мой взгляд скользил от одной стены к другой, я всматривалась в лица, пытаюсь найти Блэйда. Мое сердцебиение вторило гремящим басам. Я стояла, хватая густой влажный воздух, вдыхая острый запах алкоголя и пота.

Я была так зла, так уязвлена, так опустошена, что все вокруг казалось мне безумными пятнами. Свет пульсировал в ритме музыки, в ритме моего сердцебиения, пока... пока я перестала быть собой. Я потерялась. Потеряла голову.

Где он? Где?

А затем мой взгляд зацепился за белые огни бара. Я увидела его. Я увидела у бара Блэйда. Блондинка была рядом с ним. Перегнувшись через высокий барный стул, Блэйд болтал с барменшей.

Без колебаний я пригнулась и понеслась через танцпол, как нападающий. Парочки отпрыгивали у меня с дороги. Я слышала гневные выкрики:

— Осторожно!

— Эй! У тебя проблемы с головой?

У меня проблемы с Блэйдом.

Оказавшись у него за спиной я взбешенно взвизгнула, схватила его за плечи и развернула.

Его глаза расширились от удивления.

— Кейтлин?

Из моего рта полились слова.

— Что ты здесь делаешь?

Блэйд быстро восстановил самообладание.

— Беру два пива, — ответил он, небрежно пожимая плечами.

— Кто она такая? — спросила блондинка.

— Никто, Ванесса, — сказал Блэйд. — Друг. Из школы.

Я почувствовала себя так, как будто меня разрезали пополам ровно посередине.

Я стояла там, вся трясаясь, с открытым ртом.

Знаю, что яотреагировала слишком остро. Знаю, что психанула. Потеряла самообладания. Но я такая, какая есть. И я ничего не могу с этим поделать.

Я на 90 процентов состою из эмоций. И когда Блэйд сказал такое той девушке, что-то внутри меня взорвалось.

— Но... но... — прошипела я, — мы же любим друг друга!

Эти слова вырвались у меня прежде, чем я успела их остановить.

Лицо Блэйда побледнело. Его глаза, казалось, застыли.

— Если только в твоих мечтах.

И вот я стояла, наблюдая, как мой мир рушится в море мигающих огней, танцующих пар и грохочущей музыки.

Внезапно блондинка-Ванесса подошла ко мне. Она бережно положила руку мне на плечо.

— Ты в порядке? Ты вся дрожишь. Может, взять тебе выпить?

Ее темно-синие глаза впились в мои. Она действительно беспокоилась обо мне.

Не в состоянии ответить, я просто смотрела на нее. Наконец, я развернулась и побежала прочь. Я пересекла танцпол, расталкивая танцующих, вокруг меня снова раздавались озадаченные возгласы.

Затем я рывком распахнула дверь и вылетела обратно в прохладную тьму. Голоса и музыка за моей спиной слились в сплошной рев. Мои глаза болели от безумного освещения.

Охранник повернулся в мою сторону, когда я пробежала мимо него.

— Эй ты, стой! А ну иди сюда! — зло проревел он.

Я снова проигнорировала его, повернула и побежала к своей машине, поскользываясь на камнях. Дины Фиар нигде не было видно. У меня мелькала мысль, что она будет поджидать меня под дверью, чтобы сказать, что Блэйд изменил и ей.

Кто из нас чокнутая?

Я знала ответ. Я чокнутая, раз так переживаю. То, что я сделала в клубе, было безумием. Таким безумием, что даже девушка Блэйда, с которой мы совершенно незнакомы, начала за меня переживать.

Но мне было все равно. Блэйд был так важен мне. Я доверяла ему. Я ему верила. Любила его. А теперь... Мне все равно. Все равно. Все равно.

Он вел себя так, словно я никто. «Никто». Он так и сказал той девушке — Ванессе. «Никто».

И он был прав. Теперь я была никем. Я думала, что в моей жизни появилось что-то замечательное, что-то чудесное. Но теперь я была никем.

Я села в машину. Захлопнула дверь. Завела двигатель и рванула с парковки, взняв задними колесами волну гравия.

Я не знала, куда еду. Не глядя вывернула с парковки. Слева от меня завизжали тормоза небольшого фургона. На волоске от смерти. Мне было все равно.

Я вдавила педаль газа в пол. Машина рванула вперед. На полной скорости я чувствовала себя лучше. Я закружилась по Ривер-роуд, перестраиваясь с одной полосы на другую.

Машина визжала и скрипела. Рядом текла река. Все, что мне нужно было сделать, — это повернуть рулевое колесо влево, и я окажусь в воде. Холодной, освежающей воде. Разве не отличная ночь для купания?

Нет. Я повернула руль вправо и продолжила поездку по темной дороге. Кого я только что чуть не сбила? Белку? Нет. Может, кролика. Или енота.

Я как раз поворачивала в сторону Парквью на скорости почти восемьдесят, когда мое лобовое стекло озарил свет приближающихся фар. Он ослепил меня, и я зажмурилась, проклиная их за включенный дальний свет.

Слишком поздно я поняла, что не в той полосе. Я была на встрече. Слишком поздно. Слишком поздно поворачивать машину. Слишком поздно пытаться избежать столкновения. Я услышала, как завыл гудок, словно сирена, свет стал еще ярче, осветил всю меня, ослепляя.

Я ехала прямо в них. И не могла остановиться.

13

Внезапно стало темно. Долгий гудок автомобиля все еще звенел у меня в ушах, как рев разъяренного зверя. Он, наконец, смолк, когда другая машина прогрохотала мимо меня, свернув на правую полосу.

Мимо. Машина проехала мимо. Я заставила себя дышать. Наступила тишина. Круги в глазах от ярких белых фар постепенно исчезали.

Дыши, Кейтлин. Дыши.

По моей спине пробежал холодок. Совсем близко. Я чуть не умерла. На самом деле я не хотела умирать. Я была слишком зла для этого.

Я повернула руль и съехала на обочину. При этом я слишком сильно нажала на тормоз, и, прежде чем остановиться, машина дернулась вперед, из-за чего я сначала ударилась об руль, затем отлетела обратно.

Я выключила двигатель и сидела, сложив руки на коленях, вглядываясь в темноту, пытаюсь восстановить дыхание.

Кейтлин, ты плохо держишься. Кейтлин, возьми себя в руки.

Где я?

Я всмотрелась в квадратный кирпичный дом позади узкой лужайки, где свет был включен только над крыльцом. Ворота маленького гаража на одну машину были открыты.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что я стою перед домом Блэйда. Я смотрела на желтый свет над крыльцом, пока дом позади него не начал расплываться.

Я знала, что приехала сюда не осознанно. По крайней мере, я не осознавала, что паркуюсь перед его домом.

— Нужно ехать домой, — пробормотала я вслух.

Я запустила двигатель, нажав на кнопку. Потом опустила руки на колени. Мне нужно было поговорить с ним. Нет. Я не хотела его видеть. Я не хотела сидеть там часами до полуночи, ожидая, пока он вернется со своего свидания. А потом бежать к нему, ругаться с ним, крича и рыдая.

Нет. Этого я не хотела.

Так почему же я не двинулась с места? Почему я не могла пошевелиться? Почему я просто сидела там, вся напряженная, пока мой желудок сводило и к моему горлу волна за волной подкатывала тошнота, заставляя меня задерживать дыхание и сжимать зубы?

Я не знала, сколько прошло времени. Я глянула на часы, только когда красный Мустанг наконец повернул на подъездную дорогу. Был почти час ночи.

Я наблюдала, как автомобиль остановился перед гаражом. Как погасли красные стоп-сигналы. Как открылась водительская дверь. Все происходило, словно в замедленной съемке.

Блэйд вытянул руки над головой. Затем тихо закрыл дверцу. Полагаю, тихо, чтобы не разбудить родителей.

Я сидела, сложив руки на коленях, и просто смотрела. Когда он вприпрыжку побежал к двери в кухню, я, наконец, зашевелилась. Я двигалась быстро.

Я распахнула дверцу машины, схватила сумку и выскочила наружу, не озаботившись даже тем, чтобы закрыть за собой дверь. Я обогнула багажник и побежала к подъездной дорожке, сжимая в одной руке сумку, а другой рукой махая над головой.

— Блэйд! Блэйд! — выкрикнула я его имя пронзительным, незнакомым мне самой голосом.

Была почти по-летнему теплая апрельская ночь, но соприкасавшийся с моими пылающими щеками воздух казался прохладным.

— Блэйд! Стой! Блэйд!

Зачем я потащила с собой сумку? У меня нет ответа на этот вопрос. Ясно ли я тогда мыслила? Абсолютно точно нет.

Блэйд обернулся, и я увидела на его лице удивление. Я продолжала на бегу махать рукой над головой, это был некий отчаянный жест.

Тяжело дыша, я остановилась в нескольких метрах от него, моя грудная клетка судорожно вздымалась и опускалась.

Он уставился на меня.

— Кейтлин? Что ты здесь делаешь?

В его голосе не было теплоты. Его глаза были холодны и смотрели настороженно.

— Я... я... я... — запинаясь, пробормотала я, пытаюсь найти в чертах его лица что-то хорошее, хоть малюсенький знак того, что он рад меня видеть. Нет. Даже этого не было. Знак того, что я ему нравлюсь? Нет.

— Уже поздно, — сказал Блэйд, обтягивая рукава толстовки.

— Я... Я... Ты же говорил, что любишь меня, — выпалила я дрожащим, словно из-под воды, голосом.

Он на мгновение закрыл глаза. Потом опустил взгляд к земле и пробормотал:

— Нам было весело.

— Весело? — закричала я. — Весело? Ты говорил, что любишь меня. Ты знаешь, что это правда.

Он поднял на меня глаза. Его рот изогнулся в ухмылке.

— Ты же не думала, что я серьезно?

— Что?

У меня отвисла челюсть. Я безотрывно смотрела на него, пытаюсь разглядеть того Блэйда, которого я знала, Блэйда, которого я любила.

— Нам было весело, вот и все, — сказал он и зевнул.

Наверное, именно этот зевок вывел меня из себя. Громкий, во весь рот зевок стал последней каплей.

У меня в мозгу что-то щелкнуло. В тот момент, в ту секунду внутри меня что-то

сломалось. Думаю, это была вся моя жизнь.

Я действительно не могу это описать. В моем мозгу что-то просто взорвалось.

Я увидела на лице Блэйда удивление. Или это был страх?

А потом началось безумие.

14

— Весело? — закричала я. — Весело?

Блэйд бросил взгляд на одно из окон дома. Комната родителей? Боится, что я разбужу его родителей? Вот что его волнует?

— Ты мразь! — воскликнула я. В правой руке я крепко сжимала ручку сумки. Я подняла руку и ударила его сумкой, ударила изо всех сил.

— Эй! — Блэйд сдавленно вскрикнул и отступил. Он пригнулся, и сумка просвистела над его головой.

— Перестань, Кейтлин. Прекращай это.

— Весело? — кричала я. — Весело?

Я еще раз размахнулась тяжелой сумкой. На этот раз попала ему по плечу.

— Эй! — На лице Блэйда появилась злость. — Предупреждаю, — пробормотал он. — Не подходи ко мне. Перестань.

Следующий удар пришелся по его грудной клетке. Я была не в состоянии остановиться. Размахнулась еще раз, чуть не попав ему по голове. И еще раз. От удара в живот он согнулся.

— Хватит! — простонал он и потянулся к сумке. Ему удалось схватить ее за нижнюю часть.

— Нет!

Я попыталась вырвать у него сумку.

— Кейтлин, остынь! Остановись! Успокойся! Давай поговорим, — он с силой рванул сумку у меня из рук, держа ее за дно.

— Отдай! — закричала я. — Дай сюда!

Сумка выскользнула у меня из рук. Я отшатнулась. Блэйд держал сумку за дно, и все содержимое рассыпалось по земле.

— Мерзавец! Мерзавец! — кричала я, не слыша саму себя.

Блэйд отшвырнул сумку прочь и яростно уставился на меня.

— Ты чокнутая идиотка. Может свалишь уже?

В тусклом свете, льющемся с крыльца, я увидела нож. Он лежал на шарфе, который я запихала в сумку. Судорожно застонав, я схватила его. Крепко вцепившись в рукоять, я подняла нож перед собой.

— Эй, это еще что такое? — спросил Блэйд, переводя взгляд с ножа на меня.

Мой большой палец нащупал кнопку, и нож раскрылся. Лезвие выщелкнулось моментально. Я держала нож перед собой, чтобы Блэйд хорошо мог его видеть.

— Давай, Кейтлин. Опустит это, — сказал он, держа руки по бокам, словно

приготовившись защищаться.

— Весело? Нам было весело? — закричала я.

Не сможет он себя защитить. Я нырнула вперед и ткнула острым концом лезвия в его толстовку.

Он охнул и отшатнулся.

— Убери его. Ты с ума сошла? Убери его!

Я слегка толкнула его, просто чтобы он почувствовал. Ткнула его в грудь. Потом опустила лезвие и ткнула его в живот.

— Ты чокнутая! Чокнутая! Перестань. Опусти его. Давай поговорим.

Его глаза расширились. Я видела, что он в панике. Его руки были напряжены, он был готов сражаться. Он сделал один шаг назад, потом еще один — и уперся в свою машину.

Теперь он был в ловушке. Я еще раз ткнула в него ножом, целясь кончиком лезвия ему в живот.

— Дай сюда! — гневно воскликнул он и потянулся к ножу.

Я попыталась убрать лезвие из зоны его досягаемости. Но, вместо этого, я полоснула его по ладони. Лезвие разрезало ему кожу. Я охнула и начала задыхаться.

С расширившимися от шока глазами он поднес руку к лицу, по его ладони текла струйка крови.

Несколько секунд кровь просто сочилась. Затем она начала бить струей.

Мы молча уставились на кровоточащую руку. Нам обоим было слишком жутко, чтобы мы могли издать хоть один звук.

А затем он начал вопить высоким пронзительным голосом, разбрызгивая вокруг кровь.

Как фонтан, подумала я. Кровь била, как яркий фонтан.

От его визга у меня зазвенело в ушах. От вида крови мой желудок свело. Я подавила рвотный позыв.

Я должна была остановить ужасный звук, который он издавал.

Я размахнулась ножом и загнала лезвие глубоко ему в живот.

И еще раз. Я пырнула его снова. Пырнула еще раз.

Он перестал кричать. Издал булькающий звук и схватился за живот обеими руками. Темная кровь сочилась сквозь красную толстовку и стекала по его рукам.

Он со стоном рухнул на колени, издавая странные свистящие звуки. Кровь струилась из его тела. Он поднял на меня глаза, его лицо исказилось от ужаса. Он попытался что-то сказать, но по его языку стекла кровь и запузырилась на его губах.

Он рухнул на бок на траву, обняв сам себя. Он так быстро истекал кровью.

Борясь с тошнотой, я стояла и смотрела, сжав зубы. Так быстро. Все произошло так быстро. Или это я выпала из времени? Может, на самом деле он умирал долго?

Не знаю, Дневник. Я стояла и смотрела на растекающуюся кровь. На огромную лужу крови, в которой, скрутившись, на боку лежал он.

Я все еще пыталась восстановить дыхание, борясь с дрожью, парализовавшей мое тело, когда поняла, что он мертв. И когда я это поняла, я снова смогла шевелиться, дышать и думать внимательнее и спокойнее.

Я вытерла окровавленный нож рукавом его толстовки. Затем я сложила нож и сунула его в сумку. Собрала свои вещи и сложила их обратно на свои места.

Всю дорогу до дома я рыдала. Рыдала во весь голос, огромные слезы катились по моему лицу, обжигая щеки.

Мой парень, моя единственная настоящая любовь, был мертв. Я убила его. Пырнула его и наблюдала, как он истекает кровью до смерти. Убила его. Я его убила.

Естественно, я плакала. Плакала, всхлипывала и стонала всю дорогу до дома. Я знала, что моя жизнь больше никогда не будет прежней.

15

К счастью, мама с папой спали в своей комнате. Я не смогла мы смотреть им в глаза. Я бы грохнулась в обморок и никогда уже не встала.

Как бы я объяснила им то, что сделала? Я даже самой себе не могла это объяснить.

Я стояла в темной кухне, не включая свет. Мне вдруг показалось, что моя сумка весит целую тонну. Я уронила ее на пол перед кухонной дверью.

В доме было очень тихо. Были слышны лишь мое резкое дыхание и гул холодильника. Я сделала пару шагов к кухонным шкафчикам. Мои кроссовки скрипнули по плитке. Я представила, что они покрыты кровью.

Я представила Блэйда, плавающего на боку в озере его собственной крови. Я понятия не имела, что кровь может так сильно пахнуть. У нее был резкий кисловатый металлический запах.

Я представила, как Блэйд поднимает голову из крови, глядя на меня. Кровь стекает по его лицу, густо покрывая волосы. Но он смотрит на меня сквозь кровь обвиняющим взглядом. Ему не было нужды говорить. Я могла прочесть на его лице ужас и злость.

Я затрясла головой, пытаюсь прогнать ужасающую картинку. Зажмурила глаза. Интересно, смогу я остаться в этой тьме, без тех изображений?

Нет, по какой-то причине у меня перед глазами возникла Дина Фиар. Ее черные волосы развевались вокруг головы, словно от ветра. Ее губы были ярко-красными, ярче, чем кровь Блэйда.

В моем воображении, в моем воспаленном воображении она двумя руками подняла красную толстовку и помахала мне ею.

Почему она делает это? Почему я вообще о ней думаю?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В жутких историях о семействе Фиар множество убийств. Согласно легенде, Фиары знают, как убивать людей самыми отвратительными и болезненными способами.

Но я Доннелли. Мои предки из графства Уиклоу в Ирландии. Мы никогда не были убийцами... раньше.

По темным коридорам дома я направилась к лестнице в мою комнату. Опираясь на перила, я старалась идти как можно тише. Шуметь не хотелось.

Я осторожно закрыла за собой дверь спальни, в темноте пересекла комнату и рухнула на край кровати. Окно было открыто. Легкий ветерок нежно покачивал занавески. На ковер падал бледный свет фонаря с противоположной стороны улицы.

Сгорбившись на кровати, я смотрела на тенидвигающихся занавесок. Не знаю, сколько я так просидела. Я не шевелилась. И почти не дышала.

В какой-то момент я впиалась ногтями левой руки в свою правую ладонь. Вонзила ногти в кожу. Просто чтобы что-нибудь почувствовать. Просто чтобы почувствовать боль. Но я словно оцепенела. Моя рука была как мягкая губка. Я абсолютно ничего не чувствовала.

Я сидела и смотрела на тени, дрожа от ветра, дующего в окно. У меня в голове

проносились картинки. Красные толстовки... реки крови... обвиняющий взгляд Блэйда... Я не могла их отключить.

— Я должна признаться, — сказала я вслух, нарушая глубокую тишину. — Я должна рассказать о том, что сделала. Я убила Блэйда. Я убила его.

Я разрыдалась. Опустила голову, закрыла лицо руками и плакала. Плакала до тех пор, пока все мое лицо и все руки не промокли от слез.

Меня прервали красно-синие проблесковые маячки. Я опустила руки и уставилась на слепящие огни за окном спальни.

Я услышала, как хлопнула дверь машины. Этот резкий звук вытащил меня из оцепенения. Я схватила упаковку салфеток и вытерла лицо. Затем я подошла к окну и выглянула на улицу.

Патрульная машина полиции Шейдисайда остановилась у нашей подъездной дорожки. Красно-синие проблесковые маячки придали нашей лужайке жутковатый фантастический, карнавальное вид. Я увидела, как на дорожку ступили два полицейских в темной форме.

У меня подогнулись ноги. Чтобы не упасть, я схватилась за подоконник. Слотнула подкатившую к горлу тошноту. И еще раз. И еще.

Они здесь. Полиция уже здесь. Чтобы арестовать меня за убийство Блэйда.

Я бросилась в коридор и слетела вниз по неосвещенной лестнице. Так быстро. Полиция приехала так быстро. Моя жизнь закончится так скоро.

16

Крепко держась за перила, я остановилась у подножия лестницы. У открытой входной двери стояли двое копов. Из-за мигающих красно-синих огней у них за спиной казалось, что они то появляются, то исчезают.

Они молча смотрели, как я иду к двери. Их фуражки были сняты. У обоих были короткие черные волосы и темные глаза. Они могли бы быть близнецами, только тот, что слева, был сантиметров на тридцать выше, чем его напарник, и у него были черные усы.

Правая рука высокого полицейского лежала на кобуре, висевшей у него на поясе. Они оба стояли прямо, напрягшись, как будто ожидая проблем.

Я не собиралась создавать им проблемы. Я знала, почему они здесь, и знала, что у меня нет выбора — придется сдаться.

Я смотрела то на одного, то на второго. Их лица не выражали вообще никаких эмоций. Интересно, видели ли они, как я дрожала.

— Я... я знаю, почему вы здесь, — пробормотала я.

Их глаза расширились, они изучающе уставились на меня.

— Знаете? — спросил тот коп, что пониже.

Его напарник неловко заерзал.

— Я офицер Ривера, а это офицер Миллер. Мы проезжали мимо и увидели, что ваша входная дверь открыта, — сказал он. — Мы хотели убедиться, что к вам никто не вломился.

У меня перехватило дыхание. Я начала задыхаться, но попыталась спрятать это за кашлем.

Мне хотелось засмеяться. Станцевать от радости. Обнять их обоих.

— Боже мой, — сказала я, лихорадочно соображая. — Наверное, родители оставили ее открытой. Они... они были у друзей. Кажется, они вернулись домой совсем недавно.

Полицейские, кажется, успокоились так же, как и я. Миллер улыбнулся и кивнул. Ривера убрал руку от кобуры. Он провел рукой по своим коротким черным волосам.

— А может, это был ветер, — уже смелее сказала я. — Я весь вечер была дома и не видела, что дверь открыта.

— Проверьте защелку, — сказал Миллер. — Убедитесь, что она работает, как надо.

— Спасибо, что заметили, — сказала я, мое сердце все еще колотилось. — Я это очень ценю.

Они начали поворачиваться. Но Ривера остановился и показал на рукав моей рубашки. Я проследила за его взглядом и увидела там темное пятно.

Мое сердце замерло. Я с трудом заставила себя никак не реагировать.

— Это кровь? — спросил он, изучая пятно. — Вы порезались?

Я ткнула пальцем в рукав. Тоже изучила его.

— Это старое пятно, — сказала я. — Вряд ли это кровь. Не знаю, что это. Не отмывается.

Они оба отсалютовали мне, прикоснувшись ко лбам двумя пальцами. Затем развернулись и пошли по лужайке к проблесковым маячкам своей машины.

Я осторожно закрыла дверь и вздохнула с облегчением. Родители не проснулись. Я прислонилась к двери, закрыла глаза и попыталась усмирить свое сердце.

Они приходили не для того, чтобы арестовать меня за убийство.

Но они вернутся.

Я открыла глаза и пробежалась пальцами по темному пятну на рукаве. Все еще влажное.

— Нож! — Я произнесла это вслух?

Пятно крови напомнило мне о ноже, и я поняла, что не помню, что с ним сделала.

Орудие убийства.

В ужасе, в панике, в приступе безумного гнева я оставила его рядом с телом Блэйда? Просто бросила на землю и убежала?

Или я забрала его с собой?

Вдруг я представила, как роняю сумку. Моя сумка...

Я оставила ее у кухонной двери. Сделав глубокий вдох, я отошла от входной двери и направилась в кухню. Я схватила сумку за ручки и понесла ее в свою комнату.

Когда я взяла сумку вернулась паника, вернулся весь ужас от той жуткой сцены рядом с домом Блэйда. Перетягивание каната — мы с Блэйдом боремся за эту сумку... Если бы... Если бы только я не выпустила ее. Если бы Блэйд не перевернул сумку...

Нож бы не выпал. И я бы даже не подумала о нем... И не воспользовалась им.

Я опустила сумку на кровать и начала рыться в ней. Да. Он был там. Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы нащупать на дне нож, обхватить пальцами его рукоять и вытащить его. Он дрожал у меня в руках, как живой.

Держа нож перед собой, я открыла его. Серебристое лезвие блеснуло в свете лампы, крохотные капельки крови сияли, как драгоценные камни.

Кровь Блэйда. словно загнипнотизированная, я смотрела на лезвие. Смотрела на сияющие капли крови и потеки крови рядом с рукоятью. Смотрела, пока мне не захотелось кричать. Пока мне не захотелось взорваться.

Да. Я внезапно поняла, что просто взорвусь — меня разнесет на кусочки чудовищным выбросом ужасающей энергии — если я не сделаю что-нибудь. Если я не расскажу кому-нибудь.

— Я не вынесу этого, — слова сами сорвались у меня с губ. — Не справлюсь. Не смогу удержать все это в себе.

Я уронила нож на коврик у моих ног. Но блестящие капельки крови на лезвии продолжали стоять у меня перед глазами.

Я должна рассказать кому-нибудь, чтобы не взорваться. Я должна признаться в том, что сделала.

Джули. Я тут же подумала о своей подруге Джули. Она такая практичная, такая здравомыслящая. Она меня выслушает. Она не испугается.

Трясущимися руками я схватила телефон. На экране появилась клавиатура. Я начала тыкать в нее, пытаясь набрать номер Джули.

Она ответила после второго гудка.

— Джули? Это я! — закричала я высоким, пронзительным голосом. Слова выскакивали у меня изо рта, как будто меня тошнило ими в телефон. — Я убила его! Я это сделала. Помоги мне, Джули. Помоги, пожалуйста. Я убила его. Я сорвалась. Потеряла контроль. Я сорвалась. И убила Блэйда!

17

На последних словах я поперхнулась. Мое горло сжала невидимая рука, я не могла говорить. Задышавшись, я прижала телефон к уху.

— Кто это? — спросил на другом конце хриплый женский голос, который я не узнала. — Барышня, это розыгрыш? Если это так, то не смешно.

Ой. Я посмотрела на экран телефона. Неправильный номер. Я позвонила по неправильному номеру.

— П-простите, — пробормотала я и нажала вызов, прежде чем она успела еще что-то сказать. Я бросила телефон в сумку.

Я рухнула на кровать и обняла себя. Я знала, что этой ночью не смогу уснуть. Я не знала, смогу ли я вообще когда-нибудь уснуть.

Похороны Блэйда прошли в небольшой многоконфессиональной часовне в Норт-Хиллз. Часовня была длинной и узкой, с темными деревянными панелями на стенах и низкими деревянными стропилами. Сквозь узкие грязные окна, расположенные высоко на стенах, внутрь проникал свет утреннего солнца.

На свету перед небольшим алтарем стояли две огромные вазы с белыми лилиями. Между ними стояла кафедра. А рядом с кафедрой находился гроб Блэйда, сделанный из сияющего темного дерева, которое в свете прожекторов переливалось фиолетовым.

Крышка гроба была снята, и со своего места, находящегося сбоку комнаты, я видела, что гроб был обит белым атласом. Мысль о том, что Блэйд безжизненно лежит в этой коробке, казалась мне нереальной.

Фоном играла органная музыка. Молча сновали люди. Людей было немного. Семья Блэйда не так давно переехала в город.

Я сидела между Джули и Мирандой. Джули сжимала мою руку и без конца спрашивала, в порядке ли я. Я кивала и вытирала слезы салфетками.

Мне казалось, что все это сон. Я смотрела на высокие цветы и блестящий темный гроб, вся сцена постепенно словно подернулась туманом, и я знала, что скоро очнусь ото сна и

вернусь к реальной жизни. К реальной жизни с Блэйдом.

Но в переднем ряду сидели его родители. Они выглядели старше, чем я помнила. Я встречалась с ними лишь однажды. Они прижались друг к другу и всхлипывали, всхлипывали и качали головами, как будто не могли поверить, что это случилось.

Миранда чихнула. Звук эхом отразился от низких стропил. Несколько людей обернулись в нашу сторону.

Я осмотрелась и сосчитала. В часовне было всего то ли девятнадцать, то ли двадцать человек. На первых двух рядах друг к другу жались бледные печальные люди — родственники.

Я не увидела больше никого из нашей школы, кроме меня, Джули и Миранды. Обернувшись, я резко выдохнула, потому что увидела Ванессу, девушку-блондинку, с которой Блэйд был в клубе. Она шла по центральному проходу часовни, глядя прямо перед собой на гроб у алтаря.

За пару рядов от меня она обернулась. Увидела меня. Моргнула. Какое-то время смотрела на меня, вспоминая. Затем отвернулась.

Я почувствовала, как вспыхнуло мое лицо. Знает ли Ванесса? Она видела, как я взбесилась в клубе. Знает ли она?

Она прошла прямо мимо моего ряда, даже не взглянув на меня. Она села в третьем ряду, позади семьи, позади тех, кто всхлипывал, стонал и вытирал глаза.

Я тоже плакала. Органная музыка стала громче, потом стихла. Появился молодой священник, торжественно склонил голову. У него были темные волосы и черная борода, которую он тербил, произнося речь. На нем был коричневый пиджак и темные брюки. Верхняя пуговица его белой рубашки была расстегнута.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Начнем. Для тех, кто в часовне впервые, меня зовут преподобный Норман Преллер.

Его голос звучал успокаивающе, он очень мягко говорил в микрофон. Звук эхом отбивался от пустых сидений.

— Вынужден признать, что мне не довелось познакомиться с Блэйдом, — Преллер потер бороду. Из колонок раздался царапающий звук. — Но ко мне подошло столько людей, чтобы просто сказать, каким замечательным человеком он был, что я ощущаю из-за этой трагедии почти такую же боль, как те, кто его знал.

Да, это была трагедия.

Джули протянула мне еще один платок. Я скомкала старый и бросила его на колени. Я смотрела на открытый гроб, на белую атласную подкладку крышки и думала. Я не могла слушать мягкоголосого священника, который даже не знаком с парнем, которого я любила.

Я думала о той ночи, когда мы с Блэйдом припарковались на Ривер Ридж над Шейдисайдом. Внизу в свете полной луны блестела река.

Мы выбрались из моей машины и расстелили на траве одеяло. Потом мы лежали на спине, держась за руки, и любовались звездами. Это была ясная, волшебная, серебряная ночь.

Мы обнимались, целовались и говорили, говорили. Нам было так легко общаться. Как будто мы были знакомы всю жизнь. Блэйд рассказывал, что мечтает быть археологом. Он хотел жить в прерии, выкапывать кости динозавров и узнавать факты о далеком прошлом, которых никто до этого не знал.

Забавно. Я сказала, что моя жизненная цель — уехать из Шейдисайда. Это была моя

единственная цель.

Блэйд стал меня дразнить. Сказал, что моя цель слишком простая. Что мы можем уехать из Шейдисайда в любой момент, если захотим.

— Давай уедем вместе, — сказал он, прикасаясь губами к моей шее. — Мы можем просто оставить записку родителям и направиться на запад. Что насчет Монтаны? Можем поехать в Монтану.

Я рассмеялась и ткнула его под ребра.

— В Монтану? Серьезно? Почему в Монтану?

Он поднял палец и ткнул меня в ответ.

— Тебе не интересна Монтана?

— Эм... нет, — сказала я. — Я никогда не думала о Монтане.

— Вот почему мы просто обязаны поехать, — сказал он и притянул меня к себе. — Или мы можем просто остаться здесь навсегда.

Это была удивительная ночь, ночь, которую я никогда не забуду. Я знала, что Блэйд говорит о побеге не всерьез, но мне было все равно. Я думала, что, может, когда-нибудь...

А теперь я была здесь, в темной душной часовне. Вместо звезд я смотрела на гроб Блэйда. Проповедь закончилась. Молитвы произнесены. Все встали в очередь к гробу, чтобы попрощаться.

Родители Блэйда стояли у стены. Его мама закрыла лицо платком. Его отец с бледным и угрюмым лицом нервно переминался с ноги на ногу. Сначала мимо гроба прошли родственники, пробормотав соболезнования родителям.

Я держалась позади.

— Я не хочу, — сказала я.

Джули и Миранда взяли меня за руки.

— Ты должна, Кейтлин, — сказала Миранда. — Разве ты не хочешь попрощаться?

Мне безумно захотелось признаться. Рассказать им, что я сделала. Я прикусила язык и подавила в себе этот импульс.

Я присоединилась к очереди к гробу. Джули и Миранда держались рядом со мной. У стены Ванесса пожимала руки родителям Блэйда, скорбно склонив голову. Я не слышала, что она говорила. Она обернулась и пошла по боковому проходу к выходу из часовни. На меня она не смотрела.

Все снова стало казаться ненастоящим. У меня было ощущение, что я плыву поверх всего, не на полу, даже не в этой часовне. Мне хотелось стать птицей, расправить крылья, взлететь высоко-высоко, оторваться от земли, улететь подальше от этой ужасной сцены.

Я плыла... плыла... Мое сердце колотилось, как у колибри.

И вот я уже стою у обитого атласом гроба, глядя на безжизненное лицо Блэйда. Это был и Блэйд, и не Блэйд. Его лицо было покрыто слоем макияжа. Его щеки были ярко розовыми. Волосы на голове слиплись.

А глаза... этот пустой взгляд... стеклянных глаз. Открыты. Почему его глаза открыты?

Я глубоко вдохнула и отстранилась. Мне не хотелось, чтобы он меня видел. Не хотелось, чтобы мое лицо отражалось в этих ненастоящих стеклянных глазах.

Кто-то застонал. Наверное, мама Блэйда. Кто-то позади меня громко всхлипнул.

Джули взяла меня за руку. Мы пошли мимо гроба. Но я сдавленно вскрикнула и остановилась. Остановилась и в ужасе уставилась на Блэйда, который моргнул своими остекленевшими зелеными глазами.

Его голова повернулась вправо, потом влево. А затем начала подниматься с белой атласной подушки.

Я охнула и зажала рот ладонями. Потом схватилась за Джули, потому что мои колени начали подкашиваться. Я открыла рот, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука.

Может, мне это просто показалось? Мое чувство вины заставляет меня хотеть, чтобы он ожил?

Нет. Комната наполнилась криками и воплями ужаса, оханьем и недоверчивыми стонами.

— Нет... Нет... Не-е-ет... — рыдали родители Блэйда и вытягивали перед собой руки, словно пытаюсь защитить себя. В центральном проходе грохнулась в обморок пожилая женщина. Никто не поспешил помочь ей. Все взгляды были устремлены к гробу.

Все смотрели на тело, которое медленно... как в замедленной съемке... медленно... село.

18

— Он двигается! Он вылезает!

— Он живой!

— Блэйд, ты нас слышишь? Блэйд?

— Боже мой! Это невозможно! Это безумие! Боже мой!

По часовне разнеслись напуганные голоса. Никто не двигался. Миранда и Джули попятились от меня. С бледными лицами и выпученными глазами они прижались друг к другу возле алтаря.

Я стояла, прижав ладони к лицу, застыла перед гробом, всего в паре метров от шевелящегося тела.

— Чудо! Чудо! Мой мальчик жив! — закричала его мама.

— Врача. Здесь есть врач? — крикнула какая-то женщина. — Нам нужен врач.

— Он жив! Уведите его отсюда! Он не умер!

Блэйд неуклюже поднялся, его губы были плотно сжаты, остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой. Со своими розовыми щеками и накрашенными губами, он напомнил мне куклу чревовещателя. Мне вдруг показалось, что я в одном из этих фильмов-ужасов, где оживает зловещая и опасная кукла чревовещателя.

Конечно, он был мертв. Я убила его. Я видела, как он истекал кровью. Я знала, что он мертв.

Но вот он, Блэйд, мой милый мертвый Блэйд, сидит в своем белом перламутровом гробу.

Я смотрела, как он поднимает руку, медленно, как будто каждый сантиметр дается ему с ужасной болью, как будто самое малюсенькое движение для него настоящее испытание. Да, Дневник, его правая рука поднялась, и он повернулся. Развернулся к напуганной, замершей толпе людей, которые пришли похоронить его.

Остекленевшие глаза изучали толпу, скользая с его родителей на пару средних лет рядом с ними, с них — на пожилого мужчину, опирающегося на трость, все они застыли от изумления и недоверчиво смотрели на происходящее.

Он еще немного повернулся, сильно изогнув тело. Теперь он смотрел на меня. В его глазах отсутствовали зрачки. Глаза были полностью зелеными, цвета весенней травы.

Он уставился на меня и... и его губы задрожали. Его щеки покрылись пятнами. Он попытался заговорить. Попытался открыть рот и что-то сказать. Но его рот был зашит.

Он напряженно пытался, уродливо изгибая губы. Наконец, он сдался. По-прежнему глядя на меня, он поднял руку и указал в мою сторону. Показал на меня пальцем. Палец сначала дрожал, потом успокоился, и он показал на меня всем.

Я почти слышала его голос, почти слышала, как он говорит:

— Слушайте все, он убил меня. Она — причина того, что я труп.

— О-о-о-о-о! — Из моего горла вырвался стон. Я не могла смотреть на Блэйда. Я знала, что никогда не смогу забыть эти ярко-розовые щеки, сшитые вместе красные губы, пустые слепые глаза. Никогда.

— О не-е-ет! — издав еще один животный вопль, я развернулась, чтобы сбежать от его ужасного взгляда. И увидела стоящую посреди прохода фигуру. Всю в черном.

Дина Фиар.

Ее прямая черная юбка доставала почти до пола. Поверх темно-фиолетовой блузки на ней был надет черный жилет. Она стояла в проходе с вытянутыми руками, с крепко сжатыми в кулаки ладонями. И она что-то быстро бормотала себе под нос.

Ее глаза, спрятанные за совиными очками, безотрывно смотрели на тело.

Не разжимая кулаки, она держала руки прямо перед собой. В одном кулаке был зажат какой-то серебряный орнамент. Амулет в форме птицы с распростертыми крыльями.

Она держала амулет перед собой, запрокинула голову, ее губы быстро шевелились. И я поняла, что она с напряженным лицом говорит и говорит на каком-то странном языке.

Дина подняла амулет над головой, и тело пошевелилось. Она махнула кулаком, и тело взмахнуло рукой. Она двигала амулет вверх-вниз, и тело кивало головой.

Мне понадобилось много времени, чтобы понять, что она его контролирует.

Бормоча немного громче, она двинулась по проходу в нашу сторону, вытянув руки перед собой, зажав в кулаке амулет-птицу. Она тяжело дышала. Ее глаза были прищурены, а челюсти — напряженно сжаты.

Дина Фиар оживила Блэйда.

— Дина! — выкрикнула я ее имя. — Дина, что ты делаешь?

Она проигнорировала мой вопрос и продолжила бормотать, быстро шевеля губами и не отводя глаз от шевелящегося тела. Она сделала еще один шаг к гробу. Сильно дернула руками, и тело вздрогнуло.

В часовне воцарилась тишина. Все смотрели на Дину, смотрели на тело, смотрели на тот ужас, что происходит под покровом тишины. Женщина, упавшая в обморок, приходила в себя на скамье сбоку. Две маленькие девочки, одетые в черное, громко плакали, прижавшись друг к дружке.

— Дина... — снова позвала я ее.

— Вернись, Блэйд, — бормотала она, подходя ближе. — Вернись сейчас же. Вернись. Вернись. По ее лбу и щекам струился пот. Амулет у нее в руке дрожал.

Она посмотрела на меня.

— Не мешай. Нужно сильно сконцентрироваться... нужно много энергии. Я... Я...

Ее глаза закатились, я охнула. Она издала сдавленный вздох. Ее колени подкосились. Руки взлетели в стороны. И она рухнула на пол часовни, сильно ударившись головой о деревянный пол. Амулет улетел под скамейку.

Дина не двигалась.

Вокруг раздались крики. Я обернулась к гробу и не увидела Блэйда. Неуверенно я подошла к алтарю, заглянула в обитый атласом гроб и увидела, что он лежит на спине. Его пустые глаза смотрели в потолок. Руки лежали вдоль тела.

Он снова был мертв.

Он не двигался. Его голова безжизненно утонула в атласной подушке. Он не дышал. Труп. Труп. Снова труп.

Мама Блэйда сползла на пол, прислонившись головой к стене. Ее муж пытался напоить ее водой. Но его руки так тряслись, что он пролил воду на жену.

Люди кричали. Люди плакали. Джули с Мирандой спрятались за одной из высоких ваз с лилиями. Они быстро говорили, одновременно, бешено размахивая руками.

К алтарю подбежал врач. Он заозирался, не зная, с кого начать. Подавленные люди сидели на скамейках. Мужчина на боковой скамье громко стонал, держась за сердце.

Врач стал на колени в проходе и наклонился над Диной Фиар. Он поднял ее запястье, пытаясь нащупать пульс.

Я двинулась к Джули и Миранде. Мы трое обнялись, держась друг за дружку, как будто пытаюсь ухватиться за реальность, реальный мир, мир, в котором мы точно знали, что трупы не сидят в своих гробах. Джули вытерла глаза влажным платком. Ее щеки покраснели от плача.

На меня навалилось сразу множество ощущений. Паника, напряженность. Ожидание, что случится еще что-то невозможное. Оцепенение. Но больше всего страх.

Доктор потер безжизненную руку Дины своими ладонями. Я услышала, как Дина застонала. Поддерживая за спину, он помог ей сесть.

Она заморгала и затрясла головой. Ее черные волосы тут же упали ей на лицо. Она убрала их обеими руками.

— Слишком много энергии... — пробормотала она.

Врач что-то сказал ей на ухо. Я не расслышала, что именно. Если до этого в часовне было тихо, то сейчас все заговорили одновременно.

Врач встал, отряхнул колени своих темных брюк и пошел к мужчине, все еще прижимающему руку к груди.

Родители Блэйда стояли по бокам гроба, глядя на своего мертвого сына. Мама Блэйда что-то шептала ему. Она надеялась, что он снова встанет?

Я вздрогнула. Увидела, что Дина встает на ноги. Она схватилась за спинку скамейки, чтобы удержать равновесие. Ее очки погнулись. Лицо было белым, как полотно, а подбородок и губы дрожали.

Она поискала и нашла амулет в виде серебряной птички. Затем осторожно подняла его с пола и сунула в карман.

Неожиданно снова появился преподобный Преллер. Я не видела его с самого начала похоронной церемонии. Он часто моргал, и у него дергалась одна щека. По пути к кафедре он нервно поправлял рукава и прочищал горло.

— Дамы и господа, — начал он. Его голос утонул в нуле и криках. Он несколько раз

постучал по микрофону. — Дамы и господа, внимание, пожалуйста.

В комнате стало тихо. Священник снова прочистил горло. Нервно поправил галстук. Его щека задергалась сильнее.

— Случился неприятный инцидент, — сказал он.

После этих слов все снова заговорили.

Неприятный инцидент?

Лицо Преллера покраснело. Он снова прочистил горло.

— Я должен сделать последнее объявление, — произнес он. — Погребение... состоится по расписанию. Все желающие приглашаются на Дубовое кладбище Шейдисайда. Семья попросила, чтобы я сказал вам, что поминок не будет. Они просят, чтобы вы позволили им пережить их опустошающую потерю в уединении.

— Но он не умер! — выкрикнул кто-то.

Это снова вызвало гул голосов. Я осознала, что зажимаю уши ладонями. Нужно было выбираться оттуда. Я больше не могла этого выносить.

Джули и Миранда оживленно разговаривали с Преллером, отчаянно жестикулируя и указывая на гроб. Я решила, что поговорю с ними позже.

По боковому проходу я направилась к выходу из часовни. Мне сдавило грудь. Было тяжело дышать. Мне был нужен свежий воздух. Нужно было пойти куда-то и поразмышлять. Нужно было сбежать.

Я была уже на полпути, когда заметила, что Дина Фиар наблюдает за мной. Я остановилась и повернулась к ней. Она что-то прожестикулировала, но я не поняла что. Казалось, она о чем-то умоляет меня. Выражение ее лица было напряженным.

Она сложила руки рупором у рта и крикнула. Но отбивающиеся от стен голоса заглушили ее. Я ничего не услышала.

Я помахала ей. Мне не хотелось разговаривать с Диной. Мне было необходимо сбежать. Я развернулась и побежала к выходу. Распахнув двумя руками дверь, я шагнула навстречу солнечному свету.

Яркий свет вынудил меня прикрыть глаза рукой. Я глубоко вдохнула теплый воздух и увидела на другой стороне дороги группу детишек, которые смеялись и гонялись друг за другом по детской площадке.

Я всхлипнула. Мне вдруг захотелось оказаться там с ними. Захотелось снова стать ребенком.

Я снова вздохнула и направилась к бетонному крыльцу часовни. Мимо меня пробежал парень в синих трениках и красной кепке с эмблемой «Ред Сокс», рядом с ним на поводке бежала небольшая коричневая собачонка.

Солнечный свет приятно грел мое лицо. Я оставила машину у обочины и немного погуляла. Я была потрясена, Дневник. Я была в шоке. Но, скорее всего, все, кто был на похоронах, были так же расстроены, сбиты с толку и напуганы, как и я.

Нарезав несколько кругов по Норт-Хиллз, я вернулась в машину. Мне нужно было ехать домой. Дорогу я вообще не запомнила.

Следующее, что я помню, была наша подъездная дорожка. А потом я через заднюю дверь вошла в кухню. Схватилась за кухонную тумбу. Меня знобило и подташнивало.

— Мам? Пап? — позвала я. Но они, естественно, были на работе.

Я вдруг осознала, что целый день не ела. Возможно, еда сможет меня успокоить. Я как раз направлялась в кухню, когда запищал мой телефон.

Я достала телефон и уставилась на экран. Новое сообщение. Номер мне был незнаком. Я перевела взгляд на сообщение и прочла:

«Это я. Дина. Его еще не похоронили. Еще не поздно».

19

Я уставилась на светящийся экран. Перечитала сообщение еще раз. Я знала, о чем говорит Дина. Мне не пришлось ломать голову над этим.

Я как будто снова увидела ее стоящей посреди прохода в часовне, напряженную, с вытянутым перед собой амулетом, сконцентрированную и бормочущую, бормочущую. И она заставила тело двигаться. Заставила Блэйда сесть. Заставила его повернуться и указать на меня. Смотреть на меня жуткими стеклянными глазами.

И я знала, чего она хотела теперь. Она хотела закончить оживлять Блэйда. Она хотела закончить то, что начала в часовне. Но зачем? Почему она хотела вернуть Блэйда?

Чтобы узнать, кто его убил? Она думала, что если вернет его, то он назовет своего убийцу? То есть меня?

От этой мысли я содрогнулась. Телефон выскользнул у меня из рук и упал на пол. Когда я наклонилась за ним, он снова запищал.

Пришло еще одно сообщение от Дины:

«Это срочно. Иди ко мне домой немедленно».

А потом еще одно:

«Не раздумывай. У тебя нет выбора».

Я положила телефон на шкафчик. Мне не хотелось держать его в руках. Не хотелось читать больше никаких сообщений от Дины Фиар.

— Она чокнутая, — вслух пробормотала я. Затем открыла холодильник, взяла бутылку апельсинового сока, поднесла ее ко рту и начала пить. Когда я закончила, я тяжело дышала, мою грудь словно сдавило.

Я любила Блэйда. По крайней мере, думала, что любила. Но я не хотела, чтобы он вернулся. Не хотела, чтобы он ожил. Ожил и рассказал всем, что я убийца, что я взбесилась и резала, резала, резала его.

Я знала, что если Блэйд вернется... если Дине действительно удастся оживить его. то моя жизнь будет кончена.

Как я могла остановить ее? Я понятия не имела. Я не знала, как ее остановить. Но я определенно не хотела помогать ей.

Я достала из холодильника миску салата с тунцом и начала вилкой запикивать его себе в рот. Я умирала от голода. Внутри меня словно был целый каньон. Это было ненормально. Я никогда не ощущала такого чувства голода.

Теперь все было ненормально. Все.

Люди никогда не перестанут болтать об этих похоронах. О теле, севшем в гробу. Это будет в новостях. Об этом узнаю по всему городу... везде. Главная сенсация... и жутчайшее воспоминание для всех тех, кто там был.

Я посмотрела на сообщение Дины на экране моего телефона. Мне хотелось схватить телефон и вышвырнуть его через заднюю дверь как можно дальше. Я хотела остаться одна и чтобы никто не мог до меня добраться.

Телефон зазвонил, и я подпрыгнула. Дина. Она не собиралась оставлять меня в покое. Она не собиралась давать мне ни единого шанса.

Какое-то время телефон продолжал звонить, пока у меня не сдали нервы. Я подняла его со шкафчика и прижала к уху.

— Дина, оставь меня в покое! — закричала я.

На другом конце установилась тишина. Затем раздалось:

— Эй? Кейтлин? Это ты?

— Джули? — сглотнула я. — О, привет. Я думала... кто-то ошибся номером.

— Кейтлин, ты в порядке? Ты ушла из часовни, ничего нам не сказав. Мы с Мирандой...

— Извини, — сказала я. — Мне нужно было убраться оттуда. Все это было так странно...

— Это было так ужасно, Кейтлин, — затаив дыхание, сказала Джули. — Когда тело Блэйда начало двигаться, я... Я подумала, что я в фильме ужасов. Мне никогда в жизни не было так страшно.

— Мне тоже, — сказала я.

— Я не могла даже закричать, — продолжала Джули. — Просто схватилась за Миранду и смотрела. Вокруг кричали, падали в обморок, плакали...

— Было ужасно, — согласилась я. — Самый настоящий кошмар.

— Никто не мог поверить своим глазам, — сказала Джули. — Священник... Зануда, правда? Он пытался все объяснить. Сказал, что просел пол и из-за этого двинулся гроб, но не тело. Он пытался всех переубедить.

— Это глупо, — сказала я. У меня заурчало в животе, и я открыла холодильник в поисках еды.

— Мы же не идиоты. Мы же видели, что произошло. Да, Кейтлин? Это не гроб наклонился. Блэйд сел. Он был мертв, но сел и пытался говорить, — ее голос дрогнул. Я услышала, что она закашлялась.

Он пытался рассказать всем, что я его убила.

— Джули, ты в порядке? — спросила я.

— Нет, не в порядке. Я никогда не смогу выбросить это из головы. Всегда буду видеть, как он с трудом садится в гробу. Буду видеть эти странные зеленые глаза. Как медленно поднимается его рука. Я никогда не смогу забыть это. Мне... Мне кажется, что я схожу с ума, Кейтлин. Ты правда думаешь, что его заставила сестра Дина Фиар?

— Не знаю, — ответила я. — Возможно. Она же Фиар, так? Эта семья знает о магии все. Ужасающей темной магии. Ты же сама слышала. Мы все слышали, что у некоторых из них есть странные силы. Тот амулет, что она держала...

— А еще она что-то бормотала. Боже, Кейтлин. Ты правда думаешь, что это она его подняла?

— Не знаю. Возможно. Может и она. Джули, об этом жутко даже говорить. Нужно попытаться как-то это пережить, — эти слова прозвучали абсолютно фальшиво.

Почему я не рассказала Джули о сообщениях Дины, о том, как Дина сказала, что еще не поздно? Не знаю. Наверное, думала, что если я никому не скажу о Дине, то она исчезнет. Все это закончится.

— Его не похоронили, Кейтлин, — сказала Джули. — Тело все еще в часовне. Родители не позволили его похоронить. Они были абсолютно не в себе. Кричали, плакали. Это было ужасно.

— В смысле? Что произошло?

— Они не отходили от гроба. Схватили тело Блэйда и начали его трясти. Говорили, что это может снова его оживить. Что он на самом деле не умер. Они видели, как он сел. Все это видели. И они не позволили похоронить его на случай, если он снова оживет.

— Ого. Ничего себе.

— Помнишь, там был доктор? Ты его видела. Он привел в чувство Дину Фиар. Ему удалось оттащить родителей Блэйда от гроба. С трудом. Наконец, он смог изучить тело.

— И что сказал доктор? — поинтересовалась я.

— Он сказал, что Блэйд мертв. Не дышит. Родители Блэйда начали кричать, чтобы доктор убирался вон. Преподобный Преллер начал кричать, чтобы все уходило. Пригрозил вызвать полицию, если все сейчас же не покинут часовню.

— Ого. И что дальше?

— А дальше стало еще хуже. Родители Блэйда схватились за гроб и заявили, что не сдвинутся с места. Преллер попытался оттащить их. Завязалась настоящая потасовка. Мы с Миранду поспешили убраться оттуда. Я больше не могла этого выносить и не хотела быть там, когда приедет полиция. Это было ужасно, Кейтлин.

— Ух ты, — я не знала, что еще сказать. Было сложно даже представить все это.

— Бедная Миранда, — продолжала Джули. — Как только мы вышли наружу, ее вырвало. Чуть на изнанку не вывернуло. Ее было очень плохо, и она пошла прямо домой. А я... немного побродила вокруг. В полном ступоре. Я все еще странно себя чувствовала, и меня трясло. Как будто все это пришло за мной домой.

— Джули, я чувствую то же самое, — призналась я.

— Хочешь прийти ко мне?

Я задумалась.

— Нет. Извини. Я, наверное, попробую немного поспать. Может, это меня слегка успокоит.

— Ну ладно. Позвони мне попозже. Когда проснешься. Хорошо?

— Хорошо, — ответила я и отключилась.

Я солгала. Я даже не собиралась ложиться. Я ехала к дому Дины Фиар.

Почему?

Не знаю.

Когда я свернула с Олд-Милл-Роуд на Фиар-Стрит, мою машину поглотили тени. Высокие древние деревья по обе стороны дороги сформировали над улицей арку. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь спутанные ветки.

Фиар-Стрит проходит в восточной части Шейдисайда. По одной стороне улицы в линию выстроились большие старые дома, большей частью из камня и кирпича. Большая часть из них расположена довольно далеко от улицы, спрятаны за широкими лужайками и высокими ухоженными живыми изгородями.

Это самые старые постройки в городе. Они были возведены богатыми поселенцами в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. Среди этих поселенцев была и пресловутая семья Фиар (ходят слухи, что они практикуют странную темную магию).

Все дома смотрят на лес Фиар-Стрит — густые заросли высоких старых кленов, платанов и дубов — на молчаливый лес, протянувшийся на мили и почему-то всегда тенистый. Одна из легенд об этой улице гласит, что в лесу Фиар-Стрит отказывается светить солнце.

Столько темных историй.

Все в городе знают, что по ночам в этом лесу раздаются ужасающие завывания. Охотники замечали в нем странных, неопознанных стремительных существ, бегающих на двух ногах. В этом же лесу много лет назад были найдены мертвыми две сестры Фиар, все их кости исчезли. Под деревом остались лишь кожа и органы. Ни одной косточки.

Фу. Вот о чем я думала, Дневник, проезжая под высокими, сложенными аркой ветвями над Фиар-Стрит в поисках дома Дины Фиар. Фиар-Стрит выглядит такой нормальной и умиротворенной, даже милой. Но большинство людей в городе, даже те, кого не назовешь суеверными, по возможности избегают этой улицы.

В конце улицы, когда в зоне видимости оказались руины особняка семьи Фиар, я снизила скорость. Более ста лет назад величественный старый дом сгорел дотла в результате трагического пожара, поглотившего весь дом и всех его обитателей.

Многие говорят, что пожар вызвало зло, обитавшее в самом доме. Говорят, крики внутри дома продолжались несколько часов — и еще долго после того, как пожар был потушен.

Это случилось более столетия назад. И по сей день никто не разобрал обугленные останки дома. Ни у кого не возникло желания расчистить территорию или построить новый дом на этом дьявольском месте. Черный обугленный дом сгорбился на покатоj лужайке, как какое-то мертвое гигантское насекомое¹.

Дина живет в большом каменном гостевом домике позади особняка, почти спрятанном в лесу. Я припарковалась на краю дороги. Подъездная дорожка к особняку заросла бурьяном и была загромождена обгоревшим хламом.

Когда я шла по лужайке мимо руин особняка, меня чуть не сбил с ног сильный порыв

ветра. Я попятилась, пытаюсь сохранить равновесие. Меня словно предупредили, что не стоит подходить ближе.

Зачем я туда приехала? Почему я подчинилась приказу Дины и поспешила туда, где все говорило мне избегать ее, держаться от нее подальше. Все вокруг просто кричало об опасности. Так почему я принеслась в это запретное место, чтобы увидеться с этой странной девочкой, с которой мы даже не были подругами? Далеко не были.

Не знаю. Не могу объяснить.

Завыл еще один порыв ветра, и я наклонила голову и придержала волосы двумя руками. Мне пришлось обойти большую кучу пепла и пробраться через высокие заросли бурьяна.

Дом был двухэтажный, очень длинный, он оказался больше, чем выглядел с улицы. Несколько окон были занавешены. В остальных света не было. Стены были выполнены из серого камня. Косая черепичная крыша была выкрашена в красный. Похоже, единственным входом в дом была боковая дверь.

Я подняла руку, собираясь постучать, но дверь вдруг распахнулась.

В проеме стояла Дина. Я слышала, что из комнаты позади нее доносятся звуки рояля.

— Входи, — пропустила меня Дина. Она абсолютно не удивилась тому, что я приехала.

Она была в той же одежде, что и на похоронах. В той же плиссированной фиолетовой блузке, черном пиджаке, длинной черной юбке чуть ли не пола. Ее длинные волосы были стянуты сзади черной бархатистой лентой. На одном боку ее носа торчал крохотный серебряный паучок.

Я проследовала за ней по узкому коридору в большую гостиную. Ни в одной комнате не горел свет. Только одинокая настольная лампа тускло освещала пространство возле кожаного дивана. Звуки рояля стали громче. Напротив камина висели два огромных портрета мужчины и женщины, оба выглядели старомодно, привлекательно, но строго и не улыбались.

— Мои знаменитые предки, — буркнула Дина и жестом показала мне идти дальше.

Коридор вел мимо библиотеки. Сквозь высокое узкое окно туда просачивался солнечный свет. Я успела заметить высокие, до самого потолка полки, заполненные книгами, заваленный стопками книг письменный стол, кипы книг на полу.

Я не удержалась:

— Ты любишь читать?

— Да. Но это книги не для всех, — ответила она. — Только для тех, кто интересуется специфическими вещами.

— Например?

Она не ответила. Мы завернули за угол. Я осмотрела длинный коридор.

— Мы здесь совсем одни?

— Нет. Мои родители дома.

Коридор привел в большую комнату в задней части дома. Я зажмурилась от внезапно яркого света. Задняя стена дома оказалась стеклянной и выходила на лес.

За окном вдоль всего дома протянулся высокий бурьян. Мой взгляд зацепился за растущие посреди него весенние полевые цветы. Позади них я заметила густые заросли вечнозеленых кустарников.

Вдруг я услышала пронзительный крик.

Моргнув, я заметила на жердочке посреди комнаты попугая.

— Это Твити, — сказала Дина. — Мой любимчик. Разве он не красавчик?

Птица была красиво украшена красными, синими и зелеными перьями. Попугай подпрыгнул на жердочке, как будто был рад нас видеть. Он снова вскрикнул, чтобы убедиться, что привлек наше внимание.

Мои глаза выхватили большой аквариум на столе рядом с жердочкой попугая. У дальней стены стояла одинокая кровать. Еще здесь был письменный стол с ноутбуком, длинный загроможденный лабораторный стол, заставленный пробирками, трубками, как стол химика, а также кипами бумаги и электронным оборудованием, которое я не смогла опознать.

— Это моя комната, — сказала Дина. — Можем начать здесь.

— Начать что? — спросила я.

Она снова не ответила. Шагнула к лабораторному столу и что-то с него взяла. Когда она обернулась, я увидела, что это серебряный амулет в виде птицы, который был у нее в руках в часовне.

Дина подняла амулет, чтобы я могла хорошо его видеть. Затем она вошла в круг, нарисованный на полу.

— У нас мало времени, Кейтлин, — взгляд ее темных глаз из-за совиных очков остановился на мне. — Если мы хотим это сделать...

— Дина, я ничего не понимаю, — сказала я. — Ты должна рассказать мне, что собираешься делать.

Она закатила глаза.

— Вернуть Блэйда, конечно.

У меня отвисла челюсть. Я хотела запротестовать, но не могла произнести ни слова.

Дина повертела амулет в руке.

— Там, в часовне, я была очень близка, — продолжила она. — Ты сама видела. Ты видела, как близко я была. Но потребовалась очень сильная концентрация. Она отняла у меня слишком много сил.

Я не смогла сдержаться:

— Ты серьезно? — воскликнула я. — Ты заставила труп сесть. Но ты же не собираешься на самом деле полностью оживить Блэйда?

— Кейтлин, ты видела книги в библиотеке. В них говорится, как это сделать. Моя семья... мы кое-что знаем. И кое-что умеем.

— Это безумие, — сказала я. — Прости. Мне пора. Не знаю, зачем я вообще пришла.

— Я знаю, — произнесла она, преграждая мне выход. — Ты пришла, потому что хочешь мне помочь.

— Н-нет, — заикаясь, возразила я. — Неправда. Я не хочу тебе помогать. Потому что это безумие, Дина. Если ты не шутишь, то тебе нужна помощь. Если ты на самом деле думаешь, что можешь оживить Блэйда... — я запнулась. Меня бил озноб.

Дина сделала несколько шагов в мою сторону, опустив амулет.

— А если я тебе докажу?

— Что? Докажешь? — у меня загудело в голове.

— Если я докажу тебе, что могу это сделать, ты мне поможешь? У меня не хватит сил сделать это в одиночку. Ты поможешь мне, если я докажу тебе, что в состоянии сделать это?

— Нет. Ты не сможешь доказать это, — ответила я. — Прости, Дина. Я за тебя переживаю. Тебе нужно с кем-нибудь поговорить. Твои действия не имеют смысла. Я не смогу тебе помочь. Мне очень жаль.

Я направилась к двери. Дина схватила меня за локоть и развернула.

— Смотри. Я смогу это сделать. Я не чокнутая, Кейтлин. Я Фиар. Я умею делать ужасные вещи. Пугающие. Ты должна мне поверить. Смотри.

— Дина, подожди...

Она схватила попугая. Птица удивленно вскрикнула. Она сжала пальцы и стащила его с жердочки.

— Дина, прекрати! — закричала я. — Что ты делаешь?

Попугай закричал и начал вращать головой, пытаясь выбраться. Дина поднесла его к аквариуму — и погрузила птицу в воду. Она опустила его до самого дна и задержала там.

— Дина, нет! Что ты делаешь?

Я подбежала к ней. Схватила ее за руку. Попыталась вытащить птицу из аквариума. Но Дина оказалась сильной, и я не смогла с ней справиться.

— Что ты делаешь? — кричала я. — Что ты делаешь?

— Топлю попугая, — ответила она.

21

Птица боролась, пиналась лапками, вращала головой. Дина прижимала ее ко дну аквариума.

Я в ужасе попятилась. Повсюду разлетались брызги воды. Но уже через несколько секунд все снова стало тихо.

Попугай у Дины в руках обмяк. Она вытащила его. С его красивого оперения стекала вода. Он не поднял головы. Не шевельнулся.

— Попугай мертв, — безо всяких эмоций констатировала Дина. Она сжала птицу, как губку, и в аквариум потекла вода.

В этот момент, в этот ужасный, отвратительный момент я поняла, насколько опасна Дина. И одновременно я поняла, в какой опасности нахожусь я сама.

Она не просто безумна. Она взяла красивую птицу — своего питомца, своего любимчика — и собственноручно утопила ее, ничего при этом не почувствовав.

Я схватилась за горло. Меня затошнило.

— Теперь смотри, — зло рявкнула Дина. — Смотришь, Кейтлин? Что с тобой не так? Я тебе сейчас кое-что покажу.

— Прости, — сказала я. Мой взгляд был прикован к двери. Я не хотела смотреть на мертвую птицу. Я представляла ее в руках Дины на дне аквариума. Как она борется. Изворачивается и борется. И вот маленькие глаза вылезают из орбит. Ее легкие наполняются водой. Она делает свой последний вдох.

Дина положила попугайчика на стол. Вода стекала с его тела, образуя вокруг лужу. Дина подняла перед собой серебряный амулет. Она прижала его к животу птицы.

Я сделала глубокий вдох и заставила себя дышать нормально.

Дина что-то бормотала, без конца повторяя слова на языке, которого я раньше никогда не слышала. Она закрыла глаза и держала амулет над попугайчиком. И бормотала, быстро шевеля губами, повторяя слова так тихо, что я ничего не могла разобрать.

На лбу Дины выступили капли пота. Ее очки запотели. Амулет дрожал у нее в руках под ее непрерывное бормотание. Солнечный свет, льющийся в окно, образовал вокруг

серебряной птицы сияющий ореол.

Я охнула, когда попугайчик издал сдавленный вскрик. Птица открыла глаза, подняла голову.

Дина продолжала бормотать. По ее щекам бежал пот. Ее голос охрип, стал дрожать.

Попугай снова пискнул. Он затряс головой, стряхивая воду. Он проверил свои крылья, затем неуверенно встал на ноги.

Дина перестала бормотать и открыла глаза. Она вытерла вспотевшее лицо рукавом рубашки, осторожно подняла попугайчика со стола и вернула его на жердочку.

Дина осторожно одним пальцем взъерошила ему перья. Попугайчик наклонил голову и клюнул ее в палец.

Дина повернулась ко мне со странной довольной улыбкой на лице.

— Назад к жизни, — прошептала она.

Я не могла скрыть свой шок. Я с отвисшей челюстью смотрела на попугая, который чистил свои все еще мокрые перья, и пыталась придумать, что сказать.

— Я... Я все еще хочу уйти домой, — наконец сказала я. — Ты меня пугаешь, Дина. Мне это не нужно.

Ее жуткая улыбка вернулась.

— Да, я страшная. Вот почему ты поможешь мне, Кейтлин.

— Н-не понимаю, — прозаикалась я.

— А тебе и не надо, — огрызнулась она. — Не пытайся понять. Просто пошли со мной. У нас мало времени.

— Оживлять Блэйда? — писклявым голосом спросила я. Страх сжал мне горло.

Она кивнула.

— Его не похоронили. Он все еще в часовне. Мы должны пойти туда, — она отошла от попугая. — Ты видела, что я могу сделать. Мы должны попасть туда, пока еще не слишком поздно.

— Но... зачем? — спросила я. — Зачем возвращать его, Дина?

Попугай вдруг заговорил:

— Зачем? Зачем? Зачем?

Глаза Дины за большими круглыми очками расширились. На ее бледных щеках выступили розовые пятна.

— Потому что я увидела его первой.

Я выдохнула.

— А? Что это значит? Это бред.

— Я увидела его первой, Кейтлин, и сейчас моя очередь, — она направилась к двери. — Пришла пора ему стать моим.

— Дина, подожди, — сказала я, поспешив за ней. — Подожди. Я не стану этого делать. Я не хочу оживлять Блэйда.

Она обернулась с выпученными от злости глазами.

— Почему нет? Я думала, ты его любишь. Думала, ты сходишь по нему с ума.

— Я... Я тоже так думала, — дрожащим голосом ответила я. — Но нет. Я не могу сделать этого. Я не хочу его возвращать. Этого не будет, потому что...

Я замолчала. Я почти призналась, почему не хочу возвращать Блэйда. Чуть не рассказала ей, что это я его убила. И если он вернется... если он вернется...

Я не знала, что Блэйд со мной сделает, и ужасно боялась узнать это.

Я почти призналась. Была готова объяснить. Но сомневалась. Я стояла там и напряженно думала. Мне не хотелось доверяться этой странной пугающей девочке. Что она сделает, если узнает обо мне правду, узнает правду об убийстве Блэйда?

Я знала, что не смогу рассказать Дине правду. Как знала и то, что должна убраться от нее подальше.

Я сделала глубокий вдох, повернулась к двери и сорвалась с места. Подняв обе руки, я отпихнула Дину с дороги.

Дина ошеломленно вскрикнула и немного попятилась, потеряв равновесие на время, как раз достаточное для того, чтобы я смогла сбежать. Я выскочила в коридор, грохоча ботинками по полу, посмотрела направо, потом налево.

Куда? Откуда мы пришли?

Выкрикивая мое имя, в коридор выбежала Дина. Я повернула и понеслась направо. В тускло освещенном коридоре не было ни единой подсказки, куда бежать.

Двери комнат, мимо которых я пробегала, были закрыты. Сквозь высокое окно в конце коридора падал серый вечерний свет. От этого мне казалось, что я бегу сквозь туман.

Пробегая мимо зеркала, я мельком взглянула на себя, растрепанную и испуганную. В конце этого коридора в обе стороны расходился еще один длинный коридор.

Я снова повернула направо. Я помнила, что в этом странном старом гостевом домике всего одна дверь. Но вот бежала я к ней или от нее?

Крики Дины, беспрестанно повторяющей мое имя, преследовали меня, отражаясь от стен.

У меня закололо в боку. Я прижала к нему руку, но продолжила бежать. Коридор закончился широкой черной дверью. Это был не вход. Похоже, я все-таки повернула не туда. А теперь я была в ловушке. Если только...

Я схватилась за обе ручки и распахнула дверь. Моему взгляду предстала огромная темная комната, темноту разрезали два узких луча света, падающих с высокого потолка.

Крики Дины стояли у меня в ушах, я захлопнула за собой дверь. Зашарила по ней в поисках замка. Но нет. Я его не нашла.

Задышавшись, я метнулась в чернильную тьму комнаты. Посмотрела вверх на лампы-близнецы. Такая таинственность. А затем я проследила взглядом за светом вниз... вниз... до самого пола.

А затем издала сдавленный вскрик.

И изумленно уставилась на две стеклянные витрины. Стоящие на полу высокие стеклянные ящики, сверкающие на свету. А внутри...

Боже мой.

Двое людей. Мужчина и женщина. Одеты в черные костюмы, как для похорон. Стоят абсолютно неподвижно. Глаза широко раскрыты. Оба смотрят куда-то вдаль, прямо перед собой, не друг на друга.

У мужчины были короткие черные волосы и темные глаза. У женщины — каштановые волосы до плеч и ярко-голубые глаза. Их лица были странного оранжевого цвета.

Просто манекены, подумала я. Магазиновые манекены для одежды.

Но почему они были там? Спрятаны в задней комнате? Манекены в стеклянных ящиках с направленными на них прожекторами, как будто они выставлены на витрине?

Все еще пытаясь восстановить дыхание, я подошла на пару шагов ближе. Руки мужчины висели по бокам. Тыльная сторона ладоней была сморщенной, как у настоящей человеческой

ладони. На левой руке женщины было бриллиантовое обручальное кольцо.

Позади меня с грохотом распахнулась дверь. Я охнула и обернулась.

В дверном проеме, расставив руки, стояла Дина. Она перевела взгляд с меня на витрины. Затем снова посмотрела мне в глаза.

— Вижу, ты уже познакомилась с моими родителями, — сказала она.

22

Я открыла рот, но не смогла выдать из себя ни звука. Я уставилась на нее с открытым ртом, мои ноги так сильно дрожали, что я чуть не упала.

Наконец голос вернулся:

— Это же шутка, да? Ты ведь шутишь?

Она покачала головой. «Нет, не шутка. Это мама и папа во плоти»

— Но как, — выдавила я. — То есть, почему? То есть...

— Мне не должны были позволять посещать те занятия по таксидермии, — сказала она.

Я в ночном кошмаре.

Вот о чем я подумала, Дневник.

Я отвернулась от витрин. Больше я не могла выносить их вида. Прижала руки к горлу, пытаюсь удержать свой обед внутри.

— Это же манекены, да? — спросила я. — Я слышала истории о твоей семье, Дина. Нс этого не может быть. Я ни за что не поверю, что ты сделала чучела из своих родителей.

У меня нет времени на объяснения, — сказала она. Они были очень надоедливыми людьми. В действительности, у меня не было выбора.

Она схватила меня за руку и потащила в коридор. Должно быть я была в шоке, или что-то вроде того. Я позволила ей затащить меня в ее комнату, не сопротивляясь.

Возбужденный при виде нас попугайчик подскакивал на жердочке. Высокий бурьян за широким окном колыбался от легкого ветерка.

— Ты поможешь мне, Кейтлин, — мягко сказала Дина. Она сняла очки и потерла глаза. Без очков ее глаза выглядели намного меньше. — У тебя нет выбора.

Я продолжала молча смотреть на нее. У меня перед глазами стояли лица пары из стеклянных ящиков. Женщина была очень похожа на Дину.

— Сейчас ты пойдешь со мной в часовню, — сказала Дина тихим ровным голосом. — Мы вернем Блэйда к жизни.

— Нет. Не могу, — ко мне наконец вернулся голос. — Я не могу вернуть его. Я не хочу этого.

А затем вдруг я ей все рассказала. Просто само вырвалось.

— Дина, я не хочу снова видеть Блэйда, — сказала я. — Я не могу его видеть. Потому что... потому что это я его убила.

Дина подскочила ко мне и схватила меня за плечи. Она изо всех сил встряхнула меня. На ее лице появилась презрительная усмешка.

— Ты дура! — воскликнула она. — Это не ты его убила. Это я!

23

У меня с губ сорвался судорожный вскрик. Она толкнула меня, и я попятилась. Затем восстановила равновесие, но голова у меня продолжала кружиться.

Я смотрела на Дину, часто дыша.

Ее волосы разметались вокруг головы, как живые. Ее обычно бледное лицо было красным, губы плотно сжаты.

Она лгала? Скорее всего.

— Ты... ты там была? — выдавила я. — Во дворе у Блэйда? Когда... когда я пырнула его?

— Я пырнула его, — возразила она и скрестила руки перед грудью. — То есть, заставила тебя его пырнуть. Ты действовала не по собственной воле, Кейтлин. Ты... ты слишком любила его, чтобы убить.

Дина была не в состоянии контролировать свою ревность. Последние слова она выплюнула с перекошенным от гнева лицом.

— Но зачем? — спросила я. — Зачем его убивать? По какой причине?

— Потому что он нас предал, — ответила Дина с по-прежнему скрещенными перед грудью руками.

Нас.

— Той ночью я проследила за тобой до дома Блэйда, — сказала Дина. Она двумя руками откинула волосы назад. — Я не могла позволить, чтобы ему все сошло с рук. Я не знала... Не знала, что у него была девушка. Та девушка, Ванесса, со слащавой улыбкой и мышинным голосом. Меня чуть не стошнило, Кейтлин. Серьезно. Я еле сдержалась.

Из-за моей спины снова встрял попугайчик Твити:

— Зачем? Зачем? Зачем?

— Так... ты следила за мной? — сказала я.

Дина кивнула.

— Я ждала и наблюдала. Я видела, как ты зла на него. Зла и обижена. И у тебя было на это полное право, Кейтлин. Я увидела его первой. Я увидела Блэйда первой. Но у тебя было полное право быть без ума от злости. А когда я увидела, как у тебя из сумки выпал нож...

Ее голос дрогнул. Я поняла, что перед глазами Дины стоит та картина, которую она мне описывает.

— Я увидела шанс и воспользовалась им, — сказала она, сверкнув взглядом из-за огромных очков.

— Ты сумасшедшая, — выпалила я. — Земля вызывает Дину. Как насчет небольшой проверки? Ты ничего не делала. Я взяла нож. Я его держала. Я ударила Блэйда. Ударила и убила его. Я, Дина, а не ты.

Она снова скрестила руки и ухмыльнулась.

— Я убила его! Я убила его! — сквозь всхлипы выкрикнула я. Меня трясло. Наконец-то

я призналась. Наконец рассказала свой ужасный секрет. — Я колола и колола его!

Дина покачала головой.

— Почему ты такая головная боль? Разве я не сказала тебе, что нам нужно поторопиться, чтобы оживить Блэйда?

Я вытерла слезы со щек и сжала зубы, пытаюсь унять дрожь.

— Сейчас я тебе по-быстрому продемонстрирую, — предложила Дина, — как я заставила тебя заколоть Блэйда. Я была виновата. Не ты. Я тебе покажу, Кейтлин.

Я прищурилась.

— Еще одна демонстрация?

Я содрогнулась и снова представила тонущего попугая.

Дина показала на стеклянную стену в задней части комнаты. Снаружи было видно послеобеденное солнце, садящееся за деревьями. Над полевыми цветами порхали крохотные белые бабочки.

Дина щелкнула пальцами, затем сложила из них какой-то знак, похожий на язык глухонемых. А потом снова показала на окно.

— Иди туда и сделай колесо, — приказала она.

— Хорошо, — сказала я.

Попугайчик скользил по жердочке со стороны в сторону. Я шагнула к стене, стала в квадратное красное пятно света на полу, подняла руки над головой и прошла довольно грациозным колесом.

Приземлилась я неуверенно, чуть не ударившись о стекло. Но смогла восстановить равновесие и повернулась к Дине.

— Еще раз, — скомандовала она, сделав знак пальцами.

— Без проблем, — сказала я. На этот раз я сконцентрировалась и колесо получилось более атлетичным. Приземлилась я идеально. — Та-дам.

— Улавливаешь? — спросила Дина. — Теперь ты понимаешь, что я могу заставить тебя делать все, что захочу? Понимаешь, как я использовала тебя, чтобы убить Блэйда?

Я озадаченно протянула:

— Ну...

— Продемонстрирую еще раз, — сказала она. — Если это убедит тебя, что я говорю правду, — она снова сделала этот знак пальцами. — Кейтлин, иди туда, возьми попугая и утопи его снова.

— Хорошо, — ответила я.

Попугайчик часто захлопал крылышками, наклонился и завращал головой. Он будто чувствовал, что сейчас произойдет. Я взяла его за середину тельца и подняла с жердочки.

Пока я несла его к аквариуму, он отчаянно пищал и щелкал клювом, пытаясь ущипнуть меня за руку.

Я крепко сжала ладонь, чтобы он не смог вырваться. В аквариуме я успела мельком заметить медленно плавающую стайку из шести или семи рыбок. Я опустила попугая к воде.

Птица начала верещать, как безумная, неистово извиваться у меня в руке.

— Ладно, хватит, — произнесла Дина. — Посади Твити назад на жердочку.

Подчинившись, я отвернулась от аквариума. Осторожно посадила попугая на жердочку.

Он пискнул и несколько раз кивнул головой, как будто ругаясь на меня.

— У Твити и так был тяжелый день, — сказала Дина. — Дай пареньку отдохнуть.

Я моргнула. Солнце спряталось за деревьями, и в комнате стало темно. Откуда-то издали был слышен вой. Наверное, охотничья собака.

Дина стояла в дверях. На ее лице читалась нетерпеливость. Она ждала, что я что-нибудь скажу.

— Я поняла, — произнесла я. — Я поняла, Дина, — и вздохнула. — Теперь мне ясно, что ты сделала. Контроль разума, да? Ты меня использовала.

— Это было для твоего же блага, — ответила она.

У меня отвисла челюсть.

— Что? Для моего же блага? Ты прикалываешься? Ты... ты сделала меня убийцей.

— Он нас предал, — сказала Дина. — Он это заслужил.

Затем она развернулась и вышла в коридор.

— А что насчет моей жизни? — выкрикнула я, поспешив за ней. — Моя жизнь, скорее всего, кончена. Я убийца. Если полиция об этом узнает... Если они меня арестуют...

— На этот раз все будет по-другому, — сказала она, ускоряясь, почти бегом направляясь к двери. Волосы разлетались у нее за спиной.

— погоди, Дина. Ты меня совсем не слушаешь.

Мы прошли мимо библиотеки, заставленной от пола до потолка старинными, покрытыми пылью томами, по-видимому, книг по черной магии, колдовству, вуду, сверхъестественным заклинаниям... Уверена, Дина знакома со всем этим.

— Все будет по-другому, — сказала она, хватая ключи от машины из корзинки на столике у входа. — На этот раз он будет моим. На этот раз он будет обращаться со мной, как следует. Это будет круто. Круто, Кейтлин. Вот увидишь.

Я подумала, что она совсем чокнулась. Обитает где-то в собственном мире.

А я иду с ней. Забираюсь следом за ней в крохотную Хонда Цивик. Пристегиваю ремень. Готовлюсь... к чему?

— Дина, а сейчас ты меня контролируешь? — спросила я.

Она завела машину. Поправила зеркало со своей стороны, отодвинулась назад и стала сдавать назад по заросшей сорняками дорожке.

Я переспросила:

— Ты меня контролируешь?

— Будет круто, — повторила она. Машина наехала на что-то твердое. — Вот увидишь.

На этот раз все будет по-другому.

— Но что мы будем делать? — закричала я. — Объясни мне. — Что мы сейчас делаем? Куда мы едем?

Дина повернула с дорожки на Фиар-Стрит. На другой стороне улицы в лесу деревья шатались от ветра. Длинные вечерние тени падали на нашу машину, когда Дина

переключила передачу и ускорилась.

— Мы едем в часовню, как я тебе и говорила, — наконец ответила она. — Меня ждет Блэйд. Ждет, пока я заберу его домой.

Я увидела, как у нее на лице расцвела улыбка.

— Ты собираешься вытащить его из гроба и...

— Забрать его домой и вернуть его назад, оживить его. Как Твити, моего попугайчика. Я уже все подготовила, Кейтлин. Я потратила на подготовку всю ночь. Я сделала все, о чем говорилось в книге. Я знаю, что способна на это. Не сомневаюсь.

Мы неслись по Пограничной. Мимо пролетали дома. Основная часть транспортного потока ехала в обратную сторону. Мне хотелось опустить окно и кричать проезжающим мимо: «Помогите! На помощь!»

Но вместо этого я откинулась на сиденье и закрыла глаза. Я не могла контролировать поток мыслей. И сказала себе, что винить в этом могу только себя саму.

Почему я послушалась ее и понеслась к ней домой? Я должна была держаться подальше от этого безумия: утопленного попугая, мертвых родителей в витрине...

Может быть, она использовала контроль разума, чтобы привести меня на Фиар-Стрит и к своему дому.

Может быть, я себя сегодня не контролировала.

Из всего этого безумия, я уяснила единственную положительную вещь. Я не убийца. Убийца Дина. Я не контролировала себя.

Конечно, полиция никогда на это не купится. Да и никто бы не купился. Но от осознания того, что я не виновата, мне стало легче. И все же я была узницей этой чокнутой, очередной жертвой зловещей семьи Фиар, собиралась вломиться в часовню и выкрасть труп из гроба.

Как я могла чувствовать что-нибудь кроме страха и сожаления?

Дина съехала на обочину и припарковала машину на углу. Крохотная часовня сейчас стояла в глубокой тени, солнце полностью зашло. Через пассажирское окно мне был виден бледный рог луны, низко висящей над деревьями.

Тщательно подстриженную лужайку разрезала широкая бетонная дорожка. Дина отправила меня вперед. Думаю, чтобы убедиться, что я не попытаюсь опять сбежать.

Мы были на середине дорожки, когда входная дверь часовни распахнулась.

— Быстро!

Дина схватила меня и потащила за широкий вечнозеленый куст. Мы низко пригнулись и увидели, как из часовни выходит преподобный Преллер, по-прежнему одетый в коричневую спортивную куртку. Он повернулся и тщательно запер дверь. Затем поднял лицо к небу. Думаю, он просто вдыхал прохладный ночной воздух.

Дина заставила меня пригнуться ниже. Ветки царапали мне лицо. Теперь я не могла видеть священника, но я слышала его шаги по дорожке. Они становились громче. Приближались.

Мое сердце заколотилось. Если он повернется в нашу сторону, он нас обнаружит, затаившихся в кустах. Нас поймают. И как мы тогда объясним что там делали?

Он прошел совсем рядом с нами. Его взгляд был прикован к небу. Он шел быстро, что-то насвистывая себе под нос и ритмично размахивая руками.

Я повернулась и проследила как он дошел до обочины. Он пересек улицу и подошел к припаркованной там темно-зеленой машине.

Мы с Диной подождали пока он уедет. Затем выпрямились и направились к входу в часовню. — Она заперта, — сказала я. — Мы же видели как он запирает ее.

— Это не проблема, — тихо ответила она и показала на боковую сторону здания. — За кабинетом священника есть задний вход. Перед тем как уйти с похорон, я позаботилась о том, чтобы он не был заперт.

Я проследовала за ней за угол. Сквозь грязные оконные стекла был виден тусклый дрожащий оранжевый свет внутри. Задняя дверь была почти полностью скрыта высокими кустами.

Дина схватилась за ручку двери и потянула ее на себя. Дверь с легкостью открылась. Мы проскользнули внутрь. Воздух внутри оказался накаленным и затхлым.

Мы оказались в заднем коридорчике. Дверь в маленький кабинет Преллера была открыта. В сумрачном свете я углядела узкий стол, заваленный кучей бумаг, ноутбук и стопку книг.

А что это такое на книжном шкафу? Я присмотрелась. Фигурки из «Звездных войн». Священник коллекционировал фигурки из «Звездных войн».

Под ногами скрипнул пол. Звук вернул меня из моих блуждающих мыслей. Я схватила Дину за плечо. — Как ты думаешь, кто-нибудь охраняет часовню? — прошептала я. — Ночной сторож, например, или еще кто-нибудь?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Будь начеку.

Начеку? Да я в жизни не была так бдительна. Вот что делает с людьми страх. Я вздрагивала от каждого скрипа половицы. От каждой вспышки света мое сердце замирало.

— Самое время кошке выпрыгнуть нам под ноги и напугать нас до смерти, — прошептала я. — Разве не так всегда происходит в жутких ситуациях, вроде этой?

Дина обернулась и взглянула на меня. — Почему ты шутишь? Это совсем не смешно.

— Я... Я... — я запнулась. — Наверное, мой мозг просто пытается полегче к этому относиться. Это такой способ справиться со страхом.

— Просто заткнись, — огрызнулась Дина. — Иди за мной.

Узкий дверной проем вел нас в часовню. Мы стояли в нескольких шагах позади алтаря. Мой взгляд непроизвольно сместился к концу длинной комнаты. Электрические свечи на стенах отбрасывали теплый желтый свет на пустые церковные скамьи и низкие деревянные стропила.

Громадные вазы с лилиями не передвинуты. Но и гроб больше не покоился между ними. Тошнотворно-сладкий запах лилий поглотил все.

— Здесь никого нет, — прошептала Дина и указала на узкую боковую комнату в углу. Я проследила за ее взглядом и увидела гроб из темного дерева. Гроб Блэйда. Крышка была закрыта. Гроб окутывала крошечная тьма.

— Его просто передвинули, — прошептала Дина. — Иди за мной. И делай то, что я скажу. Нам нужно осторожно вытащить его из гроба. Когда он окажется снаружи, мы обхватим его руками за пояс и поведем между собой.

Я поежилась. Я никогда раньше не дотрагивалась до мертвеца. Блэйд был всего лишь вторым человеком, которого я видела мертвым. Первой была бабушка, но ей было уже за восемьдесят, когда она умерла.

Дина подошла к гробу. Я задержалась. Меня охватил ужас. Каким труп будет на ощупь? Мягким и рыхлым? Или твердым и жестким, как доска? Он воняет? Ведь все мертвое ужасно

воняет?

— Чего ты ждешь? Дина нетерпеливым жестом позвала меня присоединиться к ней.

Я сделала глубокий вдох и шагнула к ней. Гроб покоился на низком столе. Крышка была у моего плеча. Я задержала дыхание. Мне не хотелось чувствовать его запах.

— Здесь... слишком темно, — прошептала я. — Как можно здесь что-то разглядеть?

Дина вытащила свой телефон. Нажала на кнопку «фонарик». Телефон осветил гроб узким белым ярким лучом.

— Порядок, — прошептала она. — Давай поднимем крышку вместе. Возможно, это не будет так тяжело.

Двумя руками я взялась за край крышки. Дина держа телефонный фонарик в зубах, обхватила крышку обеими руками.

— Порядок. Давай, — прошептала она.

Я так дрожала, что не знала как заставить руки двигаться. Но как-то я все же нашла в себе силы. Совместными усилиями мы подняли крышку. Она поднялась гораздо легче чем я ожидала.

Высоко подняв ее, мы поставили крышку вертикально. Затем опустили руки и шумно дыша отступили на шагок назад. Дина направила фонарик на гроб. Его луч осветил белую атласную обивку. Мы обе проследовали взглядами по направлению луча света — и обе издали резкий вскрик, отозвавшийся эхом в стропилах.

Гроб был пуст.

Блэйд исчез.

25

— Кейтлин, мы можем с тобой поговорить?

Я уставилась на двух копов, подошедших к моей машине. Я их сразу узнала. Ривера и Миллер. Они приходили к моей входной двери вскоре после того, как я зарезала Блэйда.

А теперь они были в торговом центре, разглядывали меня, пока я вылезала из машины. Я надеялась вернуться к работе. Своей милой обычной скучной работе за прилавком с попкорном.

Но... не судьба.

Они жестом указали садиться в патрульную машину. Меня всю колотило от ужаса, когда я опускалась на заднее сиденье.

В полицейском участке Шейдисайда Ривера и Миллер завели меня в небольшую квадратную комнату для допросов. Я осмотрела комнату, сложив руки перед собой и крепко стиснув зубы. Я была полна решимости не показывать, насколько я напугана.

Что им известно?

В патрульной машине по дороге сюда они сказали мне, что зададут мне всего пару вопросов. Зачитали мне мои права. Прямо как в сериале «Закон и порядок». Они сказали, что я имею право на присутствие моих родителей и адвоката.

Это было последнее, чего мне хотелось.

— Вы меня арестовываете? — спросила я слабым и подавленным голосом.

Ривера покачал головой.

— Пара вопросов и все. Чтобы кое-что прояснить.

«Я виновна, — думала я. — Но что вам известно? Знаете ли вы, что это я его зарезала?»

— Хочешь, чтобы мы позвонили твоим родителям? — спросил Миллер.

— Нет, — повторила я. — В этом нет необходимости. То есть... если это всего лишь пара вопросов.

Стены в комнате для допросов были отвратительного зеленого цвета, как гороховый суп, краска у потолка лупилась. Над столом висели две серые конусообразные лампы. На

деревянной столешнице было вырезано множество имен и инициалов. В комнатухе без окон было душно и воняло застарелым сигаретным дымом, несмотря на прибитую к стене табличку «НЕ КУРИТЬ».

Ривера пригласил меня сесть на один из складных стульев, стоявших вдоль стола. Затем оба офицера удалились, закрыв за собой дверь.

Я подумала, что видела такое по телевизору. Они оставили меня, чтобы я вспотела и разнервничалась. Хотят меня напугать.

Минут через двадцать Ривера вернулся и сел на стул напротив меня. Он провел пальцами по усам, его темные глаза изучали меня.

— Кейтлин, хочешь воды? Здесь жарко.

— Ничего, — сказала я. — Мы ведь здесь ненадолго, да?

Я хотела только знать, что им известно? Они привезли меня сюда, чтобы загнать в ловушку и выудить признание? Они собираются арестовать меня?

— Да. Всего пара вопросов, — подтвердил Ривера, поерзав. Он был слишком высоким для крохотного стульчика.

— О Блэйде? — спросила я, зажав ладони между коленями.

Кивнув, он начал крутить золотое кольцо на мизинце левой руки, он крутил его медленно, не отрываясь глядя на меня.

— Мы так понимаем, что ты была его подругой.

— Ну, мы пару раз гуляли вместе, — сказала я. — Я его не очень хорошо знала. Кажется, его семья переехала сюда всего пару месяцев назад.

Я попыталась выдержать его взгляд. Каким-то образом мне удалось сохранить уверенность в голосе. Я была рада, что в комнате не было детектора лжи.

Где-то снаружи посигналил автомобиль. Ривера еще раз крутнул кольцо на пальце и посмотрел на меня.

— Где ты была в субботу ночью, Кейтлин? В ночь, когда убили Блэйда.

— В субботу ночью? Я... э... я была дома, — ответила я. — Помните? Вы с напарником подходили к моей двери? Я сказала вам тогда, что никуда не выходила.

Он оставил кольцо в покое и положил руки на край стола. Поверил ли он мне? Я не могла ничего понять по его лишенному эмоций лицу.

— Постарайся вспомнить, — сказал он, — когда ты в последний раз видела Блэйда?

Я запнулась.

— Не помню точно. Может, в четверг или в пятницу в «Лефти».

Ривера снова вздохнул. Он перегнулся через стол. Потер черную щетину на щеке.

— Кейтлин, — произнес он, — почему ты мне лжешь?

Все мое тело похолодело. Из горла вырвался удушающий звук. Я изо всех сил старалась удержать дыхание в норме. — Ч-что вы имеет в виду? — запинаясь спросила я.

«Не теряй самообладания, Кейтлин, — предупредила я себя. — Не позволяй ему запутать себя. Играй до конца».

Я пыталась успокоиться. Но мое сердце сходило с ума, словно играя соло на ударных, а от тяжелого взгляда Риверы у меня по спине пробежал холодок.

— У нас есть свидетель, — проговорил он мягко и медленно.

Боже мой! Кто-то видел, как я убила Блэйда?

— У нас есть свидетель, который сказал, что ты одна из последних видела его живым.

Я сглотнула. Не произнося ни слова, ждала, пока он продолжит.

Он смахнул со лба муху и еще раз потер щеку.

— Кейтлин, свидетель говорит правду?

— Да, — ответила я. — Наверное. Простите. Просто... я так расстроена. Мой мозг не работает. У меня никогда раньше не умирали друзья.

Я вытерла пот со лба. В этой крохотной комнатке было, похоже, все двести градусов.

— Что ж, не хочешь сейчас рассказать мне правду? — спросил Ривера. — Ты была в субботу ночью в танцклубе под названием «Пламя»?

— Да. Да, была, — призналась я, опустив глаза. Затем огрызнулась: — Кто вам это сказал?

«Подружка Блэда. Ванесса Блум,» — отозвался он.

— Девушка? Она сказала, что была его девушкой?

В моей груди полыхнуло резкой болью. Словно кинжалом ударили.

У Блэйда была девушка. Со мной он только играл.

— Ладно. Да, — сказала я. — Я была в клубе, — я плотно скрестила руки перед грудью, пытаюсь унять боль, пытаюсь защитить себя от его вопросов.

Но выхода не было. Я была вынуждена все рассказать. По крайней мере, часть истории о субботней ночи.

— Мы с Блэйдом должны были пойти погулять, — сказала я. — У нас было свидание. Но он в последнюю минуту меня кинул. Поэтому... я зашла ненадолго к своей подруге Миранде, а потом мне стало скучно. И я пошла в танцклуб. Ну, знаете. Чтобы посмотреть нет ли там кого-нибудь из моих друзей.

Я вздохнула.

— И ты увидела Блэйда? — поторопил меня Ривера.

Я кивнула.

— Да. Я его там встретила. И я была... ну... шокирована. Я хочу сказать, у нас было свидание, и он сказал мне, что задерживается на работе и не сможет прийти. А потом я вижу его там, в «Пламени», с другой девушкой.

— И ты разозлилась? — спросил Ривера.

— Ну...

— Вы с ним ругались у бара?

Я почувствовала, что попала в ловушку. Как мне выпутаться? Точно не рассказав правду. Удастся ли мне выехать на полуправде?

Если бы я знала, что известно Ривере.

— Да, естественно. Я разозлилась, — ответила я. — Он лгал мне, он был там с другой девушкой. Так что да, я разозлилась. Но... мы не ругались.

Глаза Риверы расширились.

— Нет?

— Нет. Ну не так, — сказала я. — Я сказала ему уйти, а потом сама ушла из клуба.

Это была правда. Я рассказала ему правду.

Ривера снова заерзал на маленьком складном стуле. Его лицо по-прежнему не отражало никаких эмоций.

— А что потом?

— Потом я поехала домой, — сказала я ему. — Я была расстроена. Поднялась к себе в комнату. Помните, вы приходили ко мне домой?

— И обнаружили, что входная дверь открыта, — сказал он. — Кейтлин, ты оставила дверь открытой? Ты была так расстроена и зла, что забыла закрыть дверь?

— Может и я, — признала я. — Не знаю.

Он снова стал играть с кольцом на мизинце, изучая меня.

— То есть после клуба ты сразу пошла домой и больше в субботу ночью дом не покидала?

Я кивнула.

— Я пыталась лечь спать, но не смогла.

Ривера сделал долгую паузу, как будто пытаюсь решить, что спросить дальше.

— Ты не ходила к нему домой и не ждала, пока он вернется из танцклуба?

— Нет, — ответила я. — Я вернулась домой. Я... Я же вам сказала, что мы не были особо близки. Я только один раз была у его дома. Не уверена даже, что смогла бы его найти.

Интересно, Ривера мне поверил?

— Хорошо, Кейтлин, насколько ты была разгневана субботним вечером? Как ты считаешь, ты была достаточно рассержена, чтобы совершить насилие?

— Конечно нет, — ответила я. — Я... Я не жестокий человек. Я даже никогда ни с кем по-настоящему не дралась. Наверное... я была скорее уязвлена, чем зла. Просто потому что он мне лгал. Ну вы понимаете.

Ривера кивнул. Он изучал меня довольно долго. Затем, стремглав отодвинул стул, да так, что он ударился о стену. Он вскочил на ноги. — Сожалею, если это было тяжело для тебя, — сказал он. — Я знаю —

— Да. Да, это было тяжело, — сказала я. Я полезла в сумку за бумажными салфетками и вытерла глаза. — Мне он нравился. Мне он по-настоящему нравился. И теперь я в совершенном ужасе зная, что была одной из последних кто видел его. И у меня никогда не будет возможности помириться с ним. Никогда. Я... никогда не смогу перестать думать о нем. По-настоящему, не смогу. Я снова вытерла глаза.

Он открыл дверь и указал жестом выйти следом за ним. — Я ценю ваше сотрудничество, — сказал он. — Офицер Миллер отвезет вас назад в торговый центр.

Он помахал Миллеру, стол которого стоял у стены в передней. Я торопливо пошагала к выходу, мечтая поскорее оттуда убраться.

Голос Риверы преследовал меня по пути к двери.

— Кейтлин, будь поблизости, хорошо? Мне может понадобится поговорить с тобой еще.

Я поспешила в «Синеплекс», Дневник. Я опоздала, но мне было все равно. Мне нужно было вернуться к нормальной жизни, хотя бы для проформы. Я знала, что моя жизнь больше никогда не будет прежней, никогда не будет такой, как раньше.

Я нервничала и была так встревожена, что по коже у меня бежали мурашки. Я знала, что полиция вернется. Знала, что они в любой день могут прийти меня арестовывать. Арестовывать за убийство Блэйда, и я никак не смогу доказать, что не виновата. Никак не смогу доказать, что меня контролировала Дина Фиар.

Может, я смогу сослаться на невменяемость.

Что вполне возможно. Я имею в виду то, что я невменяема.

Да, я невменяема, раз связалась с Диной Фиар. Невменяема, раз попалась в ее ловушку. Невменяема, раз помогла ей с ее планом оживить бедного мертвого Блэйда.

Невменяема.

Как еще это назвать?

Я не слышала о Дине с тех самых пор, как мы сбежали из часовни в Норт-Хиллз. Не веря своим глазам, мы смотрели в пустой гроб. Затем, не сказав друг другу ни слова, выбежали в заднюю дверь.

Дина побежала к своей машине, ожидая, что я последую за ней. Но я изо всех ног бросилась вниз по улице, холодный ветер бил меня по горячим щекам, мои ботинки стучали по твердой и такой реальной земле. Я нуждалась в чем-нибудь реальном.

Мне нужно было убраться подальше от нее, от этого ужаса. Мой мозг разрывался от вопросов. Кто-то успел куда-то переместить тело Блэйда из гроба? Может, в холодильник или в другое место, где можно сохранить его в хорошем состоянии? Или его все-таки похоронили? Или же Дина, сама того не заметив, вернула его к жизни прошлой ночью?

Это было настоящее безумие. Но она сказала, что готовилась всю ночь, делая всякие свои магические штуки.

Нет. Нет. Я отказывалась в это верить.

Два дня я без устали проверяла все местные новостные сайты. Ждала статью об исчезнувшем теле, об украденном прямо из часовни трупе. Каждое утро за завтраком я хватала папину газету «Вестник Шейдисайда» и рылась в ней в поисках статьи.

Но ее там не было. Нигде не было. Равно как и ни одного слова о похоронах.

Оторвавшись от своих вафель, папа спросил меня:

— С каких пор ты интересуешься новостями?

— Эм... Я думала, там могли написать о моем друге, — ответила я.

Он забрал у меня газету и открыл спортивный раздел. Он не спросил, с чего это мой друг мог оказаться в новостях. Папа вообще не любит разговаривать по утрам, пока не выпьет вторую чашку кофе.

В школе я Дину не видела. Там я была ужасно рассеянна. Я была не в состоянии слушать учителей, а потом мисс Райан, учительница физкультуры, отозвала меня с площадки во время волейбола и спросила, нормально ли я себя чувствую.

Я избегала Джулию и Миранду. Они старались выразить сочувствие, лебезили передо

мною, повторяли, что понимают мои чувства, говорили, как ужасно то, что случилось с Блэйдом (знали бы они!), спрашивали, что они могут сделать, чтобы подбодрить меня.

Ничего. Ничего не могло меня ободрить.

Они были моими лучшими подругами и желали мне только добра. И конечно, они по-настоящему беспокоились обо мне. Но я бы не выдержала обеда с ними. Когда все двинулись в столовую, я выскользнула наружу.

Был теплый апрельский день, скорее похожий на летний, чем на весенний. Я отправилась на долгую прогулку за школу, мимо парковки для учащихся и стадиона.

За школой простирался Шейдисайдский парк. Я развалилась на скамейке, подставив голову солнцу, закрыв глаза и попытавшись выбросить все из головы. Я подумала о том, как мы очищаем доску. Просто стираем все начисто, стираем все прочь.

И начинаем все сначала...

Конечно, я не смогла бы этого сделать. Как я могла просто стереть весь случившийся со мной ужас?

Я сидела там на солнце, в тихом парке, среди пробивающихся сквозь землю нарциссов, среди крохотных молодых листочков, распускающихся на по-зимнему полудремлющих деревьях. И, наверное, я просидела бы там весь день. Если бы мимо не прошли две женщины, толкающие детские коляски, ребенок в одной из которых заплакал.

Пронзительный звук вырвал меня из моих туманных грез. Я вскочила на ноги, встрепенулась, как собака, развернулась и направилась обратно к школе.

Я искала Дину Фиар в коридорах, попробовала подождать ее после занятий у ее шкафчика. Но она так и не появилась.

Вообще-то, мне не хотелось с ней встречаться. Я надеялась, что больше никогда ее не увижу. Но мне нужно было с ней поговорить. Нужно было выяснить, знает ли она что-нибудь. Слышала ли она что-нибудь. Узнала ли она, почему тела Блэйда не было в гробу и почему никто не заявил о его пропаже, и... и... У меня в голове крутилось так много вопросов.

— Дина? Где ты? — выкрикнула я в пустой коридор.

И вот я здесь. Пробираюсь через вестибюль кинотеатра. Впервые вернулась на работу.

Конечно, едва только я вошла в вестибюль, как ко мне подбежал Рикки. Его лицо, с широко открытыми глазами, было полно беспокойства, рот перекошен в гримасе сочувствия.

Он схватил меня за руки.

— Ах, Кейтлин, мне так жаль. Так печально слышать о твоём друге.

— Спасибо, Рикки, — пробормотала я, ожидая, когда он отпустит мои руки.

— Я знаю, что ты, должно быть, чувствуешь, — продолжал он. — Так внезапно потерять кого-то, с кем вы были близки, — он печально покачал головой. Мне показалось, что он вот-вот расплачется.

Я высвободила свои руки. — Спасибо, — повторила я. — я просто думала... будет лучше, если я вернусь к работе.

Он кивнул. Еще раз сжал мои ладони. Затем он развернулся и покинул вестибюль. Он просто пытался быть милым, подумала я. Но это было ужасно мерзко.

Я вымыла руки и зашла за прилавок. Аппарат с попкорном почти опустел, поэтому я подлила туда масла и снова запустила его. День был напряженный. В пять часов в театре начинался специальный двойной сеанс «Стар Трека», который притянул довольно большую

толпу народа.

Я вытирала прилавок за последним клиентом, зашедшим в зрительный зал, когда зазвонил мой телефон. Я глянула на экран. Моя подруга Миранда.

Я поднесла телефон к уху. — Привет. Как ты? Я на работе.

— Мне кажется, что ты меня избегаешь, — сказала Миранда. — Мы с тобой несколько дней не разговаривали.

— Я... Я вела себя странно, — признала я. — Прости. Мне было тяжело, Миранда. Ты же знаешь.

— Что ж, если хочешь поговорить об этом, то я здесь, — ответила она. — То есть, если это как-то может помочь.

— Не знаю, — сказала я. — Я немного запуталась. Я...

— Мы с Джули хотим, чтобы ты сегодня вечером пришла в школу на баскетбольный матч, — сказала она. — Может, это поможет тебе отвлечься.

— Не знаю. Думаю...

— Потом мы можем зайти к Альфонсо и взять пиццу, — предложила Миранда. — Или две. Как раньше.

Я задумалась. Подумала, как хорошо иметь таких заботливых друзей. Друзей, которые стремятся мне помочь.

— Ну... может быть... — протянула я.

— Игра будет классной, — сказала Миранда. — Мы играем с Грин-Вэлли. Я знаю, что ты не фанатка баскетбола, но ты должна прийти, Кейтлин. Будет весело.

— Ладно... хорошо, — сказала я. — Ладно. Спасибо, Миранда. Встретимся в спортзале в семь-тридцать.

Я отключилась. «Почему бы не попробовать немного повеселиться?» — подумала я. Это всего лишь игра в баскетбол.

Что может случиться?

28

В субботу вечером в спортзале была дискотека для десятиклассников, и под потолком все еще висели красно-синие транспаранты. В углу рядом с кабинетом тренера валялось несколько никому не нужных шариков.

Я приехала рано. До восьми игра не началась. Несколько ребят уже заняли места на трибунах. Они уставились в экраны своих телефонов или болтали с друзьями.

Я узнала нескольких ребят из моего класса, сидевших на верхнем ряду и передающих по кругу пачки кукурузных чипсов. Я заметила Майкла Фроста, парня, с которым я в прошлом

году пару раз ходила на свидания. Он сидел с Лиззи Уокер, новенькой в нашей школе.

Лиззи была загадочной девочкой. Она приехала в середине выпускного года и никто ничего не знал о ней. Но ребята интересовались ею, потому что она была блондинкой², да к тому же хорошенькой, и говорила мягким сексуальным голосом.

Она сидела, прижавшись ногой к Майклу, встряхивая волосами из стороны в сторону, когда говорила, и ее лицо приближалось к его щеке. Даже с такого расстояния, я видела, что Майкл был в восторге.

Я все еще пялилась на них, когда пришли Джули и Миранда. Обе были в бордово-белых футболках Шейдисайдских Тигров и прямых джинсах. Они сразу меня заметили, торопливо подошли ко мне, и мы обнялись.

— Мы так рады, — сказала Джулия. — Мы не думали, что ты придешь.

— Простите, что была такой мрачной, — сказала я. — Просто...

Миранда зажала мне рот ладонью.

— Давай не будем об этом. Seriously. Сегодня — ночь веселья. Вперед, Тигры!

— Вперед, тигры, — повторила я, пытаюсь продемонстрировать некий энтузиазм.

Миранда понюхала мои волосы.

— М-м-м-м-м-м. Попкорн.

Я закатила глаза.

— Кому ты рассказываешь.

Джули повела меня к трибунам.

— Давайте сядем повыше, чтобы все видеть. Эй, может, те ребята поделятся с нами чипсами.

Мы стали подниматься по ступенькам на трибуну. — Нет, подожди, — Миранда потянула меня назад. — Ты знаешь, у меня есть бзик насчет высоты. А может здесь? Прямо посередине.

Мы протиснулись мимо Майкла и Лиззи, сидевших в проходе плотно прижавшись друг к другу, и плюхнулись на скамейку в середине ряда. На поле для игры обе команды проводили тренировку, отрабатывая короткие прыжки со всех положений, повсюду прыгали мячи, издавая звуки напоминающие барабанную дробь.

Грин-Вэлли находится примерно в пятидесяти милях от Шейдисайда, поэтому находящиеся напротив трибуны гостевой команды были заполнены всего на треть. Сквозь грохот мячей я слышала, как ребята из другой школы скандируют:

— Великаны! Великаны! Вперед, Зеленые!

Команда привезла с собой чирлидерш в коротких блестящих зеленых плиссированных юбках. И своего талисмана — очень высокого костюмированного персонажа по имени Веселый Зеленый Великан. Он прошелся колесом перед трибунами, вызвав аплодисменты и улюлюканье от фанатов Великанов.

Я не люблю баскетбол. Вообще-то, мой спорт — теннис. Но дурачиться с Джули и Мирандой и быть в центре веселой, ликующей толпы было здорово.

Игра началась, и Великаны быстро повели в счете. У них была пара игроков ростом под два с половиной метра. Ладно, может и нет. Но они были гораздо выше и шире, чем наши игроки.

Великаны вели очень агрессивную игру. Много толкались, работали локтями и врзались в других игроков. Они получили несколько фолов, зато смогли прорваться под корзину и заработать много очков.

Шейдисайдское нападение оказалось отрезано. У них были два прекрасных трехочковых нападающих. Но сегодня мяч к ним даже не попадал.

Наша команда отставала на двенадцать очков, и я обнаружила, что игра полностью захватила меня. Я визжала, кричала, размахивала кулаками, подбадривала игроков. Джули и Миранда только смотрели на меня. Я видела, что они рады, что мне весело.

А затем веселье кончилось.

Я увидела, как в спортзал вошли двое мужчин в темной униформе.

Я узнала их только тогда, когда они подошли ближе, направляясь к боковым трибунам. Полицейские. Ривера и Миллер.

Они шли медленно, твердо, крепко прижав руки к бокам. У них на поясе я заметила кобуру пистолетов. Они не уделяли никакого внимания игре. Их взгляды были прикованы к трибунам.

Я знала, зачем они сюда пришли. Они пришли за мной. Вот и все. Вот и конец моей нормальной ночи веселья. Они пришли, чтобы забрать меня.

Я прочла это по выражению их лиц, пока они изучали толпу. Ряд за рядом.

У меня возникло непреодолимое желание крикнуть: «Я здесь».

У меня не было возможности спрятаться. Не было никакого шанса, что они меня не заметят.

Взгляд Риверы остановился на мне. Из моего горла вырвался слабый стон.

Я здесь. Я здесь. Убийца. Я здесь. Подойдите и арестуйте меня. Заберите меня.

29

Вся напрягшись, я смотрела на двух копов в нижней части трибун. Улюлюканье толпы исчезло. Исчезли все звуки, кроме учащенного биения моего сердца.

Ривера обернулся и что-то сказал своему напарнику. Миллер кивнул. Они стали взбираться по проходу.

Они увидели меня и подошли.

У меня появилось сильное желание открыть рот и закричать, дать всему моему ужасу, страху вырваться наружу и только кричать и кричать до потери голоса и дыхания.

Каким-то образом я смогла сдержаться. Наклонившись вперед, я смотрела, как Ривера направляется вверх по трибунам, чувствуя, как напряглась каждая мышца моего тела.

Он остановился тремя рядами ниже меня и показал куда-то. Миллер кивнул. Протиснувшись где-то на треть ряда, они заняли места.

— А? — у меня вырвался испуганный вздох. Я видела, как копы устроились и сосредоточились на игре.

Ко мне повернулась Миранда.

— Что случилось?

— Э... ничего. Удивлена этим последним свистком. Джонсон не нарушал правил против того парня.

— Нарушил, конечно, — возразила Миранда. — Он его чуть без головы не оставил.

Джули рассмеялась.

— Эй, Кейтлин, а ты по-настоящему втянулась.

Я глянула на спины копов и протянула:

— Ага.

Я наконец снова могла дышать.

Я осознала, что должна наслаждаться счастливыми моментами, пока могу. Я знала, что это только вопрос времени, когда полиция придет за мной.

Я посмотрела на табло. До конца первой половины матча оставалась всего одна минута. Шейдисайдцы сократили отрыв от Великанов до четырех очков. Болельщики вскочили, прыгали и улюлюкали. Оглушительное возбуждение. Трибуны просто тряслись.

Джулия, Миранда и я вскочили на ноги. Перехват и быстрый бросок из-под кольца принес Тиграму одно попадание. Кто-то объявил тайм-аут. Я смотрела как быстрой походкой игроки идут на свою скамейку.

Мой взгляд выхватил яркое пятно. Я уставилась на трибуны гостей на противоположной стороне зала.

И чуть не упала. Мне пришлось схватиться за Джули и Миранду, чтобы сохранить равновесие. Во втором ряду, сгорбившись, сидел парень в красной толстовке. Он выделялся среди зеленых курток и футболок гостей.

Конечно же, я сразу подумала о Блэйде. Увидев красную толстовку, я не могла не подумать о нем. Прищурившись в ярком освещении спортивного зала, я пыталась отчетливее разглядеть парня. Он опустил голову и капюшон покрыл его волосы. Мне были видны только верх красного капюшона, его грудь и руки.

Подруги не заметили моей тревоги. Они стояли по бокам от меня, споря, какую пиццу взять после игры. Миранда любила все планировать заранее. И не любила пепперони. Этот разговор повторялся почти всякий раз, когда мы шли за пиццей в «Альфонсо».

На этот раз я в нем не участвовала. Я наблюдала за парнем в красной толстовке, ожидая, когда он поднимет голову. Раздавшаяся сирена оповестила, что время тайм-аута истекло.

Парень поднял голову и капюшон упал на плечи. Я наклонилась вперед, вглядываясь в его лицо, в его темные волосы.

— О, нет!

Блэйд.

Это был Блэйд.

Он поднял глаза на Шейдисайдские трибуны. Уставился прямо на меня. Игра началась. Он не отвел взгляд. Он пристально смотрел на меня с другого конца зала.

Не раздумывая, я отпихнула с пути Миранду и понеслась к проходу, наступая на ноги, расталкивая болельщиков, все было как в тумане, потому что у меня перед глазами стояла красная толстовка.

— Кэйтлин? Эй, Кэйтлин?

— Что случилось? Куда ты?

Я слышала, как подруги обеспокоенно окликают меня. Но я не стала оборачиваться. Я вылетела в проход, растолкала группу ребят, преградивших мне путь, и протиснулась мимо других.

Я добралась до игровой площадки как раз в тот момент, когда прозвучал сигнал об окончании первой половины матча. С обеих трибун раздались стоны. Никто не хотел, чтобы

игра останавливалась. Я поскользнулась на мокром полу спортзала и чуть не упала на скамейку одной из команд.

Я глубоко вздохнула и побежала вдоль боковой линии.

Блэйд вернулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не задавалась очевидными вопросами. Его вернула к жизни Дина Фиар? Он вернулся, чтобы мучить меня? Чтобы обвинить меня? Чтобы рассказать всем, что я убийца?

Я пробежала мимо скамейки комады, где игроки хватали полотенца и бутылки с водой и направлялись в раздевалки. Я пронеслась между двумя судьями в полосатых рубашках, которые вытирали лица полотенцами и горячо обсуждали какой-то штраф.

Я пробежала мимо толпы ребят, спускавшихся с гостевых трибун и направлявшихся к киоскам за пределами зала, чтобы купить хот-доги и напитки.

— Блэйд! Эй, Блэйд! Задыхаясь я выкрикивала его имя, моя грудь вот-вот разорвется от бега и от потрясения. — Блэйд!

Взгляд заскользил по трибунам. По второму ряду. Пусто. Уже пусто.

Нет красного капюшона. Нет Блэйда. Он исчез.

Я посмотрела по сторонам, мои глаза просматривали каждое лицо.

Я не сумасшедшая. И это была не галлюцинация. Он был здесь.

Сзади я почувствовала сильный удар. — Блэйд?

Я обернулась и увидела огромного рыжего парня в желто-зеленом свитере Грин-Вэлли.

— Ой, извини, — сказал он. В каждой руке у него было по большому стакану колы. — Я тебя не видел. Извини.

— Ничего страшного, — ответила я.

У меня за спиной появились Джули и Миранда.

— Кейтлин? Что ты здесь делаешь? — спросила Джули.

— Ты сорвалась с места, не дождавшись перерыва, — сказала Миранда. — Что произошло?

— Я... Я видела его, — я заикалась. — Я видела Блэйда.

Обе ахнули. Джулия обняла меня за плечи. — Ты имеешь в виду, кого-то похожего на Блэйда?

— Нет, — я отступила от нее. — Блэйда. Я видела его. Он сидел прямо здесь. — Я указала на середину второго ряда, пустого в данный момент.

Миранда и Джулия переглянулись. Они не были готовы иметь дело с душевнобольной. Они привели меня сюда, чтобы удержать от депрессии, а я сейчас все разрушила.

Миранда с озабоченным выражением лица покачала головой.

— Кейтлин, ты же знаешь, что это не мог быть Блэйд. Почему ты решила...

— На нем была красная толстовка, — ответила я. — Поэтому я обратила на него внимание. Капюшон соскользнул и... и...

— Хочешь домой? — спросила Джулия. — Где твоя машина? Я могу отвезти тебя-

— Нет! — воскликнула я. — Я должна найти Блэйда. Он здесь. Я не выдумываю. Джули.

Я представила Дину Фиар. Снова представила пустой гроб Блэйда. Он был здесь. Я знала, что он был здесь.

У убежала от них и бросилась к дверям спортзала. Я протолкнулась через двойные двери в зал. Едва не сбила девочку. — Извини. Я не увидела тебя.

Я обшарила взглядом холл. Несколько ребят выстроилось у прилавка. Но никаких следов Блэйда. У меня в глазах все лица подернулись туманом. Никакой красной толстовки. Никакого Блэйда.

Когда я вернулась в зал, меня оглушил рев голосов. Гудело табло. Скоро должна была возобновиться игра. Трибуны гостей были заполнены, но нигде не было ни следа Блэйда.

Я помахала Джулии и Миранде, которые поднимались по проходу на трибуны команды хозяев. Я сложила руки рупором вокруг рта и крикнула: — Эй, мне нужно идти.

Я не могла остаться. Не могла следить за игрой, зная, что Блэйд жив, зная, что он видел меня, уставясь через спортзал.

Подруги подбежали ко мне.

— Ты уезжаешь домой? — спросила Джули.

Я кивнула. — Моя машина на студенческой стоянке.

— И все-таки я думаю, что ты должна позволить нам тебя довести, — сказала Джули, глядя мне в глаза, как будто пытаюсь понять, сошла я с ума или нет.

— Не надо. Я в порядке, — возразила я. — Здесь совсем рядом. Правда. Со мной все нормально.

Миранда обняла меня. Она не могла скрыть своего облегчения. — Потом поговорим, — сказала она.

Они вернулись на свои места. Я поспешила прочь из спортзала, в холл. Там осталось лишь несколько опоздавших. Я слышала, как началась игра, загрохотал об пол баскетбольные мяч, раздался рев голосов. Я распахнула заднюю дверь школы и вышла на ночную улицу под аккомпанемент сопровождавших меня звуков.

В воздухе похолодало. Луна спряталась за низкие облака. Я почувствовала как несколько холодных дождевых капель упали на волосы и лоб.

Я повернула к переполненной студенческой парковке. На ней было светло, как днем, благодаря галогеновым фонарям на высоком железном заборе. Кто-то забыл выключить фары на своей синей Toyota RAV4.

Я обнаружила свою машину на полпути вниз в заднем ряду, развернутую наружу. И тут же увидела красный капюшон.

Небрежно прислонясь к задней дверце моей машины, в ожидании меня, стоял Блэйд.

30

Я остановилась и вгляделась в яркое галогеновое сияние. Вглядывалась, пока мне не стало казаться, что вокруг толстовки возникло красное свечение, а остальная часть Блэйда, как призрак, исчезла в красных лучах.

Он оттолкнулся от машины и стоял, глядя на меня. Он не двинулся ко мне, а просто небрежно там ждал, как обычно. Он ожидал, что я побегу к нему? Что обниму его и скажу как я взволнована, тем, что он вернулся?

Я заставила свои ноги сдвинуться. Сделала несколько шагов к нему. А затем несколько слов сорвались с моих губ: — Ты не можешь быть здесь! Ты умер! Тебя нет, Блэйд! Зачем ты

здесь?

Он медленно пожал плечами. Его зеленоватые глаза сверкнули под лампами. Он ничего не говорил.

— Блэйд! Чего ты хочешь? Зачем ты здесь? Ты знаешь, что ты не можешь быть здесь. Я не могла остановиться. Я знала, что в это не было никакого смысла — я разговаривала с мертвецом.

Но он был здесь, и стоял, опираясь одной рукой на корпус машины. Он был здесь и это не было вымыслом.

— Блэйд, скажи что-нибудь. Мой голос дрожал в воздухе. Капли дождя стучали по стоянке, по машинам. — Ты вернулсЯ, чтобы сделать мне больно? Что ты хочешь? Скажи!

Ветер трепал его красный капюшон. Он не ответил. Не сдвинулся с места. Просто стоял там. Ждал. Ждал, пока я подойду ближе.

А что дальше?

Мне нужно было добраться до машины. Нужно было сбежать от него. Я не хотела разговаривать с мертвецом. Не хотела знать, зачем он молча и терпеливо ждал меня так.

Я хотела, чтобы он убрался. И держался подальше.

Страх душил меня. Я вытерла со лба капли дождя.

Сейчас я была лишь в нескольких футах от него. — Блэйд? Что ты хочешь? — спрашивала я тихим голосом. — Пожалуйста, Блэйд!

Он не ответил, а только схватил за запястье.

— Эй, отпусти!

Он подтащил меня ближе. Потом схватил меня за оба запястья и притянул к себе. Его ладони были жесткими и холодными, как лед.

— Отпусти! Что ты делаешь? Пусти!

Его пустые зеленые глаза сверкнули. Своими ледяными руками он обхватил мое лицо. Сжав ладонями мою голову, он подтащил меня к себе.

Он прижался своими губами к моим и жестко поцеловал. Злым поцелуем. Он удерживал меня — держал лицо напротив своего, прижимался губами, такими злыми и холодными, вдавливал их в мои губы, пока не заболел мой рот.

Наконец, задыхаясь, я отпрянула назад, и вкус ледяных губ все еще оставался на моих губах. И затем я ахнула от ужаса.

Его губы были все еще сшиты вместе.

У меня началась рвота и я тщетно силилась ее прекратить. Я терла губы, но не могла избавиться от ощущения холода на губах.

Он держал меня за плечи, тяжело дыша мне в лицо. Его дыхание пахло гнилью. Тухлым мясом. Смертью.

Кривая улыбка изогнула зашитые губы. Я даже отчетливо видела черные нитки, лопнувшие на концах некоторых стежков.

Я изо всех сил пыталась отодвинуться, но он был гораздо сильнее меня.

Он схватил обеими мою голову и потащил вперед для следующего поцелуя. Задыхаясь, я старалась дышать нормально, пока он скользил по мне холодными мертвыми губами, лаская мои щеки большими пальцами и держа мою голову.

Удерживал меня в поцелуе с трупом. Я думала, что это никогда не кончится.

Стежки обдирали мне губы, пока я не закричала от боли.

Я просунула одну ногу позади него и со всей силы толкнула его двумя руками в грудь.

Он опрокинулся назад, упав на асфальт.

Я схватилась за дверцу машины и открыла ее. В сумке у меня ключ зажигания. Мне нужно было всего лишь нажать на стартер, чтобы завести машину. Я упала на руль и изо всех сил пыталась закрыть дверь.

Но Блэйд был уже на ногах. Он схватился за ручку двери и держал ее открытой. Похрюкивая, как животное, поблескивая зелеными стеклянными глазами, он добрался до меня другой рукой. Хлопая меня по плечу, он пытался меня захватить.

Он ворчал, как пес, сквозь свои сшитые губы. Ворчал, рычал и пытался схватить меня. Я боролась, отпихивала его. Затем я двумя руками схватилась за ручку двери и дернула изо всех своих сил.

Дверь прищемила руку Блэйда, но он даже не вскрикнул. Мог ли он это почувствовать?

Еще один сильный рывок — и дверь закрылась. Я нажала «Старт». Машина быстро завелась. К моему окну прижалась грудь в красной толстовке. Не обращая на это внимания, я включила передачу, нажала на газ и с ревом сорвалась с места.

Я увидела как Блэйд опрокинулся на спину. Он распластался на капоте уже в другом пространстве.

Машина взревела в проходе. Слишком быстро. Слишком быстро. Мне пришлось резко затормозить, чтобы не влететь в проволочное ограждение.

Я была не в себе. Сердце колотилось, как бешеное. В висках стучало. Губы болели от тех ужасных, мерзких поцелуев. Я повернула к выходу, в конце ряда чуть не поцарапав Rav4 с включенными фарами.

Потом я выскочила с короткой подъездной дорожки на Пограничной улице. Повернула по широкой траектории направо, забыв проверить трафик. Позади меня совсем рядом раздался гневный гудок. Я умчалась прочь. Пролетела на красный. Раздалось еще больше гудков.

Я просто должна была ехать, должна была убраться как можно дальше от ожившего трупа. Окно покрылось каплями дождя, но я не включила дворники. Я смотрела сквозь сияющие капельки, крохотные бриллианты, сверкающие в темноте ночи. Я ехала, словно сквозь сон.

Только это был ночной кошмар.

Каким-то образом я все же добралась домой. Я нажала на тормоз лишь у нашего гаража — в паре дюймов от гаражной двери. Отблеск фар на широкой белой двери ударил в ветровое стекло жутковатым белым светом.

Я сидела, пустым взглядом уставившись в светлое пятно, впившись руками в руль. И мне не хотелось открывать дверцу и возвращаться в этот мир. В горле застрял комок, а исцарапанные губы саднили и болели.

Я была дома.

И в безопасности... пока.

Я заглушила мотор и моя рука потянулась к выключателю фар. Но рука на полпути застыла в воздухе.

Но что это на коленке? Что-то примостилось на моем колене.

Что же это?

Я нагнулась, взяла это и поднесла к лицу, чтобы увидеть что это было.

Рука Блэйда.

Холодная, мертвая рука Блэйда. Я отсекала ее, когда захлопывала дверцу.

Открыв рот, я начала кричать.

31

Я выбросила руку в аллее за моим домом. Раздался глухой стук, когда она отскочила от изгороди и упала на гравий.

Может нужно было ее спрятать под чем-то? А может похоронить? Я не могла четко мыслить.

— Никто никогда не вернется туда, — сказала я себе.

Я не могла дышать. У меня скрутило живот. Рука была твердой и холодной, сжата в кулак. Она была чисто отрублена в районе запястья и совершенно не кровоточила.

Не кровоточила, поскольку Блэйд был мертв.

Оказавшись на свету, льющемся из дома и омывающем задний двор я задрожала. Мои глаза заметались туда-сюда. Преследовал ли меня Блэйд? Пришел ли он, чтобы забрать назад свою руку?

Теперь он не оставит меня в покое. Он захочет вернуть свою руку и отомстить.

Я скользнула в дом через дверь кухни. Мои родители уже спали, но они оставили для меня включенный свет. Потихоньку, на цыпочках я поднялась по лестнице в ванную напротив моей комнаты.

Меня тошнило. В горле стоял ком. Я наклонилась над унитазом, попытавшись вызвать рвоту. Но приступ тошноты прошел.

Я помыла лицо. Помыла губы. Я все еще чувствовала вкус этих мертвых, жестких губ на своих губах. Я вымыла руки три раза.

Я бросилась к себе в комнату, плотно закрыв за собой дверь. Я рухнула на край кровати и крепко сжала ладони на коленях.

Мне была необходима помощь, и лишь один человек мог помочь мне.

Дина Фиар.

Лучше бы мне никогда больше не встречаться с Диной. Я не хотела ее видеть. У меня перед глазами стояли мужчина и женщина в стеклянных ящиках. Неужели это правда ее родители? Она действительно сделала из них чучела и выставила их в витрине?

Это не могло быть правдой. Просто не могло. Но я видела их в той жуткой комнате. А

Дина даже похвалялась этим. Шутила о том, как применила к ним навыки, полученные на занятиях по таксидермии.

Я обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Я вдруг поняла, что была от Дины в ужасе. Может она вообще была психованной? Сумасшедшей убийцей? Мне не хотелось впредь к ней приближаться.

Но разве у меня был выбор?

Даже несмотря на мой ужас, я знала, что лишь она одна может мне помочь.

Дина вернула Блэйда к жизни. Она заставила меня убить его. Затем вернула его назад.

Дина хотела, чтобы он всегда принадлежал ей. Но где она? Никто, кроме нее, не мог его контролировать. Она была единственной, кто мог меня защитить. Моей единственной надеждой было то, что она сможет помешать ему преследовать меня.

— Дина, — прошептала я ее имя, хватая телефон. Я набрала ее номер и поднесла телефон к уху. Гудки... три раза... четыре...

А потом я услышала несколько звуковых сигналов. И записанный женский голос, слишком громкий, настолько громкий, что я отдернула телефон от уха, известил: Вы позвонили на номер, который отключен. Пожалуйста, проверьте номер и позвоните снова.

Отключен? Не может быть! Нет!

Почему у Дины отключен телефон?

Я попыталась еще раз и получила то же сообщение. Потом я выключила телефон и в отчаянии, гнев, страхе швырнула его за кровать.

Завтра я найду ее в школе. Она наверняка знает что делать с Блэйдом. Она поможет мне.

Я сорвала с себя одежду и кучей бросила ее на пол посреди комнаты. Натянула фланелевую сорочку. Была теплая весенняя ночь, но я не могла унять дрожь.

Снова пошел дождь. Забарабанил по стеклу. Моя кровать стоит прямо под окном. Обычно я люблю, лежа в постели, разглядывать наш задний двор.

Но сегодня я накрылась с головой одеялом, крепко зажмурила глаза и стала слушать стук дождя по оконному стеклу.

Может, этот звук убаюкает меня, сказала я себе.

Но, естественно, это было безумие. Скрутившись, я лежала под одеялом, пока не стало слишком душно дышать. Потом я сбросила одеяло и попыталась уснуть на боку. Я меняла позы, надеясь выбросить из головы ужасные события сегодняшнего вечера, чтобы немного поспать.

Но нет. Они все проигрывались и проигрывались у меня в мозгу.

И вдруг я вспомнила, что завтра мне нужно делать в классе доклад. «История скрипки Страдивари». Мой дедушка был профессиональным скрипачом. Он играл с Детройтским Симфоническим оркестром и со многими другими. Он был владельцем одной из бесценных скрипок Страдивари. Он показывал мне инструмент, когда я была маленькой и объяснил мне почему она была столь ценной и совершенной.

Незадолго до смерти дедушки, скрипку украли. И все эти прошедшие годы, я вспоминаю слова моей бабушки, сказавшей несколькими неделями позже, что он умер от разрыва сердца.

Я была слишком молода, чтобы до конца понять это. Но ее слова засели в мою голову. Мне хотелось добавить эту семейную историю в свое эссе о скрипках Страдивари. Я знала, что мистер Ловетт, мой учитель английского, оценит это

Я хороший писатель, Дневник. Я люблю писать и рассказывать истории. После того,

как мой дедушка умер, когда мне было семь, это эссе было для меня чем-то особенным. Я начала писать его. Вообще-то, я его почти закончила.

Сколько времени? Два утра? Встать сейчас и продолжить работу над ним? Может, это отвлечет меня от Блэйда.

Я зевнула. Нет. Я все равно не смогу сконцентрироваться. Мне не хотелось спать, но я чувствовала себя уставшей. Разбитой. Может, если бы я попыталась очистить свой разум... Может, медленно посчитать от ста до одного...

Я была только на девяноста трех, когда услышала за окном грохот. Я испугано села.

Дождь прекратился, но оконное стекло было покрыто каплями дождя. Яркий полумесяц плыл в сером небе.

Я прислушалась. Услышала еще звук. Похожий на низкий плач. Может кошка?

Я наклонилась вперед, прижалась лицом к стеклу и посмотрела во двор. — Ой, нет! Нет!

У меня перехватило дыхание, когда я увидела Блэйда в его красной толстовке.

Он стоял в луче желтого света, падающего на траву. Капюшон был опущен, и я видела, что взгляд его зеленых глаз направлен на мое окно.

— Нет. Пожалуйста, — я закрыла глаза и попыталась избавиться от него, прогнать его, отправить прочь. Мне хотелось умолять его: «Исчезни, Блэйд. Ты мертв. Исчезни, пожалуйста».

Но, когда я открыла глаза, он не сдвинулся с места. Он стоял на свету, его красная толстовка блестела, и я увидела руку. Руку, которую отрезала дверь моей машины. Он засунул ее в карман толстовки.

Он нашел руку. Она у него.

Я попятилась от окна, но он уже успел меня заметить. Я увидела, как он поднял над головой свою нормальную руку.

Что он держал в ней? Что это было зажато у него в кулаке?

Я всмотрелась в покрытое каплями стекло, пытаюсь сфокусировать взгляд. Свет, падающий от дома, озарил предмет у него в кулаке. Нож. Сверкнуло лезвие.

— Боже мой.

Блэйд держал над головой нож. Держал его высоко, чтобы я могла видеть. Его голова была запрокинута назад. Глаза смотрели на меня.

Я закричала, когда он опустил нож.

Он вонзил лезвие себе в голову и снова убил себя.

32

Я повернулась к двери спальни. Слышали ли мама с папой мой крик?

В коридоре было тихо.

Мне не хотелось снова смотреть во двор. Не хотелось видеть распростертого на траве Блэйда с торчащим из него ножом.

Но у меня не было выбора. Я должна узнать, может ли он снова умереть. Я должна это узнать...

Боже мой. Нет.

Он не убил себя. Он засунул нож себе в рот и провел лезвием между губами. Он разрезал шов, чтобы освободить рот.

В ярком свете я видела, как лопаются толстые черные нитки, как отваливаются стежки,

пока не остается лишь несколько кусочков черной нити, прилипшей к уголкам рта Блэйда.

Охваченная холодным ужасом, прижавшись горящим лицом к прохладному оконному стеклу, я наблюдала, как он тестирует рот. Двигает челюстью вверх-вниз. Шевелит губами. Медленно открывает рот. Высовывает и засовывает язык несколько раз. Затем он стащил остатки нитки с губ и еще немного поработал ртом.

После этого он поднял глаза на меня и закричал хриплым страшным животным воплем: — Я вернулся ради тебя, Кейтлин. Я вернулся. Я никогда тебя не оставлю. Никогда!

Охнув, я опустила штору, рухнула на кровать и натянула одеяло на голову.

На следующее утро мне не хотелось идти в школу. Как я могла сидеть в классе со всем этим ужасом, вертящимся у меня в голове? Я стала раздумывать какое бы оправдание придумать для родителей. Но потом я вспомнила, что не могла остаться дома. Мне нужно пойти в школу и найти Дину Фиар.

Дина была моей единственной надеждой. Из тех старых книг в ее семейной библиотеке, она обучилась тайнам, научилась силе, вернувшей Блэйда к жизни.

Она знала способ как отправить его назад, в гроб.

Припарковав машину на студенческой стоянке, я снова подумала о тех двух людях, застывших в витринах в доме Дины. Меня передернуло, и я крепко вцепилась руками в руль. Любой здравомыслящий человек держался бы от Дины как можно дальше.

Но я не была здравомыслящим человеком. Я была напугана, в ужасе. Я отпрыгивала от каждого звука, каждого резкого движения, от яркого цвета или света. При виде красного цвета мне хотелось кричать. Я знала, что всю жизнь буду видеть эту красную толстовку в кошмарах.

Блэйд правда сказал, что останется со мной навсегда? Я должна воспринимать его слова серьезно. Должна верить, что он не шутит. Несмотря на то, что от одной мысли об этом у меня сводит живот, а сердце в груди начинает колотиться, как бешеное.

Где ты, Дина?

Я ждала в коридоре почти до самого звонка. Она не показалась.

Я поспрашивала ребят, знает ли кто-нибудь, в каком классе Дина. Похоже, никто не знал. Из-за ее необычного темного облика, спутанных черных волос, черных нарядов и ее странности в целом, от нее все старались держаться подальше.

Она была одиночкой. Я не знала, были ли у нее вообще друзья в школе. У нас с ней не было общих занятий. Я никогда ни с кем ее не видела.

Прозвенел звонок. Коридор сразу опустел. Все разошлись по классам. По пути к классу мисс Чоу я заглянула в несколько кабинетов. Дины я нигде не увидела.

Когда я вошла, мисс Чоу оторвалась от своего ноутбука.

— Закрой, пожалуйста, дверь, Кейтлин, — сказала она. — И постарайся быть немного попроворнее, ладно?

Я закрыла за собой дверь и спросила:

— Мисс Чоу, вы знаете в каком кабинете Дина Фиар?

Она прищурилась, глядя на меня, потом почесала коротко стриженные прямые черные волосы с челкой на лбу.

— Дина Фиар? Сожалею, Кэтлин, но я ее не знаю. Есть проблема?

— Ну... — Я замаялась. Я увидела Джулию, сидевшую в конце первого ряда, наблюдавшую за мной, с напряженным от беспокойства лицом. — Это, в некотором роде,

чрезвычайная ситуация, — сказала я. — Мне действительно необходимо найти ее.

Мисс Чоу кивнула.

— Почему бы тебе не зайти в канцелярию? Миссис Вэйл подскажет тебе, где ее найти.

— Спасибо, — я поставила рюкзак на свой стол. — Я быстро. Я очень признательна вам, мисс Чоу.

— Эй, Кейтлин! — через весь класс окликнула меня Джули.

Но я уже вышла из двери в вестибюль. Тут было тихо и пусто. Два учителя гимнастики устроили обмен мнениями перед выставочным стендом с наградами. Они кивнули мне, когда я быстрым шагом проходила мимо.

Кабинет директора находился рядом с центральным входом. Я вошла. На скамейке перед столом, ссутулившись, сидела пара торжественно выглядевших парней. Десятиклассники, подумала я. Похоже, во что-то вляпались.

К уху миссис Вэйл, школьного секретаря, была прижата телефонная трубка. Разговаривая, она стояла у стола, перебирая какие-то бумаги. Я подошла к столу и оперлась руками на столешницу перед ней.

Она кивнула и продолжила разговор. Кажется, речь шла о программе горячих обедов. Миссис Вэйл сказала:

— Я за это не в ответе. Что подавать — решает государство.

Я готова была взорваться, молча умоляя ее закончить телефонный разговор. Если она проговорит дольше, окончится классный час, и я опоздаю на английский и на свой доклад по скрипке.

Когда она наконец договорилась, я издала долгий вздох облегчения.

— Кейтлин, чем я могу тебе помочь?

— Мне нужно найти Дину Фиар, сказала я. — Это очень важно. Можете мне сказать номер ее классной комнаты?

— Легко, — ответила она с улыбкой. — Мне нравятся легкие задачи.

Она подвинула компьютер к краю и начала быстро печатать на клавиатуре.

— Я просто открою ее расписание. Еще раз: как ее зовут?

Я повторила.

Миссис Вэйл подняла на меня взгляд.

— Фиар? Из знаменитой семьи Фиар? Правда? Как так вышло, что я ее не знаю?

Я пожалала плечами.

Она вернулась к компьютеру, прищувшись, посмотрела на экран.

— Странно, — пробормотала она. Потом напечатала еще что-то. — Д-и-н-а, верно? — произнесла она имя по буквам.

— Верно, — подтвердила я и наклонилась, пытаюсь заглянуть на экран через ее плечо.

Миссис Вэйл потеряла подбородок.

— Давай-ка я посмотрю справочник учащихся. Она в выпускном классе, как и ты?

— Да. Я уверена, что она в выпускном классе.

— Ладно. Никаких проблем, — она еще что-то напечатала. Затем какое-то время изучала экран. Прокручивала туда-сюда список учащихся.

— Она новенькая?

— Нет. Не думаю. Хотя вообще-то я не знаю.

Она еще что-то напечатала. Пристально уставилась на экран.

Потом она повернулась ко мне.

— Кейтлин, похоже, вышла какая-то ошибка. В нашей школе нет ученицы по имени Дина Фиар.

33

Я попыталась скрыть свое потрясение, но, думаю, мне это не очень удалось. Миссис Вэйл сжала мою ладонь.

— Кейтлин? Ты в порядке?

Нет. Я не в порядке. Я схожу с ума. Придумываю воображаемых людей.

Я тяжело сглотнула. У меня в горле вдруг стало сухо, как в пустыне. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы убедить себя, что я не выдумала Дину Фиар.

Она определенно была настоящей. Джули с Мирандой тоже ее видели и говорили о ней в тот вечер, когда я столкнулась с ней в «Лефти».

— Она настоящая, — пробормотала я, даже не осознавая, что говорю вслух.

— Возможно, она ходит в Колиджиет, — предположила миссис Вэйл. Это частная школа для девочек в Норт-Хиллзе. — Ты видела ее здесь в школе?

Мне захотелось сбежать от миссис Вэйл. Она смотрела на меня с таким подозрением, как будто со мной что-то не так. Она хороший человек, но, но лучше ей секретов не доверять. Все, что вы ей скажете, она расскажет мистеру Эрнандесу, нашему директору.

— Вообще-то... — протянула я. Потом склонила голову, лихорадочно соображая. — Кажется, я видела ее только вне школы, — я выдавила из себя улыбку. — Спасибо, миссис Вэйл.

Не дожидаясь ее ответа, я развернулась и вылетела из канцелярии, чуть не врезавшись в двух учителей физкультуры, входивших туда.

В коридоре было шумно и многолюдно. Классный час закончился, и все направлялись на первый урок.

Я не торопясь пошла на английский. Кто-то окликал меня, но я их проигнорировала. По пути я терла лоб и массажировала виски. Моя голова была готова взорваться.

Это был курс углубленного английского, в основном для учащихся, интересующихся писательским мастерством. Мы садились за один большой круглый стол, делились своими историями и эссе и критиковали их.

Обычно это мой любимый предмет. Но сейчас мне хотелось только спрятаться в уголке, закрыть глаза и попытаться поразмышлять. Естественно, это было невозможно. За круглым столом не спрячешься.

И конечно, когда я шла к своему месту, мистер Ловетт похлопал меня по плечу и сказал: — Сегодня утром ты первая, Кейтлин.

Когда остальные ребята расселись, я достала из сумки эссе. Я не нервничаю, читая свои работы перед всем классом. Я довольна уверена в себе как в писателе, к тому же всем известно, что я не стеснительная.

Но сегодня, когда я просматривала написанное, мои руки дрожали. Эссе было не закончено, и я хотела бы, чтобы у меня было время отшлифовать его. Моя голова все еще раскалывалась. Я надеялась, что чтение эссе перед всеми поможет мне успокоиться и перестать ломать голову о Дине Фиар.

Ничего подобного.

Когда мистер Ловетт дал мне знак, я встала и представила свое эссе.

— Оно о скрипке Страдивари, — сказала я. — Я написала его, потому что этот

бесценный инструмент имеет особое значение для нашей семьи.

Мистер Ловетт наклонился вперед и сложил руки на столе.

— Интересно, — пробормотал он. — Начинай, Кейтлин.

Я начала читать.

— Музыкальные инструменты Страдивари изготавливались в семнадцатом-восемнадцатом веках итальянской семьей Страдивари. Сегодня они невероятно ценятся не только благодаря мастерству создателя, но и поскольку во всем мире их осталось лишь 650.

Я подняла глаза от бумаги, чтобы посмотреть, все ли слушают. И охнула, когда увидела Блэйда. Он стоял в дверном проеме.

На нем была его красная толстовка. Один рукав был низко опущен, чтобы прикрыть культю, где отсутствовала кисть руки. Его растрепанные волосы ниспадали вокруг его бледного белого лица.

Когда наши взгляды встретились, он слабо улыбнулся мне. Его глаза сверкнули. Затем он поднял к губам тыльную сторону ладони. Не отрывая от меня взгляда, он сморщил свои мертвые губы и начал издавать громкие звуки, целуя свою ладонь.

Я опустила эссе и указала на дверь.

— Вы это слышите? — закричала я. — Слышите, что он делает? Смотрите! Видите его? Видите его там? Это Блэйд!

Заскрипели стулья, все повернулись к двери.

Но Блэйд исчез. Дверной проем был пуст.

Все тут же изумленно повернулись ко мне. Я услышала шепот и сдавленный смех.

— Кейтлин, я никого не вижу.

— О чем ты говоришь?

— Блэйд? Тот парень, которого убили?

Я швырнула свое эссе на стол, отодвинула стул и побежала. Я вылетела из кабинета в коридор, сопровождаемая озадаченными возгласами мистера Ловетта.

Опустив плечо, я толкнула боковую дверь школы. Тяжело дыша, вырвалась наружу, чувствуя бешеную пульсацию в висках.

— Я не могу вернуться туда, — сказала я сама себе. — Я никуда не могу пойти, пока Блэйд не исчезнет. Но... как мне от него избавиться?

34

Я знала, что, кроме Дины, никто не сможет ответить на этот вопрос. Добежав до ученической парковки, я заозиралась по сторонам.

Мои нервы были натянуты, как струна. Кожу покалывало. Я была уверена, что вот-вот откуда-нибудь выскочит Блэйд.

Парковка была пустынной. Все были на уроках. На противоположной стороне улицы я

заметила женщину, толкающую детскую коляску. За ними следовал большой белый пудель. Нормальная жизнь.

Я бы хотела, чтобы и моя жизнь была нормальной.

Я забралась в машину. Руль был горячим от солнца, бившего в лобовое стекло. Я выехала из узкого места на парковке.

Я мельком заметила, что от школьного входа за мной кто-то наблюдает. Это мистер Ловетт? Мне было все равно. Какое мне могло быть дело до школы? Какое мне могло быть дело до чего-то другого, если меня преследует и на меня охотится оживший труп?

Дорога до дома Дины слилась для меня в сплошное пятно из вспышек света, солнечных лучей, чередования затененных и солнечных участков, проносающихся мимо домов, деревьев, машин и всего остального... Только хаос, только пульсирующая волна движения и цвета. Я осознала, что свернула на Фиар-Стрит, только когда улица потемнела под аркой ветвистых старых деревьев.

Когда я добралась до тупика, где заканчивалась улица и начинались деревья, в поле зрения возник Динин дом. Машины перед домом не было.

Спрятавшись в зарослях сорняков, ведущих к дому, за мной наблюдал неподвижно сидящий черный кот, сверкая зелеными глазами. Зеленые глаза напомнили мне Блэйда. И снова, я увидела эти пустые стеклянные глаза, зеленые как изумруды, представив как он наблюдал за мной, стоя в классном дверном проеме, производя эти отвратительные звуки. С наслаждением. Получая удовольствие от моих мучений и сводя меня с ума.

Я свернула на обочину и выбралась из машины, не сводя глаз с дома. Солнце отражалось в окнах по всему фасаду и я не могла разглядеть того, что происходит внутри.

Кот не шевелился. Он сидел выпрямившись, словно приготовившись защищать свою территорию. Он проводил меня взглядом, когда я направилась мимо него к двери в боковой части дома.

Я позвонила в дверь, но звука звонка изнутри не услышала. Немного подождала. Кот потерял ко мне интерес и побрел к пепелищу особняка Фиар.

Я почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Нажала на звонок еще раз. Потом постучала в дверь.

— Дина? Ты дома? Дина?

Тишина.

Утреннее солнце, уже успевшее подняться высоко в небо, ярко сияло, но его свет не мог согреть меня. По моему телу разлился холод, как будто я только что вылезла из холодной ванны.

— Дина? Ты где?

Я достала телефон. Еще раз изучила ее номер. Когда я звонила ей до сегодняшнего дня, он работал. Может, попробовать еще раз...

Я набрала и подождала. Пожалуйста, будь там. Ответь, пожалуйста.

Нет. Я услышала то же сообщение, что этот номер отключен. Вздохнув, я сунула телефон в сумку. Затем повернулась и забарабанила в дверь кулаками. Барабанила до тех пор, пока у меня не заболели костяшки.

— Дина? Дина?

Я была близка к помешательству. Чувствовала, что скоро не выдержу, просто взорвусь, разлетевшись на миллионы осколков.

— Дина?

Открылось боковое окно. Высунулась голова. Прищурившись из-за яркого солнца, я узнала Дину.

— Ты дома? — произнесла я тихим сдавленным голосом.

— А вот и ты, Кейтлин, — сказала она. — Я тебя ждала.

Ждала меня?

Окно закрылась. Несколько секунд спустя я услышала в доме шаги, распахнулась входная дверь.

— Я звонила и стучала, — затаив дыхание, сказала я. — Звала тебя по имени, и...

Она жестом пригласила меня войти. — Я была в задней части дома. Готовясь, — сказала она. — Готовясь к твоему приходу.

Я протиснулась мимо нее в маленький коридорчик у входа. В доме странно пахло, будто что-то горело. — У тебя что-то стоит на плите?

Он покачала головой. — Нет, но я кое-что готовлю.

Мне не понравилось, как это прозвучало. Я попыталась понять, что означает улыбка, возникшая на ее накрашенных черной помадой губах, но не смогла. Она пошутила?

Ее длинные волосы были завязаны сзади широкой фиолетовой лентой, но отдельные пряди выбились из-под нее и обрамляли ее свиное лицо. На ней была атласная фиолетовая футболка и прямые черные джинсы.

Она сделала несколько шагов ко мне. Я инстинктивно отступила назад.

— Я искала тебя в школе, — ляпнула я.

— Но, Кэйтлин, я не хожу в твою школу.

— Я не знала, — сказала я. — А куда ты ходишь?

— Вообще-то, я на домашнем обучении.

При этих словах она почему-то рассмеялась. Довольно презрительно.

— Тебя учат родители? Но ты говорила, что они умерли, — удивилась я.

Она снова рассмеялась.

— Я сама себя учу.

Я кивнула. Мои ладони были сжаты в кулаки. Каждая мышца тела была напряжена. Я совсем чокнутая, раз пришла сюда?

Нет. Просто в отчаянии.

Она разглядывала меня. Похоже, ее это очень забавляло.

— Чего ты тянешь? Не имеет смысла болтать, как будто мы лучшие подруги. Я знаю, зачем ты пришла.

— Хорошо, — сказала я. — Можешь... можешь мне помочь?

Ее улыбка угасла.

— Думаю, да. Я хорошо подготовилась. У меня есть все, что нам нужно.

Я покачала головой.

— Дина, ты говоришь загадками. О чем ты?

Она залезла под безразмерную фиолетовую блузку и достала оттуда что-то круглое, по размеру чуть меньше мячика для софтбола.

Это была рука. Сжатая в кулак.

Рука Блэйда.

Я уставилась на нее. Над согнутыми пальцами торчал большой палец. Рука стала светло-фиолетовой.

— Г-где... ты ее взяла? — заикаясь, спросила я.

— Забей, — ответила Дина. — Это неважно, — она подбросила руку вверх и поймала ее. Снова подбросила и снова поймала. Затем она жестом пригласила меня в коридор. — Кейтлин, ты готова к рок-н-роллу?

35

Дина повела меня по длинному сумеречному холлу в свою комнату. Когда мы подходили, запах гари становился все сильнее. И как только я вошла в комнату, я увидела, что запах исходил от дюжин горящих свечей, черных свечей, расставленных по всей комнате.

Одиннадцать высоких черных свечей образовывали на полу пентаграмму. Свечи были ароматизированными и наполняли воздух терпким ароматом благовоний, похожих на корицу.

Когда я подошла к попугаю, он защебетал и захлопал крыльями, как будто хотел сбежать. В аквариуме, стоящем на столе справа от жердочки попугая, плавали три или четыре серебристые рыбки.

Пока мы шли к центру комнаты, Дина молчала, лишь продолжала подбрасывать руку Блэйда. Стеклянную стену, выходящую на лес Фиар-Стрит, озарило красное утреннее солнце.

Дина указала на две черные квадратные подушки, которые она положила на полу между высоких зажженных свечей.

— Сядь там, Кейтлин, — скомандовала она, прерывая молчание.

Я медлила.

— Ч-что мы будем делать?

— Увидишь. У нас много работы.

Дина подошла к столу и что-то взяла возле аквариума. Я поняла, что она надевает цепочку на шею. Талисман с серебряной птичкой. Она повесила его поверх пурпурной блузы и вернулась к пентаграмме.

Она осторожно пробралась между горящих свечей и без предупреждения бросила мне руку.

Я неуклюже поймала ее, прежде чем она упала на пол. — Держи ее, — сказала Дина, садясь наискосок от меня, но настолько близко, что наши колени почти прикасались.

Я схватила ладонь Блэйда двумя руками, боясь ее уронить. Его рука окоченела. На ощупь она была как шероховатая штукатурка. Все пальцы были крепко сжаты. На месте отреза, где было запястье, были видны темные пятна, где раньше были вены.

Я вздрогнула. Как меня угораздило связаться с этой кошмарной девушкой?

— Дина, скажи мне, — настаивала я. — Что мы здесь делаем?

Она прищурилась, глядя на меня через свои большие круглые очки.

— Конечно же, заманиваем сюда Блэйда.

Одной рукой она взяла талисман, висевший на груди, и погладила его лицевую сторону двумя пальцами.

— Заманиваем его сюда?

Она кивнула. Пламя свеч отбрасывало блики на ее бледное лицо, отражаясь в очках.

— Он снова предал нас, — пробормотала она. — Н-да, но в действительности он предал меня.

Рука Блэйда в моих ладонях вдруг показалась мне очень тяжелой. Мне не хотелось

держат ее. Я опустила ее вниз и убрала в сторону, чтобы не видеть. Из моего желудка поднялась волна тошноты.

— Предал тебя? Он охотился за мной, — сказала я. — Он сказал, что никогда не отстанет от меня.

Ее черные губы изогнулись в злобном оскале.

— Об этом я и говорю, Кейтлин. Моя очередь. Я трудилась всю ночь, чтобы вернуть его... вернуть себе, а не тебе.

Она отбросила пряди от лица.

— Он снова предал меня. Я не могу допустить этого.

Вдруг с моих губ сорвались мои самые жуткие мысли. Я не должна была этого говорить. Но, сидя напротив Дины со скрещенными ногами, я думала об этом, и это приводило меня в ужас. Сидя там, я была такой легкой жертвой.

— Дина, если ты меня убьешь... Блэйд достанется тебе. Таков твой план? Убрать меня с дороги?

Ее глаза расширились от шока.

— Убить тебя? Нет, конечно. С чего ты это взяла? Ты же моя лучшая подруга.

Она сумасшедшая. Совершенно чокнутая психопатка.

Я сглотнула, пытаюсь унять тошноту.

— Так ты собираешься заманить Блэйда сюда, а дальше?

— Объяснюсь с ним, — ответила Дина, наклоняясь к черной свече и приближая лицо к пламени. Она подняла перед собой амулет. — Кейтлин, подними руку Блэйда. Держи ее перед собой. Нам нужно, чтобы он знал, что она у нас.

Я покорно взяла окоченевшую фиолетовую руку своими дрожащими ладонями и высоко подняла ее.

— Он придет, — сказала Дина, переходя на шепот. — Узнает, что рука у нас, и придет за ней. А потом... — она посмотрела на меня. — Мы его заполучим.

Она бросила взгляд на амулет и опустила его к пламени свечи. Закрыв глаза, она начала бормотать слова на странном языке, которого я никогда не слышала.

Ее губы быстро шевелились, язык ударялся об зубы, ее глаза были закрыты, звук ее голоса был просто тихим бормотанием, таким слабым шепотом, что я не уверена, что слышала его.

Дина не двигалась. С прямой спиной, спустив ноги с подушки, она держала амулет в пламени свечи и шептала непонятные слова.

Я держала перед собой руку Блэйда. Мои руки начали болеть, а спина онемела. Я попыталась сесть поудобней, но это не помогло. Я сделала пару глубоких вдохов, гадая, как долго Дина будет бормотать, сколько времени понадобится для того, чтобы в дверь постучал Блэйд.

А что потом? Что потом? Дина была такой таинственной. Она не хотела раскрывать мне весь свой план.

Может, она хранила секрет, потому что для меня все это могло плохо кончиться?

Я не купилась на эту чепуху о лучших подругах. Я прекрасно знала, что я в опасности.

Но я не могла просто вскочить и сбежать. Если она правда хочет помочь мне избавиться от Блэйда... Если она действительно собирается использовать свои силы, чтобы вернуть Блэйда в гроб... я должна остаться. Я должна делать то, что она говорит.

Я снова заерзала. Мои руки дрожали. Спина болела. Я смотрела прямо перед собой на

Дину и слушала, как она бубнит.

Внезапно мои веки потяжелели. Ее мягкий шепот убаюкивал меня. Я старалась не уснуть — и охнула, когда у меня в ладонях что-то зашевелилось.

Я посмотрела вниз и увидела, что пальцы на руке Блэйда зашевелились.

Я закричала от ужаса и уронила руку на пол. Она глухо ударилась об пол, подпрыгнула и остановилась у лодыжек Дины. Я испуганно таращилась на мертвые пальцы, которые медленно разгибались. Большой палец был чопорно отставлен, а пальцы сгибались и разгибались, как будто проверяя, как они работают.

Дина открыла глаза всего на секунду. Она мельком глянула на движущуюся руку, как на жирное фиолетовое насекомое. Выражение ее лица не изменилось. Она снова закрыла глаза и тихо забубнила.

Я в ужасе смотрела, как рука переворачивается на другой бок. Потом начинает, как краб, ползать по полу.

— Дина... — воскликнула я. — Она двигается. Она уползает.

Я не могла обуздать свой страх.

— Значит, Блэйд рядом, — все так же шепотом сказала Дина. — Значит, он идет. Слушай. Сейчас услышишь его стук, Кейтлин.

Упорно царапая пальцами пол, ладонь подползла к столу. При виде приближающегося создания попугайчик пискнул и захлопал крыльшками.

— Блэйд рядом, — прошептала Дина. — Слушай внимательно. Сейчас услышишь его стук.

Я осознала, что задержала дыхание. Пришлось громко выдохнуть.

Услышав звук, я снова замерла. Это был тихий стук.

Откуда он идет?

Дина прекратила бормотание и склонила голову, прислушиваясь.

Бах... Бах...

Кто-то негромко стучал в стеклянную стену.

— Он здесь, — прошептала Дина.

Бах... Бах...

36

Я застыла, по моей спине побежал холодок. Я не могла дышать. Не могла шевельнуться. Наконец я заставила себя повернуться к стеклянной стене.

Бах... Бах...

Яркий солнечный свет вынудил меня прикрыть глаза ладонью. Затем я изумленно вскрикнула и вскочила на ноги.

Мы с Диной увидели на стоящего на задних лапах черного кота. Он смотрел в комнату с той стороны и стучал в стекло лапой.

Бах... Бах...

Это был не Блэйд. Не Блэйд.

Дина протяжно вздохнула, задув при этом одну из свечей. Она зашипела и испустила тонкий столбик черного дыма.

Плечи Дины поникли. Она швырнула амулет на одну из подушек.

— Не сработало, Кейтлин, — пробормотала она, отводя взгляд. — Блэй за пределами моего контроля.

Бах. Кот постучал еще раз. Потом он стал на все четыре лапы и убежал с высоко поднятым хвостом через высокие заросли сорняков.

И снова я вся похолодела. Даже странно, как страх может контролировать температуру твоего тела. Страх и шок. Я действительно ожидала увидеть за стеклом Блэйда. Теперь, когда его там не оказалось, я не знала, что мне говорить или делать дальше.

Дина подняла руку Блэйда, которая была почти у стало с аквариумом. Когда она оторвала ее от пола, пальцы снова согнулись. Дина бросила руку в аквариум. Полетели брызги воды, рыбки внутри бросились врассыпную. Рука легла на дно и перестала шевелиться.

Я стояла с открытым ртом, пытаюсь сгрести в кучку свой мозг. Меня удивило, что у Дины по щекам покатались слезы.

— Вся моя энергия, — бормотала она. — Я всю ее использовала. Я пуста, понимаешь. Мертвые отнимают слишком много энергии. Чтобы вернуть их... и отправить обратно. Я... У меня ее столько нет, Кейтлин. Я опустошена.

— Но, Дина... — начала я.

Она вытерла слезы пальцами. Ее глаза превратились в узкие щелки. Ее щеки были бледными и опухшими. Губы тоже потеряли цвет.

— Опустошена. И амулет пуст. Мои слова не имеют никакой силы.

Она схватила меня за плечо. Ее ладонь была ледяной.

— Я не смогу помочь тебе, Кейтлин. Блэйд где-то далеко, и он сам по себе, — она вздохнула. — Наверное, я взяла на себя слишком много. Думала, что знаю, как заманить его сюда, как его контролировать. У моей семьи всегда были огромные силы. Но... Я оказалась не готова.

— Дина, мне это не помогает, — закричала я, вырываясь из ее цепкой руки. — Он везде меня преследует. Он мучает меня и говорит, что никогда не покинет меня.

Она устало покачала головой.

— Что я могу сказать? Я попыталась.

— Но я не могу так жить! — закричала я. — Не могу жить, преследуемая везде мертвым парнем, который хватает меня, целует меня своими мертвыми губами, дерется, мучает меня. Как можно так жить?

— Кейтлин, послушай меня. Я скажу тебе правду. Я не всемогуща, — сказала Дина и прислонилась к стене. Ее лицо стало еще бледнее. Она почти потерялась в ярком солнечном свете, бьющем сквозь стеклянную стену. — Тебе придется разобраться с Блэйдом самой.

— Что? — охнула я. — Самой? Что черт возьми ты хочешь этим сказать, Дина? Что я

могу сделать?

— Разве это не очевидно? — сказала она. — Ты должна снова убить его.

37

Этим вечером на своей смене за прилавком с попкорном я, наверное, выглядела ошеломленной или рассеянной. Рики не раз подходил ко мне с вопросом, все ли у меня в порядке.

— Если хочешь, можешь взять десятиминутный перерыв, — предложил он мне всего после часа работы. Что за парень.

В кинотеатре было довольно многолюдно. Я не сводила глаз со входа в вестибюль. Как только я видела кого-то, одетого в красное, у меня перехватывало дыхание. Я знала, что Блэйд обязательно покажется. Знала, что он не придет мучить меня, пугать меня.

К концу смены напряжение от ожидания его утомило меня. Превратило в развалину. Я чуть не забыла о планах встретиться после работы с Джули.

Мы с ней встретились во «Фреш Чопт», салатном ресторане в торговом центре рядом с «Синеплексом». Поскольку Джули — вегетарианка, мы часто там встречались.

— Как дела? — спросила она, изучая меня.

Я пожала плечами.

— Не плохо. Я пахну попкорном?

Она кивнула.

Мы сделали себе салаты. Я не особо задумывалась, что кладу в свой. Мой желудок был слишком напряжен, чтобы я могла ощущать голод.

Мы сели друг напротив друга подальше от открытых двойных дверей. По соседству хныкали и жаловались маме двое маленьких детей.

— Но я ненавижу салат.

— Латук застревает у меня в зубах. Терпеть это не могу. Это мерзко.

— Мы хотим в Макдональдс!

— Это вкусно, — возразила мама. — Съешьте это, и я куплю вам мороженого.

— С посыпкой?

— Хорошо. С посыпкой.

Это их утихомирило. С маленькими детьми подкуп работает почти всегда.

Джули вилкой размешала заправку в салате. Взгляд ее темных глаз был все еще прикован ко мне. Ее соломенного цвета волосы ниспадали на плечи, одетые в полосатую майку.

Я заметила на ее правой мочке пластырь.

— Что случилось с твоим ухом?

Она закатила глаза.

— Несчастный случай во время пирсинга.

— Ты снова проколола уши? Очень смело с твоей стороны.

Как я уже говорила, Дневник, Джули обычно очень робкая. Сама себя она называет старомодной.

— Да. Мне захотелось иметь две дырки. Но тот парень что-то напартачил. Попала инфекция.

Я цыкнула.

Джули еще немного помешала свой салат.

— Давай не будем говорить обо мне, — сказала она. — Ты сегодня утром убежала из школы. Что это было?

Я положила вилку.

— А что? Люди обо мне болтают?

— Кейтлин, я видела тебя. Ты выбежала в дверь, словно за тобой гнались. Тебе стало плохо или что?

Я открыла рот, приготовившись ответить, но передумала, у меня в мозгу роились мысли. И вдруг я решила рассказать Джули, с такой сосредоточенностью глядящей на меня через стол, всю правду.

Мне нужно было кому-то признаться. Дина Фиар созналась, что не сможет мне помочь. Но я была не в состоянии справиться со всем этим одна.

— Джули, — начала я. — Знаю, что это прозвучит абсолютно безумно, но я расскажу тебе всю правду. Пожалуйста, выслушай меня. Прошу тебя, поверь мне, как бы странно это ни прозвучало.

Джули сжала мою руку.

— У тебя неприятности, Кейтлин?

— Нет, — сказала я. — То есть... да. То есть...

— Сделай вдох, хорошо? Ты меня пугаешь, — сказала она. — Сделай вдох и начни с самого начала. Ты же знаешь, что можешь мне доверять.

Я кивнула, перегнулась через стол, чтобы она слышала мой шепот. Я не хотела пугать детей, сидящих неподалеку.

— Блэйд вернулся, — прошептала я. — Помнишь? Его не похоронили? Дина Фиар вернула его к жизни. Она...

— Ты общаешься с Диной Фиар? — спросила Джули, прищурившись.

— Не то чтобы общаюсь, — ответила я. — Но она обладает способностями. Ты же знаешь историю ее семьи. Они все странные и... кое-что умеют. Она оживила Блэйда. И...

— Кейтлин, у тебя гипервентиляция, — перебила меня Джули. — Ты меня пугаешь. Постарайся успокоиться.

У меня за спиной дети спорили, куда пойти за мороженым. Они оба хотели пойти в «Дэйри Квин». Мама настаивала на «Тэйсти-Фриз».

Меня охватила печаль. Хотела бы я быть способной болтать о нормальных радостных вещах, как мороженое.

— Блэйд вернулся из мертвых, Джули, — прошептала я. — Он вернулся, чтобы преследовать меня, мучить меня, пугать.

Джули затрясла головой и откинула назад свои светлые волосы.

— Почему, Кейтлин? Почему тебя?

Я замялась. Стоит ли рассказывать ей обо всем.

Да, решила я. Меня просто распирало. Я больше не могла держать все это в себе.

— Он преследует меня, потому что я его убила, Джули. Это я. Я пырнула его ножом. А теперь... он вернулся, чтобы отомстить.

Я схватилась за столешницу обеими руками.

— Ты мне веришь? Пожалуйста, скажи, что ты мне веришь. Пожалуйста, Джули.

Некоторое время она просто смотрела на меня. Я практически видела, как бешено вращаются шестеренки ее мозга. Она не шевелилась. Даже не моргала.

Наконец она кивнула.

— Я верю тебе, Кейтлин. Верю.

Я сжала ее ладони. Мне хотелось вскочить и обнять ее.

— Спасибо! — воскликнула я. — Не могу выразить, как много это для меня значит, Джули. Не передать, насколько лучше я себя сейчас чувствую, рассказав тебе правду.

— Ты, наверное, ужасно напугана, Кейтлин, — сказала она. — Блэйд вернулся из мертвых? Это похоже на фильм ужасов. Как ты поступишь? Что ты можешь сделать? Ты должна от него избавиться. Ты должна...

— Дина Фиар пыталась помочь, но не смогла, — сказала я дрогнувшим голосом. — Я... Я не знаю, что делать дальше. Мне так страшно. Я постоянно боюсь, — я задержала дыхания, борясь со слезами. — Я так рада, что у меня есть кто-то, кто мне верит.

— Мы с тобой дружим с шестого класса, — сказала Джули. — Я хочу тебе помочь. Может, я смогу это сделать.

— Помочь? Как? — спросила я. В ресторан вошла группка ребят из нашей школы. На одном из них была красная толстовка. Я ахнула. Затем поняла, что на самом деле это была коричнево-белая толстовка Шейдисайд-Хай.

— Приходи ко мне домой, — сказала Джули и встала. — Через полчаса, ладно? Приходи через полчаса. Возможно, я смогу тебе помочь. Возможно.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо. Через полчаса. Я могу убить время здесь в торговом центре. Я приду. Спасибо, Джули. Нет, правда. Спасибо.

Я смотрела, как она поспешно уходит. Ни одна из нас так и не притронулась к своему салату. Но я почувствовала себя гораздо лучше, зная, что у меня есть настоящая подруга, которая мне верит, верит в мою историю, несмотря на то, что та звучит безумно.

Как, интересно, она собирается помочь мне? Я понятия не имела. Но теперь я была не одна.

Я направилась к выходу. Один из ребят из школы окликнул меня. Я помахала им, но не стала подходить.

Я побродила по торговому центру, глаза на витрины, но ничего по-настоящему не видя. Центр был почти пуст. Многие столики в ресторанном дворике на первом этаже были заняты. Но заскучавшие продавцы стояли в пустых магазинах, опершись на прилавки, и, не отводя глаз от часов, ждали девяти вечера, когда они смогут закрыться.

Я вспомнила, что мне нужно купить подарок отцу на день рождения. Через проход я заметила магазин «Brooks Brothers»³. Я сделала к нему пару шагов и остановилась. Я была не в настроении что-либо покупать.

Я глянула на телефон. Пора было отправляться к Джули. Моя машина была припаркована на противоположном конце, рядом с «Синеплекс». Я быстрым шагом направилась мимо магазина, не видя ничего, кроме сплошного пятна цветов и огней.

Моя машина в одиночестве стояла в ряду Б. Я почувствовала, как по задней части шеи пробежал холодок. Парковки наводят на меня ужас. Я вспомнила парня, пытавшегося ограбить меня после работы той ночью. На пустынной парковке ты абсолютно уязвим.

Колеса машины взвизгнули, когда я направилась по петляющему проходу к выходу.

Джули живет на Банк-стрит, недалеко от торгового центра. У нее две младших сестры, так что ее семья состоит из пяти человек. У них маленький дом, такой небольшой коттеджик. Кухня, столовая и гостиная — все находятся в одной большой комнате. У сестер Джули одна спальня на двоих.

Джули говорит, что ей такая теснота не мешает. Ее основная жалоба касается того, что в

доме всего одна ванная. Когда ее сестры делают там прически, это может длиться часами!

Она говорит, что любит свою семью, потому что они все довольно спокойные. Склоки вспыхивают только когда всем надо в ванную. Я знаю, что до того, как мистер Нелло повредил спину, они собирались переехать в дом побольше. Он был ассистентом менеджера в «Уолмарт», но в результате несчастного случая во время разгрузки грузовика получил инвалидность.

Обо всем этом я успела подумать по пути к ним. Наверное, я просто пыталась думать о чем-нибудь нормальном, пыталась держаться подальше от своих жутких проблем. Спустя пару минут я припарковала машину на обочине и ступила в их небольшой квадратный двор. К крыльцу были прислонены скутеры ее сестер. На низком вечнозеленом кустарнике у подножия крыльца висела скакалка.

Я глубоко вдохнула прохладный ночной воздух и на секунду задержала дыхание. Затем поднялась по узким ступенькам и позвонила в звонок.

Дверь почти сразу же распахнулось. Джули торжественно поприветствовала меня.

— Привет, Кейтлин. Входи.

Я вошла в крохотную прихожую. Увидела стоящих там людей. и не смогла сдержать крик:

— Что вы здесь делаете?

38

Я попала в ловушку, Дневник.

За спиной у Джули стояла моя мама, ее глаза были мокрыми, подбородок дрожал, как всегда, когда она расстроена. За ней стоял папа, положив одну руку на дрожащие мамины плечи. Он смотрел на меня, как будто не узнавал.

— Входи, — сказала мама. — Сядь, Кейтлин.

Она говорила медленно, мягко, как разговаривают с больными людьми.

Я увидела, что в задней части комнаты на диване жмутся друг к другу родители Джули. Щеки Джули были ярко-розовыми. Она видела, что я в ярости из-за ее предательства.

— Мне пришлось позвонить им, Кейтлин, — сказала она, крепко сжимая руки перед грудью. — У меня не было выбора.

— Почему? — холодно сказала я и стиснула зубы. — Почему ты решила, что должна заманить меня в ловушку.

— Никто никого никуда не заманивает, — сказала мама.

— Что я должна была делать? — спросила Джули, готовая расплакаться. — То, что ты говорила... То, что ты рассказывала мне в ресторане, было полным безумием... Я беспокоилась о тебе. Seriously беспокоилась. Тебе нужна помощь, Кейтлин. Я хочу сказать... — ее голос прервался.

Мама взяла меня за руку и сжала ее двумя ладонями.

— Мы приехали так быстро, как только смогли. Джули сказала, что у тебя нервный срыв.

Нервный срыв?

Не отпуская мою руку, она смотрела мне в глаза своими наполненными слезами глазами. Папа взял меня за руку и потащил к дивану.

— Садись. Давай, садись. Тебе плохо. Я вижу по твоим глазам.

— Спасибо, доктор, — с сарказмом заметила я.

— Приготовить кому-нибудь кофе или чай? — встряла миссис Нелло.

Ей никто не ответил.

Я слышала, как наверху в своей комнате болтают сестры Джули. У меня появилось непреодолимое желание вырваться от родителей, подняться наверх и присоединиться к ним.

— Простите нас за вторжение, — сказала моя мама маме Джули.

— Ничего страшного. Я все понимаю. Если я могу что-нибудь сделать...

— Кейтлин, прости меня, — продолжала извиняться Джули. Она стояла у входной двери, как будто боялась подходить ко мне ближе. — Ты моя подруга, — сказала она. — Я не могла просто смотреть на твои проблемы. Пожалуйста, прости меня.

— Нечего прощать, — за меня ответил мой отец. Он сел на диван рядом со мной, оставив между нами пространство, словно я заразная или являюсь каким-то диким животным, которое может напасть на него, если он подойдет слишком близко.

Мама стояла надо мной, скрестив перед собой руки.

— Расскажи нам то, что ты рассказала Джули. Хорошо, Кейтлин. Расскажи нам эту историю, чтобы мы смогли тебе помочь. Не бойся.

— Вы не понимаете! — закричала я. — Не понимаете! Это не история. Я не рассказывала Джули историю! Вы не понимаете!

Я кричала во все горло, понимая, что в этот момент выгляжу действительно как сумасшедшая.

— Крики не помогут, — мягко сказал папа.

— Это тоже не поможет, — огрызнулась я.

— Давай поговорим, — сказала мама и жестом показала мне подвинуться, чтобы она могла сесть с другой стороны от меня. — Семьи так делают, Кейтлин. Помогают друг другу.

Они с отцом говорили со мной, как с душевнобольной, а от их слезливых взглядов меня затошнило.

— Вот сами об этом и говорите! — крикнула я, вскочила на ноги, оттолкнула маму с дороги, обогнула Джули, которая сдавленно вскрикнула, и вылетела в дверь.

Я выскочила на крыльцо и захлопнула за собой дверь, приглушив их крики и просьбы вернуться. Я сделала глубокий вдох свежего теплого весеннего воздуха, спрыгнула с крыльца и побежала.

Я нерешительно глянула на свою машину, припаркованную на обочине. Нет. Мне нужно было бежать. Нужно было выбегать свою злость. Нужно было чувствовать, как лицо обдаёт воздухом, и позволить тишине очистить мой разум.

Наклонив голову, я ускорила, сумка стучала мне по плечам. Я бежала сквозь ночь, размахивая руками. Мимо темных в массе своей домов, крохотных лужаек, пустого участка со знаком «ПРОДАЕТСЯ» на обочине, узкой детской площадки с качелями и горкой.

Они думают, что я сошла с ума.

Джули думает, что я сошла с ума.

Моя подруга.

Я так и знала, что так будет, если я кому-нибудь признаюсь. И вот теперь я бежала на полной скорости в ночь, как какое-нибудь животное, бежала бог знает куда. Одна.

Дина Фиар не могла мне помочь. И Джули. Бог свидетель, родители мне тоже не помогут. Они выглядели так, словно готовы запереть меня.

И вот я бежала вдоль улицы. Пробежала два квартала, затем третий, то вбегая в тускло-желтый свет уличных фонарей, то выбегая из него. Свет, потом тень.

Мне всю оставшуюся жизнь придется провести в тени?

Я не могла бежать вечно. Даже в своем неменяемом состоянии я понимала, что рано или поздно мне придется вернуться домой. И что тогда?

Мои ботинки стучали по мягкой траве. Где-то вдалеке раздались три коротких автомобильных гудка. Кроме этого было слышно лишь буханье моих ботинок по мокрой от росы земле.

Приблизившись к автобусной остановке на углу, я резко остановилась. Мне понадобилось время, чтобы восстановить равновесие. Я тяжело дышала, у меня болело в груди.

Я словила себя на том, что продолжаю размахивать руками; сумка, висящая на плече вдруг показалась мне очень тяжелой. Остановившись, я попыталась восстановить дыхание и устоялась на стеклянную автобусную остановку, освещенную высоким фонарем.

Устоялась на ярко-красное пятно за стеклом. Сильно присмотрелась, сфокусировала взгляд... и поняла, что красная клякса представляет собой красную толстовку. Через стекло остановки я увидела красную толстовку. И парня, на котором она была надета. На его голову был накинут капюшон. Парень, ссутулившись, сидел на краю скамейки, топая одной ногой.

Блэйд. Он меня не видел. Он сидел ко мне спиной, как будто ждал автобус. Но я знала. Знала, что он ждет меня.

Откуда он узнал, что я здесь буду? Да какая разница. Он преследовал меня. Я знала, что, куда бы я ни пошла, он будет там. Я знала, что он всегда там будет.

Я смотрела, как он непринужденно стучит ногой, потирает колено джинсов. Я стояла, сжав кулаки, а внутри у меня разгорался гнев, такой сильный, что у меня перед глазами поплыли красные пятна, такие красные, как его толстовка. Я кипела, чуть не взрывалась, моя ярость была готова выплеснуться разрушительной волной.

Он не может так со мной поступать!

Я вспомнила слова Дины Фиар. Услышала ее, как будто она стояла у меня за спиной.

— Ты должна снова убить его.

Я уже достала нож из сумки. Уже крепко сжала в кулаке его рукоять. Лезвие ножа все еще было в пятнах крови с того раза.

Я так его и не почистила. Не выбросила его и не спрятала. Я его сохранила... Сохранила, потому что, наверное, знала все это время, что использую его снова.

Мне хотелось закричать. Хотелось выкрикнуть весь мой гнев. Но я сдержалась. Сдержалась, не дыша, мысля уже не как человек. Я сдержала крик и подняла перед собой нож.

Я скользнула на остановку, прежде чем Блэйд успел обернуться, — и пырнула его ножом в спину. Воткнула лезвие посреди красной толстовки, глубоко воткнула и со злостью надавила, вдавливая его еще глубже.

Я резанула вправо. Затем вернула лезвие обратно и резанула влево. Я втыкала его и резала, резала.

Блэйд слабо взмахнул руками. Издал долгий стон боли. Затем наклонился вперед. И свалился.

Тяжело дыша, как собака, громко сипя, я подняла глаза — и начала задыхаться. Меня рвало, и я задыхалась, потому что увидела, что за мной наблюдает Блэйд. Блэйд в своей красной толстовке наблюдал за мной, стоя у фонаря на противоположной стороне улицы.

Нож выпал у меня из рук и отскочил на обочину. Холодная ухмылка исказила лицо Блэйда и он показал мне поднятый большой палец.

Из моего горла вырвался тихий стон. Мои колени подкосились. Я схватилась за спинку скамейки, чтобы не упасть.

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Затем, протянув руки через спинку скамьи, я схватила парня за плечи его толстовки и развернула его.

Капюшон свалился, открыв его безжизненное лицо. Широкие темные глаза смотрели на меня пустым взглядом. Рот так и застыл открытым в последнем изумленном крике боли. На лбу спутались кудрявые коричневые волосы. В одном ухе было серебряное кольцо.

Я никогда не видела его прежде.

Боже мой. Боже мой. Я убила незнакомца. Я убила не того парня.

Сквозь пульс, барабнящий у меня в висках, я услышала смех Блэйда. Высокий, легкомысленный смех, как будто он только что услышал отличную шутку.

Я осмотрела улицу. Но Блэйд растворился в глубоких тенях. Его смех медленно угас.

Я словила себя на том, что все еще держу мертвого парня за плечи. У меня вдруг возникло желание поставить его на ноги. Сказать ему, что с ним все в порядке. Заставить его уйти.

Его голова запрокинулась, громко ударившись о скамейку. От этого звука у меня по коже пробежал пороз. Я отпустила его плечи и попятилась.

Я убийца.

— Дина! Это ты заставила меня это сделать? — крикнула я, удивляясь себе. — Ты заставила меня убить также и этого парня?

Тишина.

Естественно, в ответ я ничего не услышала.

Дины здесь не было.

Этого я убила сама. Я убила этого парня. Не Дина.

Когда на траву упал бледный свет, я подпрыгнула. Обернулась и увидела, что свет льется из переднего окна дома на углу. Присмотревшись, я разглядела, что из окна на меня смотрят двое людей.

Я убийца. Меня поймают.

Я подошла к краю тротуара. Наклонилась и подняла нож. Мои руки тряслись, пока я складывала его и клала обратно в сумку.

У меня в ушах звучал холодный смех Блэйда. Я не видела его. Но слышала его радостный, пренебрежительный смех.

Зажав уши ладонями, я снова побежала.

Перебежала через улицу и преодолела еще один квартал. Я бежала, зажимая уши, пытаюсь заглушить холодный смех мертвеца.

Бежала в сером, фиолетовом, черном тумане ночи. Бежала. Но куда?

Я подумала о Миранде. Моей единственной оставшейся подруге. Нет. Ни в коем случае. Миранда мне тоже не поверит. С чего бы? Я была уверена, что Джули уже позвонила ей, уже поделилась тем, в чем я призналась, уже описала ей встречу с моими родителями. Ловушку.

Я была уверена, что они уже успели обсудить мой нервный срыв. Сумасшедшую Кейтлин и ее бред о том, что ее мертвый парень вернулся, чтобы ее мучить. Я была уверена, что обе мои подруги желают мне только самого лучшего. Они бы хотели иметь возможность

чем-то... неважно чем... помочь мне излечиться от безумия.

Черт.

Я не могла бежать к Миранде. Ни в коем случае. Миранда мне не поможет.

Итак, куда я могла бы пойти? Куда я могла пойти с окровавленным ножом в сумке и ледяным смехом в ушах? И картина заколотого мною парня, расплосованного и порезанного на части, и вновь и вновь колотого ножом, и незнакомец... картина вновь всплывала в моих глазах, повторяясь при каждом моем шаге.

Куда я могла пойти?

У меня не было выбора. Мне пришлось вернуться домой. Сдаться на милость победителя. Признать вину, подготовиться к последствиям и ответить за содеянное.

Что ж. Может я недостаточно четко мыслю, Дневник. Может у меня спутались все мысли. Но так я думала, когда бежала по темным пустым улицам.

Назад, к дому Джулии. Машина припаркована на обочине. Весь свет в доме погашен. Машине тонет в темноте.

Я полезла за ключом. Ехала домой в безумных расплывчатых очертаниях света, проезжая мимо домов и деревьев, не останавливаясь и не глядя на знаки «стоп» и светофоры.

А когда в поле зрения попал мой дом, мир наконец снова оказался в фокусе. Я почувствовала самое настоящее облегчение. Я могла перестать бежать. Возможно, внутри я обрету какую-никакую безопасность.

Когда я во всем признаюсь, родители придут в ужас. Они не поймут. Будет сложно заставить их поверить мне. Но они попытаются мне помочь. Я знала, что могу на это рассчитывать.

Я повернула к двери в кухню, поскользнувшись на сырой траве, и резко остановилась, когда из темноты из-за дома выскочила фигура.

Блэйд. Со светящимися глазами. Он схватил меня за руку оставшейся ладонью.

— Пора тебе присоединиться ко мне, Кейтлин, — проскрежетал он через свои рваные губы.

Я попыталась вырваться, но он был слишком силен. Он потащил меня к себе. Обхватил ладонью мою голову и прижался к моим губам своими. Его холодные, мертвые губы терлись о мои.

К горлу подкатила тошнота. Я не могла закончить поцелуй. Его рот царапал мой. Я чувствовала кучу стежков, пропущенных им.

Меня сейчас стошнит.

Ужасный поцелуй длился, казалось, целую вечность. Наконец Блэйд оторвался от меня. Он посмотрел мне в глаза. В его светящихся зеленых глазах не было зрачков. Они были полностью остекленевшими.

— Пора, Кейтлин, — повторил он. — Пора тебе пойти со мной.

Я начала задыхаться.

— Пойти? Куда?

Он придвинул лицо вплотную к моему уху и прошептал:

— В могилу.

Крик вырвался из глубины моей груди.

— Не-е-е-е-е-е-ет! Я откинула голову назад и завизжала. Собрав все свои силы, я выхватила руки и сломила его хватку.

Он отступил назад. Мне было трудно дышать, я все еще ощущала холодный, кислый вкус его губ.

Я отскочила с отчаянным криком и стала искать место, куда упала моя сумка. Она упала в цветочную клумбу на обочине дороги. Я шагнула по направлению к ней и тут же подошел Блэйд. Раскинув руки, он заревел, готовясь схватить меня.

Я рванула вправо и увернулась от его хватки. Он промазал и плюхнулся на землю, удивленно вскрикнув.

Я попыталась схватить сумку. Но он успел добраться до нее раньше, чем я. Он швырнул ее. Я видела, как она упала на крышу моей машины.

Пока он поднимался на ноги, ворча и рыча, как обозленное животное, я подбежала к машине, достала с крыши сумку, ухватившись за ручку обеими руками.

Блэйд попытался ударить меня кулаком. Я нырнула, и удар пришелся над моей головой.

— Ты идешь со мной, — прорычал он. Ты тоже мертва, Кейтлин. Ты и я, мы вместе мертвы.

— Ни за что! — крикнула я, сунула руку в сумку, стала в ней рыться, бешено распихивая все по бокам, пока он готовился снова напасть на меня.

Вот!

Я его нашла. Нож лежал на дне сумки. Нож, который однажды уже убил его. Дрожащими пальцами я обхватила рукоять.

Когда Блэйд бросился ко мне, я открыла нож и ткнула в него.

Мимо.

Блэйд врезался в машину, так сильно, что она закачалась. Он сдавленно охнул. Отскочил.

Я повернулась и попыталась воткнуть нож ему в спину.

«Убей его снова». Такими были инструкции Дины. По ее словам, это был единственный выход. Единственный способ избавиться от мертвого парня. «Убей его снова».

Он увернулся в сторону. Лезвие ножа резануло по воздуху.

Зеленые глаза зло блеснули, он поднял обе руки ко мне.

Я еще раз взмахнула ножом, на этот раз застигнутая врасплох. Блэйд рванулся вперед и схватил меня за руку. Он попытался вырвать у меня нож.

Я открыла, чтобы запротестовать, но я слишком тяжело дышала, шумно сопя. Из моего рта не вылетело ни звука.

Я попыталась освободить руки, чтобы вывернуться от Блэйда. Но он схватил меня и отобрал у меня нож.

На мгновение не его бледном мертвом лице появилось ликующее выражение. Затем он двинулся ко мне, высоко подняв лезвие ножа, целясь мне прямо в сердце. Потом он быстро ткнул ножом в мою сторону.

Я споткнулась и упала. Упала на спину. Прежде чем я успела подняться на ноги, Блэйд оказался на мне. Он прижал мое тело, упершись коленями в землю по бокам.

Я попыталась спихнуть его двумя руками. Бешено заизвивалась под ним. Он словно пригвоздил меня к земле. Я была беспомощна.

С пустыми выпученными глазами он высоко поднял нож, и я смотрела, как лезвие,

сверкающее лезвие опускается вниз.

41

Из моего горла вырвался крик. Почувствовав прилив сил, я схватила его за руку, прежде чем он успел вонзить в меня нож. С напряжением и стоном я отпихнула его руку.

Мы боролись, это был сумасшедший матч по реслингу, только я лежала на спине. Оседлавший меня Блэйд наклонился, изо всех сил стараясь опустить лезвие.

Я охнула, когда лезвие оказалось в дюйме от моей шеи. Нечеловеческими усилиями я смогла оттолкнуть его вверх. Блэйд злобно вскрикнул, разочарованный, что не смог пырнуть меня.

Извернувшись всем телом, я попыталась выкарабкаться из-под него. Извернулась еще сильнее — и увидела, как по дорожке бежит Дина Фиар.

— Дина, — я выдохнула ее имя.

Блэйд поднял голову и повернулся к дороге. Он прекратил попытки заколоть меня. и всего лишь на секунду расслабился.

И я воспользовалась этим, чтобы выбить нож из его руки.

Он все еще смотрел на Дину, когда я перехватила нож, подняла клинок и вонзила его прямо в его живот.

Он хрипло вздохнул и вскинул руки вверх.

Я снова вонзила в него нож. Прямо в верхнюю часть живота. Прорезав красную толстовку. Резала и наносила удары. Вонзила в грудь между ребер. Снова и снова.

В этот раз крови не было. Откуда здесь могла быть кровь? Он был мертв. И сейчас он снова был мертв, только сам не осознавал это.

Я не видела лица Дины. Ее волосы развевались вокруг головы, скрывая лицо. Она стояла на краю дорожки, скрестив руки, стояла неподвижно, не предпринимая попыток вмешаться. Как будто она не была удивлена. Как будто именно это она и ожидала увидеть.

Наконец, Блэйд издал последний стон. Его тело начало сползать вправо. Я схватила его за бок и отвесила сильный пинок. Он упал с меня и его голова отскочила на траву.

Я отползла от него и пнула его еще раз. Он растянулся на боку на земле с широко открытыми глазами и не шевелясь. Без движения. Безмолвный, как мертвый.

Дина поспешила ко мне и помогла подняться на ноги. Я стояла там с заплаканным лицом и ноющими от борьбы руками, в висках у меня стучало.

Мои колени подкосились, и я начала падать. Дина поддержала меня, помогая удержаться на ногах. Я прислонилась к ней. Мне никак не удавалось восстановить дыхание. Мне казалось, что я сейчас задохнусь.

— Ч-что мы будем делать? — заикаясь, спросила я сдавленным хриплым голосом.

— Полегче. Расслабься, — мягко сказала Дина, поддерживая меня. — Я об этом позабочусь.

Я моргнула. Стерла холодный пот со лба тыльной стороной ладони.

— Позаботишься? Что ты имеешь в виду?

Она не ответила. Мое состояние понемногу приходило в норму. Руки все еще болели от борьбы с Блэйдом, шея онемела и была болезненной. Я увидела Блэйда, безжизненно распластавшегося на боку, со странно вывернутой головой и раскрытым ртом.

— В смысле ты об этом позаботишься? — удивилась я.

Дина двумя руками убрала с лица свои растрепанные волосы.

— Я верну его в часовню. Положу обратно в его гроб.

Я изучала ее глаза, пытаюсь удостовериться, говорила ли она правду. Что она подразумевала? Она оставит его на это время мертвым? Не вернет его к жизни, чтобы издеваться надо мной? Не вернет его в надежде, что в следующий раз он будет ее?

— Его семья захочет как можно скорее похоронить его, — пробормотала Дина и указала на тело. — Помоги мне отнести его в мою машину.

Я пошла за ней по траве.

— Я поеду с тобой, — сказала я. — Хочу убедиться...

— Нет. Ты не в себе, — возразила Дина. — Он чуть тебя не убил, Кейтлин. Иди в дом. Прими горячую ванну. Отдохни немного.

— Но я должна... — попыталась запротестовать я.

Она отмахнулась от меня.

— Нет. Просто помоги мне запихнуть его на заднее сиденье. С остальным я справлюсь сама. Правда.

Я схватила тело за ноги. Дина начала поднимать его за плечи.

— В конце концов, это моя вина, — продолжала она. — Мне не следовало возвращать его. Мне... Мне жаль.

Я ничего на это не ответила. Я слишком устала. Я едва могла держать голову прямо. Блэйд весил больше, чем я думала. А может, просто мертвые всегда кажутся тяжелыми.

Мы подтащили его к машине, стоящей у края подъездной дорожки. Подняли его с земли и сунули лицом вниз на заднее сиденье. Его ноги торчали из машины. Дина осторожно затолкала их внутрь и захлопнула дверь.

Она пошла в сторону водительской двери.

— Я справлюсь. Серьезно, — сказала она. — Иди домой, Кейтлин. Отдохни немного.

Я была не в том состоянии, чтобы отдыхать. Как можно отдыхать после того, что я сегодня сделала?

Пока Дина выезжала задом на дорогу, я смотрела на ее фары. Голова у меня шла кругом. Все тело болело. Я решила, что поеду за ней.

Она разожгла во мне подозрения. Почему она настояла на том, что вернет Блэйда в часовню одна. Я сомневалась, что она просто пыталась быть со мной деликатной. Сомневалась, что она так беспокоилась обо мне.

Что она запланировала на самом деле? Говорила она правду, или у нее еще какие-то планы на тело Блэйда?

В кабинете в дальнем конце нашего дома горел свет. Я знала, что там ждут мои родители. Я скользнула в машину и тихонько, насколько это было возможно, с выключенными фарами медленно выехала с подъездной дорожки.

Я видела машину Дины в квартале или около того впереди. Я не включала фары. Я не хотела, чтобы она заметила, что я ее преследую. Когда она остановилась на светофоре, я притормозила. Она повернула направо, а я немного подождала, хотя мне горел зеленый.

На дороге не было других машин, поэтому я позволила ей оторваться от меня на три квартала. Была ли это дорога к часовне? Я так сильно сконцентрировалась на ее машине, что не смотрела, куда мы едем.

Перед моими глазами маячили стоп-сигналы Дины. Я увидела, что она еще раз поворачивает направо. Я продолжала думать о Блэйде, о его возвращении в гроб. Блэйд наконец будет закопан глубоко в землю, откуда он не сможет вернуться за мной, откуда он

не сможет попытаться утащить меня за собой.

Я была готова повернуть направо, когда услышала сирены и увидела в зеркале заднего вида мигающие огни.

Когда в зеркале показалась патрульная машина, я застонала и перестроилась правее. Полицейская машина поравнялась со мной, и я увидела, как сидящий на пассажирском месте полицейский махнул мне съехать к обочине.

Надеюсь, Дина все-таки вернет тело Блэйда в часовню.

Такой была моя первая мысль. Моя вторая мысль была куда более пугающей: полицейские остановили меня, потому что они знают, что я убила Блэйда? Они наконец раскрыли дело? Они собираются арестовать меня за убийство?

Я вцепилась в руль обеими руками и сжала зубы, пытаясь унять озноб, распространившийся по моему телу.

Я смотрела прямо перед собой, пока не услышала громкий стук в окно. Повернувшись, я увидела офицера Ривера, который смотрел на меня.

— Кейтлин? Это ты? Выйди из машины, пожалуйста.

42

Я схватилась за ручку двери, но медлила. Обернувшись, я увидела на сиденье свою сумку. Нож внутри? Или я оставила его на земле в нашем дворе, где он упал?

Ривера нетерпеливо постучал в окно.

— Пожалуйста, выйди из машины, — он поднял фонарик и осветил белым галогеновым светом мне в лицо.

Я зажмурила глаза и выбралась из машины. Я стояла неподвижно, моргая от яркого света.

— Ч-что-то не так? — запинаясь, осторожно спросила я и напряглась, приготовившись услышать плохие новости.

Я отвернулась от света и мельком глянула на его напарника, который остался за рулем патрульной машины. Ривера внимательно изучал меня. Одна его рука была на кобуре.

Готовый арестовать меня за убийство.

Он перестал светить мне на лицо.

— Кейтлин, ты в курсе, что ехала с выключенными фарами?

— А? Что простите?

— Ты не заметила, что твои фары выключены? Тебе не было немного темновато?

— Ну... — мое горло сжалось. Я не могла говорить. Мне хотелось рассмеяться. Я ожидала, что меня закуют в наручники и потащат в тюрьму за убийство. А эти парни остановили меня из-за фар.

Я зажала рот ладонью, чтобы он не увидел моей улыбки.

— Кейтлин, ты пила? — Ривера поднес свое лицо к моему, видимо, чтобы понюхать мое дыхание.

— Не пила, — ответила я.

— Уже довольно поздно, — сказал он, окидывая взглядом темную улицу. — Куда это ты едешь в такое время?

— Я просто... возвращаюсь от подруги, — сказала я. — От моей подруги Джули.

— И где живет Джули?

— На Банк-стрит. В паре кварталов от торгового центра.

Он кивнул. Снял фуражку и зачесал назад свои черные волосы.

— Ладно, я тебя отпускаю, — сказал он. — У тебя все в порядке? Ты просто забыла о фарах?

Я кивнула.

— Да. Я задумалась о школе. И просто забыла.

Он опустил фуражку.

— Ладно, будь осторожно, хорошо? Включи фары.

— Обязательно, — ответила я. Я проследила, как он вернулся в патрульную машину, скользнул на пассажирское сиденье и закрыл дверь. Они с напарником не тронулись с места. Похоже, ждали, чтобы я отъехала первой.

Я включила фары. Затем включила передачу и тронулась. Была слишком поздно гнаться за Диной. На следующем перекрестке я повернула и направилась домой.

На меня нахлынула тяжелая волна ужаса. У меня заболел желудок. Я знала, что мои родители ждут меня. Как я объясню им то, что произошло сегодня? Что я им скажу?

Уверена, что их обидела та наша эмоциональная стычка перед родителями Джули. И как я смогу это объяснить? Когда я въезжала на подъездную дорожку, мой мозг бешено вращался, прыгая с одной мысли на другую, а моя голова, казалось, вот-вот разлетится на куски.

И конечно же, не успела я вылезть из машины, как распахнулась входная дверь и мне навстречу выбежали мама с папой.

— Ты в порядке? Где ты была? Как ты себя чувствуешь?

Я успела приоткрыть дверь машину всего на несколько дюймов.

— Дайте мне хотя бы из машины выбраться, — сказала я.

Они покорно отошли назад. Я вышла, поправила топ поверх джинсов. Они обняли меня за плечи, и мы все вместе вошли в дом.

— Можешь объяснить мне, что происходит? — спросил папа, когда мы устроились лицом к лицу на диванах в кабинете.

— Я в полном порядке, — ответила я. — Просто устала, вот и все. Очень устала. Но я в порядке. Честно.

Особенно теперь, когда Блэйд снова мертв и не придет мучить меня.

— Ты думаешь, мы в это поверим? — сказала мама, скрестив руки перед грудью. Она упрямая. Я знала, что именно с ней у меня возникнут проблемы.

— Ну... да, — ответила я. — Я ожидала, что вы мне поверите. Я не лгунья, мам. Я думала, вы это знаете.

Она это проигнорировала.

— Где ты была? — спросила она, впившись в меня взглядом. Я практически чувствовала исходящий от нее жар. — Куда ты пошла после того, как сбежала от Джули?

Я пожала плечами.

— Просто каталась.

— Кейтлин, ты должна объяснить нам, что происходит, — сказал отец, барабанил пальцами по подлокотнику. — Что ты рассказала Джули? Что ты такое сказала, что твоя подруга так расстроилась?

— Ты должна нам рассказать, — настаивала мама. — Ты не можешь просто отмахнуться и ничего не говорить.

— Слушайте, это была шутка, — сказала я. — Я выдумала историю о Блэйде Хэмптоне

и...

— О мальчике, который умер? — перебила мама и покачала головой. — Так грустно.

— Да, о Блэйде Хэмптоне, — повторила я, закрыла глаза и потерла виски. — Это была шутка. Я рассказала Джули историю о нем и... Я забыла, что у нее нет чувства юмора. Наверное, она решила, что я говорила серьезно.

Родители молча смотрели на меня. Интересно, купились они на мое бредовое объяснение?

Нет. Ни капельки.

Слишком поздно выдумывать новое.

В комнате повисло молчание. Папа ритмично барабанил по подлокотнику. Мама не шевелилась. Наконец она нарушила тишину.

— Что ж, Кейтлин... Твоя шутка, должно быть, была чересчур смешной. Чтобы ты ей ни сказала, это ее так расстроило, что она позвонила нам и сказала, что у тебя срыв.

Я выдавила из себя смех.

— Срыв? Что это вообще такое? Как когда кран срывает?

— Не дурачься, — отрезал папа. — Твоя подруга была серьезно расстроена и беспокоилась о тебе.

— Простите, — пробормотала я. — Но вы должны мне верить. Это была просто шутка. Наверное, Джули все неправильно поняла. Я в полном порядке. Я не чокнутая. Я не съехала с катушек, ничего такого.

Я начала вставать. Может, мне удастся добраться до лестницы и сбежать к себе в комнату. Я видела по их лицам, что они не удовлетворены.

Мои родители — не дураки. Вообще-то, они очень умные. И они знают, что не получили от меня достаточно убедительного объяснения. Знают, что вообще никакого объяснения не получили.

— Иди-ка лучше спать, — сказал папа, махнув в сторону лестницу. Его лицо неожиданно погрузнело, взгляд стал уставшим, как будто я его разочаровала.

— Но мы не закончили, — сказала мама, вскакивая и нависая надо мной. — Мы не закончили, Кейтлин. Мы еще к этому вернемся, слышишь? Мы поговорим, когда ты будешь не такой уставшей.

— Хорошо, — сказала я. Я не знала, что еще тут можно сказать. В дверях я остановилась и повернулась к ним. — Простите, — пробормотала я. — Простите, что Джули вам позвонила и вам пришлось мчаться туда. Простите. Правда. Простите, что я доставила вам беспокойство... — мой голос дрогнул. — Спокойной ночи. — Я схватилась за перила и пошла вверх по лестнице.

Наверху лестницы я остановилась. Я слышала, как горячее обсуждение мамы с папой в кабинете. Я услышала, как папа произнес:

— У всех подростков есть секреты. Но она будет в порядке.

Секреты? Он и половины не знает.

Я подняла сиротливый носок, который, похоже, кто-то уронил в коридоре, и отнесла в свою комнату. Я осторожно закрыла за собой дверь спальни. Окно было закрыто, и воздух был спертый, но я не стала открывать его. Я начала напряженно ходить взад-вперед. Моя комната небольшая. Не очень много места для ходьбы. Я почувствовала себя запертым в клетке животным.

Как я вообще смогу когда-нибудь уснуть?

Если Блэйд вернется в гроб, возможно, тогда я снова начну отдыхать. Я буду в гораздо лучшем состоянии, если буду знать, что гроб находится глубоко под землей.

Но я никак не могла узнать настоящих намерений Дины. Я ей не доверяла. Я знала, что она сходит с ума от Блэйда. Но... достаточно ли она безумна, чтобы снова пробудить его? Чтобы еще раз испытать на нем свою магию?

— Нет. Не может быть, — пробормотала я себе под нос.

Я никак не могла с ней связаться. Она не отвечала на сообщения и на телефонные звонки. Было слишком поздно, чтобы выбраться из дома и поехать к ней. Мне оставалось только молиться, чтобы она вернула тело Блэйда, как и сказала.

Я переоделась в сорочку, выключила свет и забралась в постель. Мои ладони были липкими. Сердце все еще колотилось. Мой мозг прыгал от одной мысли к другой, от одной отвратительной картинке к другой отвратительной картинке.

Я кого-то убила. Я сегодня вечером кого-то убила...

Я знала, что мне понадобится много времени, чтобы уснуть, Дневник, так и случилось. Я лежала, глядя в тени на окне не меньше часа. Каким-то образом мне удалось, наконец, отключиться.

Я провалилась в глубокий сон без сновидений. Спала я, по-видимому, долго.

Когда я открыла глаза, из окна к подножию моей кровати лился свет красного утреннего солнца. Я моргнула и начала потихоньку понимать, что меня разбудил звук. Я приподнялась и хорошенько прислушалась.

Да. Стук. Тук-тук-тук. Тихо, но настойчиво.

Стук в окно. Я подняла глаза. В лучах красного солнца появилась тень.

Я задержала дыхание. От ужаса схватилась двумя руками за простыни.

Тук-тук-тук.

Кто-то стучал в окно моей спальни. Всего в паре сантиметров от меня.

Блэйд!

43

Стук повторился, но тень с оконного стекла исчезла. Я заставила себя сесть.

Нет, пожалуйста. Уходи, Блэйда. Пожалуйста, уходи.

Снова тихое постукивание.

Одной рукой прикрыв глаза от яркого солнца, я выглянула наружу.

— Блэйд?

Я вздохнула с облегчением.

Не Блэйд.

Рядом с окном повис дятел и клевал его, ритмично постукивая.

В нормальном состоянии я бы вспомнила. Это было уже не первое утро, когда дятел решил позавтракать прямо рядом с моей комнатой.

Но я не была в нормальном состоянии. И, одеваясь в школу, я с грустью думала, смогу ли я вообще когда-нибудь вернуться в нормальное состояние.

В школе я избегала Джули и Миранду. Перед классным часом я увидела, что они наблюдают за мной с другого конца коридора. Прижавшись друг к другу, они о чем-то

шептались, глядя на меня, как будто я сумасшедшая или какой-то странный новый вид животного.

Джули направилась ко мне. Возможно, она хотела еще раз извиниться за то, что втянула в это дело моих родителей. Но я была не готова сказать ей, что все снова тип-топ. Я чувствовала себя преданной. Я знала, что, скорее всего, это пройдет. Но не сейчас.

Захлопнув дверцу шкафчика, я торопливо зашагала в противоположном направлении, оставив их обеих позади с отвисшими челюстями. Я вошла в класс и осмотрелась в поисках Блэйда. Ты станешь меня за это винить?

Раньше он уже удивил меня, явившись в школу, в тот день, когда я пыталась прочесть свое эссе о скрипке. У меня не было гарантий, что он не вернется мучить меня. Не было гарантий, что он не будет поджидать меня, поджидать, чтобы схватить, на уроках английского, математики или в библиотеке, в учебном зале которой у меня проходит четвертый урок.

Я знала, Дневник, что весь день должна быть настороже. Это было нелегко. Ужасный способ провести день — постоянно чего-то бояться, не иметь возможности расслабиться или подумать о чем-то другом хоть на секунду.

Во время ланча я взяла в столовой сэндвич с тунцом и пошла с ним наружу, на парковку. Я не хотела столкнуться с Джули или с Мирандой. Мы всегда сидели вместе за столиком в дальнем конце, и я решила, что для всех троих из нас будет менее неловко, если я поем одна на улице.

Был теплый день, солнце светило так ярко, что по ощущениям было скорее лето, чем весна. Позади школы легкий ветерок колыхал одуванчики, яркие, как солнце. Вдоль края парковки носились друг за другом две белки.

Я прислонилась к багажнику машины и попыталась съесть свой сэндвич. Но у меня пересохло в горле, а попить я ничего не взяла. Да я все равно не была голодна. Мой желудок словно сжала невидимая рука.

Внезапно я поняла, что мне делать. Если я продолжу ожидать увидеть Блэйда, остаток школьного дня превратится в кошмар. Я не могла вернуться обратно.

Я залезла в машину и швырнула так и не съеденный сэндвич на пассажирское сиденье. Вытащила ключи из сумки и завела двигатель.

Часовня Норт-Хилз была недалеко от школы. Я решила заехать в часовню и убедиться, что Блэйд на месте. Если я буду знать это наверняка, я смогу вернуться в школу и, возможно... только возможно... моя жизнь снова станет нормальной.

Приехав в часовню, я обнаружила входную дверь открытой. Рабочие в голубых униформах устанавливали к одной из стен стремянки, собираясь мыть грязные окна высотой до самого потолка.

Я подошла ко входу в поисках кого-нибудь, кто сможет мне помочь. И чуть не запуталась в широком брезенте, которые двое мужчин растягивали над проходом.

— Здесь есть кто-нибудь? — спросила я громче, чем предполагала. Несколько рабочих повернулись в мою сторону.

За алтарем пряталась седая женщина в униформе горничной. Она высунула голову, держа в руке метелку для пыли.

— Могу я вам помочь?

Я кивнула.

— Да. Мне нужно получить кое-какую информацию.

Прежде чем она успела ответить, в задней части часовни показался священник. Преподобный Преллер был одет все в ту же коричневую спортивную куртку, которая была на нем на похоронах Блэйда. В руке у него был планшет, а за ухом был заткнут карандаш.

Он, прищурившись, посмотрел на меня.

— Да?

Я подпрыгнула из-за раздавшегося за спиной грохота. Обернувшись, я увидела, что один из рабочих уронил ведро. Мыльная вода растеклась по устланному ковром проходу.

Священник почесал затылок.

— Как видишь, сегодня мы закрыты. Но если тебе нужна информация...

Я вдруг поняла, что не знаю, как задать свой вопрос. Я же не могла просто выпалить «А Блэйд Хэмптон в своем гробу?» Я стояла с открытым ртом, лихорадочно соображая.

— Я... Я пришла спросить о Блэиде Хэмптоне, — наконец произнесла я.

Глаза священника сверкнули. Лицо напряглось. Я определенно завладела его вниманием.

— Похороны были в прошлую субботу. Ты его родственница? — спросил он, внимательно изучая меня.

— Да, — солгала я. — Он... он мой двоюродный брат.

Мое сердце заколотилось. Он мне поверил?

— Что ж, вообще-то я не могу тебе сказать... — начал он.

— Мне просто нужно знать, где он похоронен, — перебила я. — Я... Моя семья приехала в Шейдисайд поздно. И нам нужно знать...

Он снова поскреб затылок.

— Похоронен?

Я кивнула, закусив нижнюю губу.

Пожалуйста, ответь. Пожалуйста, скажи мне, что его похоронили.

— Мисс, вы говорили с родителями Блэйда? Если так, то вы знаете, что они в шоке. Знаете, что они не в себе от горя.

— М-мы... мы только что приехали, — прозаикалась я. — У нас не было возможности...

— Блэйд не был похоронен, — сказал Преллер. — Потому что его тело украли.

44

— Ого, — я не смогла скрыть ужаса и разочарования. Я чувствовала, как к моему лицу прилила кровь. Мои колени стали подкашиваться. Дина не вернула его в гроб.

Я не знала, что подумал преподобный Преллер. Да и мне было все равно. Блэйд был где-то на свободе. И я знала, что он не успокоится, пока не утянет меня с собой, пока не доведет меня до смерти.

— Прости, что шокировал, — сказал священник. Но я уже развернулась и на полной скорости побежала мимо удивленных рабочих.

К машине. Я захлопнула дверь. Завела двигатель. Нажала на газ, заставив двигатель взреветь. Мне хотелось реветь вместе с ним. Хотелось реветь, кричать и выть, как дикое животное.

Я не хочу умирать, Блэйд. Не хочу присоединиться к тебе.

Но я знала, что он где-то ждет меня. Дина Фиар оказалась лгуньей. Она не просто лгунья, она — само зло. Она не собиралась отказываться от своей отчаянной надежды, что

Блэйд передумает и выберет ее вместо меня.

Она не собиралась сдаваться...

Я забарабанила кулаками по рулю. Барабанила, пока у меня не заболели руки. Один из рабочих остановился и уставился на меня. Я отвернулась, и он пошел дальше.

Я не знала, что сильнее: мой страх или моя злость. Я только знала, что почти сошла с ума, потеряла контроль.

Пришла пора рассказать родителям. У меня не было выбора. Пришла пора рассказать им все. Я знала, что они ни за что не поверят в то, что случилось в последние пару недель.

Но я должна была попытаться...

Я знала, что они оба дома. Мама подумала, что, наверное, болеет гриппом, а папа взял отгул, чтобы о ней позаботиться.

Я ворвалась в дом с тысячей мыслей в голове. С чего мне начать? Как мне рассказать им, что случилось?

Я не хотела разрыдаться и потерять способность говорить. Но, вбежав в дом, я поняла, что не уверена, что смогу сдержаться.

— Мам? Пап?

Я нашла их сидящими рядышком на диване в кабинете. Ворвалась в комнату. Открыла рот, чтобы начать рассказывать им свою историю. И остановилась, когда увидела, что они держат на коленях.

Я в ужасе закричала:

— Что вы с ним делаете?

45

Я стояла и дрожащим пальцем показывала на свой дневник. Раскрытый дневник, лежащий перед ними.

— Где вы его взяли? Что вы с ним делаете? — закричала я.

Папа побледнел. Мама заговорила первой.

— Кэти-Энн, я знаю, что мы не должны были его читать. Знаю, что мы нарушили твое право на частную жизнь. Но он лежал открытым у тебя на столе и... и...

— Мы так о тебе беспокоились, — закончил предложение папа.

— Н-н-но... — запинаясь, пробормотала я.

— Мы должны были понять, что с тобой происходит, — сказала мама. — Кэти-Энн, мы понятия не имели. Читая твой дневник... Столько насилия. И убийства. И безумие.

— Твой дневник похож на ужастик, — сказал папа. У него на глаза навернулись слезы. Его подбородок дрожал. Он был бледным, как диванная подушка.

— Это и есть ужастик! — закричала я, подбегая к ним и нависая над ними.

— Зачем ты изменила свое имя? — спросила мама. — Почему ты назвала себя Кейтлин?

Я вздохнула.

— Потому что это всего лишь история, мам. Это не мой дневник. Это вообще не дневник.

Мама моргнула.

— Но, Кэти-Энн... там все твои друзья. Джули и Миранда. Они же реальные люди. И твои учителя тоже там есть. И...

— Я использовала их в своей истории, мам. Использовала их в качестве персонажей, потому что я их знаю. Знаю, как их описать. Но это не правда. Это не дневник. Это роман, который я писала. Ничего из этого не было по-настоящему. Клянусь. Ничего.

Папа тяжело сглотнул. Он продолжал моргать, как будто никак не мог сфокусироваться.

— Это роман? Выдумка?

— Да, я пишу роман, — сказала я и закатила глаза, горько рассмеявшись. — Вы двое правда подумали, что я убила парня? Seriously? Поверили, что я насмерть зарезала парня... дважды? Да?

Мама замаялась.

— Ну... нет. Конечно, нет, дорогая. Но этот мальчик, Блэйд, действительно умер. Он утонул, так? На каникулах с родителями?

Я кивнула.

— Это было очень печально. Он был моим другом. Поэтому я использовала его в истории. Но...

— Тут говорится, что ты убила незнакомца, — сказала мама, кусая нижнюю губу. — Ты написала, что зарезала невинного парня на автобусной остановке. Кэти-Энн...

— Это неправда. Это все выдумка, — продолжала настаивать я. — Вымысел, мам. Как ты не понимаешь?

— Ладно, а кто такая Дина Фиар? — спросил папа. — Я никогда раньше от тебя о ней не слышал.

Я снова закатила глаза.

— Потому что ее не существует, пап. Нет никакой Дины Фиар. Я ее выдумала. Ты же знаешь все эти безумные истории, которые люди рассказывают о Фиар-Стрит. Я выдумала еще одну.

Он кивнул, обменявшись взглядами с мамой. Она пробежалась рукой по рукописной странице у нее на коленях.

— Что ж, Кэти-Энн. у тебя неплохой стиль. Но... Мне жаль это говорить, но такое мог написать только человек, у которого большие проблемы.

— Может, тебе нужно с кем-нибудь встретиться, — сказал папа. — Эти твои мысли...

— Это смешно, — возразила я. — Нет у меня никаких проблем. Ты же знаешь, что я люблю писать. Я решила написать ужастик. Вот и все. Я использовала воображение. И выдумала жуткую историю.

Я потянула себя за полосы.

— Но это не означает, что у меня проблемы. Не означает, что у меня ненормальные пугающие мысли. Я выдумала персонажей и написала историю. Можете вы это понять?

Они покачали головами. Они не могли осознать тот факт, что мое произведение наполнено жестокостью, кровью, убийствами и парнем, вернувшимся из мертвых. Полагаю, они считали, что я должна писать о котятках и леденцах.

Я протянула руки, и мама отдала мне книгу.

— Вы должны мной гордиться, — сказала я. Посмотрите, какая я креативная. Я делаю домашние задания. Мой средний балл четыре с плюсом. И я написала почти целый роман.

Я покачала головой и нахмурилась.

— Вместо того, чтобы сидеть здесь с недовольными лицами, вам бы стоило сказать мне,

какую классную вещь я создала.

Я повернулась и пошла прочь из кабинета. Но папа позвал меня обратно.

— Ты права. Ты абсолютно права, — сказал он. — Мы гордимся тобой, Кэти-Энн. Мы просто не поняли... — он покачал головой. — Ты застала нас врасплох. Ты одурачила нас. Ты так хорошо пишешь, что мы во все это поверили.

— Твой папа прав, — сказала мама. Она показала на книгу у меня в руках. — Знаешь что? Это действительно хорошая история. Возможно, тебе стоит попытаться опубликовать ее.

ГОД СПУСТЯ

Кэти-Энн поправила юбку на бедрах, затем двумя руками зачесала назад волосы. Она прикрыла глаза ладонью от яркого послеобеденного солнца и посмотрела на книжный магазин на противоположной стороне парковки.

— Смотри, дорогая, там уже очередь, — сказала ее мама. — Разве это не волнительно? Они ждут тебя.

«Волнительно — не то слово, — подумала Кэти-Энн, чувствуя, как в груди затрепетало сердце. — Это нереально!»

Отец взял ее за руку, и, идя между родителями, она направилась к книжному магазину. В очереди у входа она насчитала не меньше двадцати людей. Большинство из них были старшеклассницы. Она узнала несколько человек из Шейдисайд Хай. Но были и взрослые.

Она остановилась перед большим окном рядом со входом и сквозь солнечное сияние уставилась на постер — ее фото, где она улыбается и держит книгу. Под ним жирным шрифтом написано: СЕГОДНЯ. АВТОГРАФ-СЕССИЯ в 3.00.

Папа вытащил телефон и сделал несколько снимков постера. Несколько человек из очереди узнали ее и окликнули.

Дверь открылась. Приятная молодая женщина в джинсах и красно-белой полосатой футболке вышла, чтобы поприветствовать ее.

— Привет, Кэти-Энн. Я Мэнди Уэйд, менеджер магазина. Добро пожаловать в «Книги и вещи».

— Спасибо, — Кэти Энн почувствовала, как сжимается ее горло. Это правда происходит?

Каким безумным был этот год! Ей понадобилось несколько недель, чтобы напечатать то, что она писала в дневнике. Затем она отправила рукопись своему двоюродному брату в Нью-Йорк, чья девушка работала в издательстве. Какой же она испытала шок, когда две недели спустя Кэти-Энн получила предложение. Ее книгу опубликуют!

И вот она была здесь, готовая к своей первой автограф-сессии в единственном книжном

магазине в Шейдисайде. Книга выпущена всего неделю назад и уже получила несколько хороших рецензий.

Кэти-Энн не смогла сдержать смех. Мама, идущая рядом с ней по магазину, светилась от гордости. А сначала она была так потрясена и расстроена историей, которую прочла. Теперь же у нее целая страница в Pinterest, посвященная фото, обзорам и прочему, что связано с книгой.

— Присаживайся сюда, за стол, — сказала Мэнди Уэйд, отодвигая стул для Кэти-Энн. — У меня здесь много разных ручек и маркеров. Не знала, что ты предпочитаешь.

— Вообще-то, я и сама не знаю, — ответила Кэти-Энн, усаживаясь рядом с высокими стопками ее книг. Это моя первая автограф-сессия.

Мэнди потрепала ее по руке.

— Главное — расслабиться и наслаждаться. Эти люди пришли сюда специально, чтобы увидеть тебя. Так что нет причин нервничать, — она повернулась к двери. — Сейчас я впусчу людей. Для новичка у тебя большая толпа.

Отец Кэти-Энн был занят тем, что делал ее фото. Мама стояла рядом, скрестив руки, с гордой улыбкой на лице.

Кэти-Энн прочистила горло, открыла бутылку воды, стоящую перед ней, и сделала большой глоток. Затем она взяла ручку и стала смотреть, как к столу направляются люди.

Первыми в очереди были Рейчел Мартин и Эми О'Брайан, две старшеклассницы из Шейдисайд Хай. Они болтали о том, как это волнительно.

— Я уже прочла ее, — сказала Эми, когда Кэти-Энн поблагодарила ее и подписала их книги.

Женщина среднего возраста положила перед Кэти-Энн книгу и открыла ее на титульной странице.

— Можете подписать ее для моей дочери Корал? Ей тоже нравится писать. Не могли бы вы написать для нее что-нибудь воодушевляющее?

Кэти-Энн подписала книгу для Корал. Она не знала, что сказать, поэтому написала: «Продолжай читать и продолжай писать!»

Следующая книга купила три книги и попросила подписать их:

— Не нужно текста. Просто ваша подпись. Это будут подарки на дни рождения, — сказала она.

Кэти-Энн, наклонившись над книгами, подписала их.

— Вы работаете над следующей книгой? — спросила женщина, поднимая книги.

— Пока нет, — ответила Кэти-Энн.

Следующим в очереди был высокий молодой парень с вьющимися черными волосами и серебристыми солнцезащитными очками, в которых отражался свет с потолка. Он положил перед ней книгу, затем медленно снял очки.

Она уставилась в его странные серо-зеленые глаза — и узнала его.

Он пододвинул к ней книгу и попросил:

— Просто подпиши ее: «Мертвому бойфренду».

— Блэйд? Блэйд?

Кэти-Энн уронила ручку и закричала.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

В данной книге читателю не раз могут встретиться расхождения с фактами, изложенными в романе «Пропавшая девушка». Причина таких «нестыковок» станет известна в самом конце. Прим. ред.

[

←2

]

Опять же, Кейтлин намеренно допускает неточное описание. Прим. ред.

[

←3

]

«Brooks Brothers» — марка мужской одежды в США. Прим. перев.